

А. Н. ЛИБЕРМАН

ПОМНЮ
Страницы жизни

**Санкт-Петербург
2006**

*Светлой памяти моей матери
Анны Аркадьевны Кабищер
посвящается*

А. Н. ЛИБЕРМАН

ПОМНЮ
Страницы жизни

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
2006

*Издание осуществлено при поддержке
Центра информатики „Гамма-7”
(г. Москва)*

Либерман Аркадий Нисонович
Помню. Страницы жизни. СПб.
Изд. 2-е, исправленное и дополненное, 2006

Автор этой книги – доктор медицинских наук, профессор, прожил большую жизнь, насыщенную разными событиями. Детские годы, курсантская юность, врачебная служба на военных флотах, научная деятельность, участие в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, встречи со знаменитыми людьми и просто забавные эпизоды, – обо всем этом написано живо и интересно.

© Либерман А.Н., 2006

Содержание

Стр.

Вместо предисловия

1. Мои предки и родственники. Детские годы

2. Курсантские годы

Учителя-профессора
Друзья- однокурсники
Воспоминания о гауптвахте
Спортивные соревнования
Полет на луну
Распределение

3. Служба на флотах

Первые месяцы моей службы
В Порт-Артуре
Эшелон идет на запад
Схватка с интендантами
Снова в Приморье
Как я пробивался на факультет специализации
Кандидатская диссертация
О встрече с маршалом Жуковым

4. Снова в Ленинграде

В Институте радиационной гигиены
Как я готовил докторскую диссертацию
Дела изобретательские
На Чукотке
Как я получил „строгача” за плохую воспитательную работу
Поездки за рубеж
Пивная история
Автомобильные байки
Как я встретился с Аркадием Райкиным
Чернобыльская катастрофа

Вместо эпилога

Вместо предисловия

Чем больше прожито лет, тем чаще человек задумывается, достойно ли он прожил свою жизнь, что он сделал для других людей, насколько полно проявил свои силы и способности. Подобные мысли все чаще и настойчивей посещают и автора этой книги.

Я никогда не писал воспоминаний. Все написанное мной (более 300 научных трудов, в том числе 10 монографий) представляет собой результаты научных исследований по различным аспектам радиационной гигиены, которой я непрерывно занимался в течение почти полувека.

Поэтому, естественно, у меня было много колебаний, и прошло немало лет, прежде чем я, наконец, решил взяться за перо и выступить в незнакомом для меня жанре мемуаров. Многие мои друзья, которые знали мое прошлое и настоящее, давно высказывались однозначно: надо писать.

Насколько интересны и познавательны будут для читателей эти воспоминания о наиболее ярких, и потому хорошо запомнившихся страницах моей жизни? Насколько объективно будет то, как смогу я описать события и людей? И, наконец, нужны ли в принципе какие-то новые свидетельства большой, сложной и во многом противоречивой эпохи? Ведь так много изменилось с тех пор...

Ответы на эти вопросы могут, разумеется, дать только читатели этой книги. Я выношу эти страницы моей жизни на их суд.

За время, прошедшее с момента выхода в свет первого издания этой книги я получил много одобрительных откликов от читателей. С благодарностью я принимаю высказанные читателями замечания и пожелания. В предлагаемом вниманию читателей издании они, по возможности, учтены. В текст книги внесены также некоторые дополнения.

Выражаю свою признательность Льву Гелимсону за полезные советы и рекомендации. Большую помощь на всех этапах подготовки рукописи оказали Анна и Яков Гринберг, а в оформлении книги – Михаил Нисман. Всех их сердечно благодарю.

1. Мои предки и родственники. Детские годы

Своих дальних предков я не знаю.

По материнской линии я помню прадеда. Это был сухонький седой старичок, который жил в Ленинграде у своей дочери Эстер (сестры моей бабушки). Прадед был крестьянином и почти всю жизнь провел в местечке Добромысли, что расположено примерно в 40 километрах от Витебска. Это была одна из местностей, находящихся в так называемой „черте оседлости“, где царское правительство разрешало жить евреям. Мы с мамой, когда я еще был мальчиком, два лета отдыхали у родственников в Добромыслях.

На этом месте (да простит меня Читатель!) я хочу сделать некоторое отступление.

Уже в конце 80-х годов я снова посетил эти места. Я знал, что все еврейское население Добромыслей (а оно составляло добрую половину жителей местечка) по приказу оккупантов летом 1942 года было расстреляно полицаями.

Я пошел к председателю поселкового совета (а в Добромыслях тогда было уже более двух тысяч жителей). Меня приветливо встретил молодой человек лет тридцати пяти. Да, он знал, что во время войны были расстреляны все евреи – жители местечка. Он дал мне адреса двух пожилых женщин-белорусок, которые жили в Добромыслях во время войны. Я разыскал и попросил их рассказать о расстреле. Одна из этих женщин, домик которой находился на краю местечка, видела, как всех евреев – женщин, стариков, детей – под конвоем полицаев вели за околицу. Одна из этих женщин крикнула ей: „Прощай, соседка! Больше не увидимся.” (Они, конечно, знали, что их ведут на расстрел).

Женщины показали мне холмик на опушке леса, где были расстреляны и похоронены в братской могиле несчастные люди. Среди них были сестра моей бабушки и ее дочь.

Я вернулся к председателю поселкового совета.

– Не кажется ли Вам, уважаемый товарищ председатель, что на месте гибели сотен Ваших односельчан надо было бы поставить хоть какой-то обелиск или хотя бы камень с фамилиями погибших? Я, со своей стороны, готов внести свой вклад на сооружение этого памятника.

– Да, Вы абсолютно правы. Памятник надо установить. Но на это нужно разрешение райкома партии.

Я поехал в районный центр Лиозно. Там, в райкоме, „в принципе соглашались”, но посоветовали памятник поставить ... на кладбище.

– Ведь люди расстреляны и захоронены не на кладбище, а в лесу, – возразил я.

Однако так ничего я и не добился, кроме рекомендации получить разрешение на памятник в Витебском обкоме партии.

По моей просьбе витебские знакомые (родители моего диссертанта) ходили с этим делом в обком. И там заявили, что „всем, кому надо, памятники уже давно поставлены и поэтому никаких новых памятников ставить не следует” ...

Кстати, этот год (1987), когда я приехал в Витебск был официально объявлен ЮНЕСКО как „Год Шагала” в честь 100-летия со дня рождения выдающегося художника Марка Шагала. Я знал, что домик Марка Шагала и художественное училище, которое он создал и директором которого он был, находятся на Привокзальной улице. Мы с моим витебским знакомым пошли искать.

С трудом, расспросив несколько местных жителей, мы разыскали домик Шагала – небольшой одноэтажный каменный дом, разделенный на две половины. В одной половине жил с семьей пожилой еврей, инвалид войны. Он рассказал нам, что в этот год особенно много приезжает зарубежных гостей, в том числе из Америки, Израиля и других стран. И в подтверждение показал нам множество занявших все стены небольшой комнаты сувениров – флажков, значков, кукол и т.п. Ни на здании бывшего

художественного училища, ни на домике Шагала мемориальных досок не оказалось.

Я попросил моих витебских знакомых узнать в обкоме партии, почему весь мир отмечает 100-летний юбилей Марка Шагала, а в родном Витебске, с которым связана добрая половина его творений, нет даже мемориальных досок в местах его жизни и работы. И, знаете, что ответили в обкоме:

– Мы знаем французского художника Шагала, но мы не знаем белорусского художника Шагала...

Как говорится, без комментариев...

Только спустя несколько лет на домике Шагала, как мне сказали, была установлена мемориальная доска.

Вернемся, однако, к моим предкам. Моя бабушка Гинда родилась в Добромыслях, но потом переехала в Витебск, где вместе с мужем – моим дедушкой открыла салон-парикмахерскую. В этом салоне оба и работали. Надо было кормить семью – двух дочерей и сына. Дедушка рано умер от туберкулеза и все заботы о семье легли на плечи бабушки. Она сумела еще до Октябрьской революции всем своим детям дать среднее образование: дочери кончили гимназию, а сын – реальное училище. В 30-х годах прошлого века бабушка перебралась жить в Ленинград к своей старшей дочери Ханне (моей матери). Мы прожили втроем в двух комнатах коммунальной квартиры более тридцати лет. После окончания Великой Отечественной войны бабушка вернулась в Ленинград и продолжала жить с моей мамой. Несмотря на пенсионный возраст, она еще несколько лет работала в парикмахерской дамским мастером.

Помню (это было перед Великой Отечественной войной), как бабушка вместе со своими коллегами из парикмахерской участвовала в обязательном мероприятии – кроссе на лыжах. Надо было пройти круг в три километра. Финиш был там же, где и старт, но с другой стороны. Бабушка же в жизни своей никогда не стояла на лыжах. Я пристроил ей на обувь лыжи и показал, как надо ходить. Она с большим трудом прошла метров сто и остановилась за поворотом дороги. Я снял с ног бабушки лыжи, мы пешком обошли (леском, чтобы нас не видели) старт, и я снова

поставил ее на лыжи. И вот, к изумлению инструкторов, моя бабушка, с трудом передвигая ноги, пришла к финишу первой!

Бабушка умерла в Ленинграде в 1962 году в возрасте 82 лет.

О своих дедушке и бабушке по отцовской линии я знаю, к сожалению, совсем немного.

Дедушка Гриша жил в Петербурге, был лесоторговцем – купцом первой гильдии. Именно поэтому он и получил вид на жительство в Петербурге. Я в этом смог убедиться, увидев случайно в гостях телефонную книгу Санкт-Петербурга за 1914 год. Там было записано: „Либерман, Григорий – купец первой гильдии. Лесоторговые склады”. Далее следовал адрес: „10-я Рождественская (после революции – 10-я Советская) д. 41, кв. 8”. По этому адресу мои родственники по отцовской линии жили еще до 50-х годов прошлого века.

Одно из ярких воспоминаний детства – побег из детского садика. Этот садик находился недалеко от нашего дома – на Загородном проспекте (когда-то, в начале XIX века, он, действительно, был загородным).

Мне было пять лет, а моему приятелю – шесть. Я давно мечтал самостоятельно, без родителей, покататься на поезде (в то время поезда были на паровозной тяге).

И вот, когда у нас в садике был послеобеденный „мертвый час”, мы с приятелем потихоньку оделись, вышли из садика и пошли к Витебскому вокзалу. Вокзал находился неподалеку. Мы пришли на вокзал и сели в поезд. Как потом оказалось, – в пригородный. Когда поезд тронулся, мы прилипли к окну и от души радовались своей свободе. Счастье наше продолжалось, однако, недолго. Пришел контролер и спросил нас, с кем мы едем. Мы ответили, что „едем ни с кем”. Тогда контролер попросил нас показать билеты, коих, конечно, у нас не оказалось.

В Детском Селе (теперь город Пушкин) мы были высажены из поезда и в сопровождении контролера поехали назад. Контролер спросил меня, где я живу. Я ответил: „Улица Ивановская, номер дома не знаю, а квартира – две палки”. Дома никого не оказалось. Пришли в садик. Там был большой

переполох. Еще бы, пропало сразу два ребенка! Моя мама была в шоке... В итоге заведующую детским садиком уволили, а меня мама забрала из садика и, когда уходила на работу, запирала дома на ключ.

Когда мне исполнилось семь лет, мама попыталась определить меня в школу. Это оказалось непростым делом, поскольку в то время (1933 год) в первый класс принимали только восьмилетних детей. Мама водила меня в райОНО, где убедились, что я по своему физическому развитию вполне схожу за первоклассника, и, в порядке исключения, дали разрешение на мое поступление в школу в семилетнем возрасте.

Моя мама окончила в Витебске семилетнюю женскую гимназию и затем фельдшерско-акушерское училище, получив аттестат с отличием (очень красивый) фельдшера. Ей было тогда 17 лет. Надо было устраиваться на работу – она была старшей из детей, а моей бабушке было нелегко содержать семью.

Мама получила приглашение на работу сестрой милосердия в Любанский военный лазарет. (Любань находится в двух часах езды от Петербурга, по дороге на Москву.) Она прослужила в этом лазарете с 1914 года до окончания Первой мировой войны. Внимательная к больным, чрезвычайно добросовестная и работоспособная, мама пользовалась уважением врачей и всего персонала лазарета. Это каменное одноэтажное здание неподалеку от вокзала сохранилось и до настоящего времени; я его видел, когда проездом был в Любани.

Там, в Любани, произошло знакомство моих родителей. Мой папа – Нисон (в семье его звали Ниса или Миша) в начале войны ушел со второго курса Военно-медицинской академии добровольцем-вольноопределяющимся на фронт. Он служил санитаром и периодически возил раненых с фронта в Любанский лазарет. Он обратил внимание на молодую сестру милосердия, ухаживал за ней, катал ее на лодке и даже посвятил ей стихи. Не знаю, сколь долгим был их роман, но вскоре они потеряли друг друга из виду.

Уже значительно позже, в 20-х годах, родители случайно встретились в Петрограде и вскоре поженились. Это в то время было значительно проще,

чем теперь – достаточно было подать заявление в ЗАГС (кстати, такая же процедура происходила и при разводе).

Мама без отрыва от производства (она работала медсестрой в Обуховской больнице) училась и успешно окончила Женский медицинский институт. Это было первое высшее медицинское учебное заведение для женщин; в дальнейшем оно стало „двуполым” и было переименовано в 1-й Ленинградский медицинский институт, которому после смерти И.П.Павлова было присвоено его имя.

Будучи аспирантом Ленинградского научно-исследовательского института гигиены труда и профзаболеваний, мама в связи с моим появлением на свет была вынуждена перейти на практическую работу в качестве санитарного врача.

Когда мне было тринадцать лет (в 1939 году), она уже начала свою военно-врачебную деятельность, которая продолжалась в течение девяти лет.

Во время войны с Финляндией в 1939-1940 годах и, частично, во время Великой Отечественной войны она служила в Ленинградском окружном военном госпитале. В 1944 году ее направили на 1-й Прибалтийский фронт. Она служила в полевом госпитале. По окончании Отечественной войны в составе военно-санитарного поезда мама была направлена на войну с Японией, а оттуда вскоре вернулась в Ленинград и до 1948 года, своего увольнения в запас, служила на той же должности в Окружном военном госпитале, с которой она ушла на фронт.

После увольнения из Вооруженных Сил мама еще несколько лет работала санитарным врачом.

За участие в войне она была награждена орденами „Отечественной войны II степени” и „Красной звезды”, а за многолетний безупречный труд ее уже в послевоенные годы наградили орденом Ленина.

Мама одна, без чьей-либо помощи растила и воспитывала меня. Получилось так, что с 1943 по 1948 год мы служили в Вооруженных силах одновременно – она врачом военных госпиталей, а я – курсантом Военно-морской медицинской академии. Кстати, и расстались с военной службой мы с мамой в одинаковом воинском звании – майора медицинской

службы. И оба посвятили свою жизнь служению Ее Величеству Гигиене, она – практически врачом, а я – сначала практиком, а потом научным работником.

Перейдя на пенсию, мама вела активный образ жизни – ежедневно ездила на электричке в парк Сестрорецкого Курорта (дорога туда и обратно занимала три часа). Это место расположено на берегу Финского залива. Там она проводила несколько часов, много гуляла. Мама досконально знала каждый уголок этого прекрасного парка, отличающегося от других разнообразием растительности и микроклимата в разных участках и какой-то особой аурой. Как-то главный врач санатория „Сестрорецкий курорт” заметил, что очень часто видит ее в парке:

– Вы что, здесь неподалеку живете?

– Нет, я каждый день езжу к Вам в парк из Ленинграда.

Он был удивлен еще больше и пожелал маме здоровья. А ей в то время было уже около восьмидесяти. Только уже буквально в последние три-четыре года жизни у мамы уже не было сил на эти ежедневные поездки и она гуляла в ближайшем от дома сквере. Съехала она с нами буквально за два года до своей смерти.

Мама была примером для подражания. Все, что она добилась в жизни, – это только ее собственная заслуга. Она прожила честную, большую жизнь, была очень уважаема в жизни и на работе.

Всему тому, чего достиг, я также целиком обязан маме – она неизменно помогала и поддерживала меня в трудные периоды – при работе над кандидатской и докторской диссертациями, в различных жизненных коллизиях.

Мамы нет уже пятнадцать лет. Но я ее не забываю и не забуду никогда! Когда мне приходилось трудно, я всегда думал, как в этой ситуации поступила бы она. Жить для людей, активно добиваться поставленных целей, какими бы трудными и неразрешимыми на первый взгляд они не казались, – это мамино завещание я стараюсь реализовать в своих делах и поступках.

Отца я знаю значительно меньше, чем мать. После возвращения с Первой мировой войны в Петроград он так и не сумел закончить медицинское образование. Я помню, что он работал бухгалтером в типографии „Новая жизнь”, находившейся в то время на улице Воинова.

Сохранился групповой снимок отца с сослуживцами. Мои родители разошлись, когда мне было пять или шесть лет. Отец часто бывал у нас, мы с ним иногда гуляли.

Дальнейшая судьба отца была трагична. Оставаясь в блокадном Ленинграде, он в конце марта 1942 года умер голодной смертью. Зимой 1941-1942 годов из Ленинграда он прислал мне свое стихотворение. Я выучил его наизусть:

*У врат Москвы и Ленинграда
Что ты получишь, подлый враг?
Какая ждет тебя награда
За цепь невиданных атак?*

*Ты мнил наш фронт разрушить скоро,
Крадясь к нам из-за облаков,
Наш тыл сломить единым махом,
Надев на нас ярмо оков.*

*Но ошибаешься жестоко,
Кровавый жадный живоглот, –
Волна народного потока
Тебя навеки захлестнет!*

*Расправит плечи русский колосс –
Наш трудовой народ – герой.
За каждый стон, за каждый волос
Заплатишь ты тройной ценой!*

*Весь мир вздохнет свободным вздохом,
И сгинешь ты, как червь, как тля.
И зарастет чертополохом
Твоя могильная земля!*

Надо заметить, что папа был способным литератором, писал хорошие стихи, сотрудничал в отделе сатиры ленинградской „Красной газеты” (теперешнем „Вечернем Петербурге”), подписываясь обычно псевдонимом „дядя Миша”.

В один день с папой на другой квартире в блокадном Ленинграде умер его родной брат – Симон Григорьевич Либерман, отец Виктора Либермана – широко известного скрипача, лауреата Международной премии имени П.И.Чайковского, заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора Ленинградской консерватории. Он был концертмейстером и первой скрипкой в Академическом симфоническом оркестре Ленинградской

филармонии, главным дирижером которого много лет являлся выдающийся музыкант Евгений Мравинский.

Помню свою короткую встречу с Е.А.Мравинским где-то в 60-х годах. Моя жена, Майя Волынская, оказалась в хирургической клинике Военно-морской медицинской академии (ВММА) в одной больничной палате с женой Мравинского, у которой было тяжелое заболевание – миеломная болезнь, от которой она вскоре и умерла.

Получилось так, что в воскресный день Е.А.Мравинский и я пришли проведать наших жен. Когда мы вышли покурить, я сказал Мравинскому, что являюсь двоюродным братом Виктора Либермана. Он вначале, как мне показалось, как-то недоверчиво посмотрел на меня и сказал:

– Ваш брат – замечательный музыкант и я рад, что мне посчастливилось с ним работать.

В 1978 году Виктор Либерман с матерью (ей уже было около 90 лет), женой и сыном эмигрировали в Нидерланды. Он более двадцати лет проработал в качестве концертмейстера – первой скрипки вначале в Роттердамском, а затем в Амстердамском филармонических симфонических оркестрах, продолжал гастролировать по всему свету. Несмотря на свои блестящие музыкальные способности, Виктор очень много работал. Когда ему исполнилось 65 лет (время выхода на пенсию), Ее Величество королева Нидерландов пожаловала ему почетный титул Пэра и наградила орденом.

Однако и после выхода на пенсию Виктор продолжал, уже в качестве дирижера симфонических оркестров, выступать в разных странах. По мнению специалистов, он был не только выдающимся скрипачом, но и талантливым дирижером. Три или четыре раза Виктор приезжал и в свой родной город. Он выступал в качестве дирижера с оркестром филармонии, а в Петербурской консерватории давал так называемые мастер-классы.

Умер он на 69 году жизни. Прах его, согласно завещанию, был развеян над Балтийским морем ...

Из моих родных по материнской линии особенно близки мне были тетя Елена Аркадьевна Кабищер-Якерсон и ее муж Давид Аронович Якерсон –

оба воспитанники художественного училища, основанного Марком Шагалом в Витебске.

В 1917–1922 годах Витебск стал одним из мировых центров искусства. Соратник Малевича и Шагала по организации и работе в знаменитом Витебском народном училище и создания общества художников „УНОВИС” („Утвердители нового искусства”). Своеобразие видения художника позволяют сказать о его ярко-индивидуальном преломлении кубизма и супрематизма и создании совершенно нового своего неповторимого почерка.

Памятники работы скульптора Д.А.Якерсона еще до войны были установлены в Минске, Витебске, Таганроге и других городах. Он оформлял павильон Башкирии на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, им были созданы скульптурные памятники В.И.Ленину, И.С.Тургеневу, А.М.Горькому, И.В.Мичурину и многим другим.

Тетя Лена в молодости, как говорили мне родственники, была первой красавицей Витебска. И на склоне лет она сохранила очень приятную внешность и ясный ум. У нас дома сохранились несколько картин тети Лены и ее портрет в профиль, сделанный ее учителем – знаменитым художником витебской школы И.Пэнном.

В начале прошлого века с развитием авангардного течения в живописи появилась целая плеяда женщин-художниц. С конца десятых годов XX века в числе их творила ученица Марка Шагала и почитательница Малевича Елена Аркадьевна Кабищер-Якерсон. Ее живописные работы и рисунки сохранены в Третьяковской галерее, Русском музее, Витебском музее и в других музеях России и Белоруссии, а также в частных коллекциях.

Начиная с 90-х годов прошлого века резко возрос интерес к творчеству многих художников, творивших в 20-е годы в стиле авангардизма. „Авангардист”, „кубист” – это в течение 70 лет советской власти были ругательные клички, которыми, в том числе официальной критикой, „награждались” и работы моего дяди. Хотя в дальнейшем он творил в „классическом” стиле, (т.н. соцреализма), за время жизни ни у него, ни у

тети, которая, по мнению специалистов, была одаренной художницей, ни разу не было персональных выставок. Скульптурные работы ее мужа Давида Ароновича и ее картины впервые экспонированы в Москве в 80-х годах на выставке художников, работавших в подмосковском поселке „Пески”. Затем по нескольку их работ появились в Третьяковской галерее.

В июне 2000 года в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве успехом прошла выставка „Давид Якерсон. Скульптура. Работы на бумаге (1896–1947)”. Представленные на выставке около 100 произведений Д. Якерсона, в том числе 7 скульптур, около 90 листов графики из собраний Государственной Третьяковской галереи, Витебского художественного музея, Музея народов Востока, Государственного Литературного музея, частных коллекций Москвы и США, – все эти чудом сохранившиеся работы позволяют, по мнению искусствоведов, говорить о нем как о своеобразной и яркой индивидуальности, незаслуженно обойденной вниманием историков и искусствоведов.

В мае 2001 года в Государственной Третьяковской галерее состоялась выставка „В круге Малевича”. В числе учеников К. Малевича – членов группы Уновис – были представлены и работы Давида Якерсона.

А совсем недавно, в 2003 году, несколько скульптурных работ, главным образом работ по дереву и керамики, и рисунков Д.А.Якерсона, а также несколько картин и рисунков тети Лены я передал в дар Государственному Русскому музею в Петербурге. Этот дар был принят с благодарностью.

Они оба – Давид Аронович и Елена Аркадьевна оставили не только светлую память как интеллигентные, чрезвычайно доброжелательные и скромные люди. Об их творчестве написан ряд искусствоведческих исследований. Оно подробно рассмотрено в книге Григория Казовского „Шедевры еврейского искусства. Пэн и его ученики”, статьях Людмилы Шатских и других работах.

Вспоминается одна история, рассказанная мне тетей Леной.

В тяжелые послевоенные годы она работала в детском учреждении. И вот, неловко повернувшись, она задела деревянную подставку, на которой был установлен гипсовый бюст И.В.Сталина. Скульптура упала на пол и разлетелась на мелкие куски. Отчаянию тети Лены, которое разделяла и заведующая детским садиком, не было предела. Она позвонила домой, рассказала дяде Доде о происшедшем и попросила с инструментом и гипсом приехать к ней. Из осколков дядя Дода сумел собрать бюст И.В.Сталина, причем сделал это так виртуозно, что никаких следов повреждения не было видно. Тетя была спасена!

Мой дядя Моисей, родной брат моей мамы – участник гражданской войны. В Великую Отечественную войну, оставаясь в блокадном Ленинграде, он работал в должности заместителя директора порохового военного завода на Ржевке. После войны дядя продолжал работать на оборонных предприятиях Ленинграда. Умер он в возрасте 82 лет.

Его дети – мои двоюродные братья Аркадий и Валентин – учились в Ленинграде, оба окончили Педагогический институт им. А.И.Герцена, а Валя ранее окончил и филологический факультет университета. Недолго проработав преподавателем литературы в школе, Валя всю свою жизнь, до настоящего времени, уже на общественных началах, работает тренером по водному спорту (гребле). Он удостоен звания „Заслуженный тренер России”.

О судьбе двоюродного брата Аркадия я знаю немного. Он вместе с семьей – женой Галиной и дочерью Оксаной последние двадцать лет жил и работал в Петрозаводске.

Мой двоюродный брат по отцовской линии – Георгий Гальбертон окончил Военно-воздушную инженерную академию. Участник Великой Отечественной войны. Несколько лет прослужил военпредом на авиационном заводе в Новосибирске, а затем уволился с военной службы и более 30 лет проработал в известной оборонной фирме „Ленинец” главным конструктором по спецоборудованию самолетов. Он – автор множества изобретений, награжден орденами „Отечественной войны” II степени и „Знак почета”. Георгий – лауреат премии им. А.С.Попова. Человек неординарный, яркий, умный и весьма доброжелательный. Любил и

понимал искусство. Жора умер в 1994 году. У нас с ним были очень теплые отношения. Мы поддерживаем постоянные контакты с его женой Еленой Колтуновой, талантливой журналисткой, живущей и работающей сейчас в Одессе.

Моя двоюродная сестра, тоже по отцовской линии, Наташа Глусская – врач-невропатолог, по отзывам ее коллег была отличным специалистом. Она много лет проработала в военных госпиталях Ленинграда. Несмотря на тяжелое заболевание, она живо интересовалась происходящим в стране, общалась с родными.

Ее близкая подруга, Ирина Людвиговна Кнаут, прошла всю войну медицинской сестрой. После войны окончила медицинский институт. Много лет до выхода на пенсию она работала хирургом в поликлинике Ленинградского гарнизона. Высококласный специалист Ирина пользовалась большим уважением у коллег и пациентов. Она жила в Петербурге вместе с Наташей.

Желание устроить свою семейную жизнь возникло у меня, когда еще я служил в Порт-Артурской военно-морской базе. Холостым там было не очень комфортно. Женщин, кроме жен офицеров и небольшого числа вольнонаемных, там не было. Всякие контакты с китаянками, а тем более с потомками русских эмигрантов (их почему-то называли белоэмигрантами) сурово наказывались.

Помню моего сокурсника Вадима Подобеда. У него был серьезный роман с дочерью русского эмигранта. Вадима вызвали к начальству и строго предупредили, чтобы он немедленно прекратил всякие отношения с этой женщиной. Он отказался и добавил, что он ее любит и собирается на ней жениться. В 24 часа его выслали из Порт-Артура. Вадим Подобед служил затем в Бресте, где и остался жить после увольнения в отставку.

Когда в апреле 1952 года я был в отпуске в Ленинграде, то моя бабушка дала мне бумажку, на которой, был записан номер телефона хорошей девушки-студентки. Саму эту девушку она не видела, а с ее мамой познакомилась в очереди. Я забыл об этой записке, а когда бабушка убирала квартиру, она нашла ее где-то на полу.

Тогда я, наконец, позвонил и на следующий день был принят. Инга – так звали девушку – мне понравилась и после трех дней знакомства

(отпуск кончался!) я сделал ей предложение, которое было принято. Решили, что надо дать ей окончить I-й курс Института иностранных языков, а летом она приедет ко мне в Порт-Артур.

Наше расставание оказалось значительно более долгим, так как изменился порядок оформления проезда жен военнослужащих через советско-китайскую границу. Теперь уже требовалось оформление загранпаспортов, а где и как их оформлять было неизвестно. К тому же я в январе 1953 года был переведен служить в советское Приморье.

Ингу, получившую академический отпуск, я забрал к себе в небольшую приморскую деревню летом 1953 года. Она прожила со мной до весны 1954 года, а затем вернулась в Ленинград, где вскоре родила дочь Аллу.

Уже в Ленинграде мы прожили вместе еще около года, но обнаружилось, что мы совершенно разные люди. Короче говоря, в Севастополь, к моему новому месту службы, Инга не поехала, и вскоре был оформлен наш развод.

В 1961 году Инга вышла замуж за Якова Ароновича Латмана. Яша — скрипач, участник — от первого до последнего дня — Великой Отечественной войны. Около тридцати лет он проработал в Ленинградском эстрадно-симфоническом оркестре под управлением заслуженного деятеля искусств России Анатолия Бадхена. Яша был инспектором оркестра. Это был очень хороший оркестр, пользовавшийся широкой популярностью. Оркестр сотрудничал с известными композиторами — Андреем Петровым, Оскаром Фельцманом, Яном Френкелем и другими. С песнями выступали Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Людмила Сенчина и другие популярные исполнители. Они много гастролировали по всему Союзу, а в последний период — и за рубежом.

С Ингой и Яшей у нас сохранились хорошие, дружеские отношения. Достаточно сказать, что моя нынешняя жена Майя — их главный медицинский консультант.

Моя вторая жена — Майя Волынская. Знакомили нас с ней дважды. В первый раз наша приятельница, которая взялась нас познакомить, на место назначенного свидания не явилась. Во второй раз нас познакомила другая женщина — Елизавета Исаевна Каушанская, которую и я, и Майя знали по ВММА (она была техническим секретарем Ученого совета академии). На сей раз, осенью 1960 года, когда я после увольнения с военной службы

вернулся в Ленинград, знакомство наше состоялось, и мы вскоре поженились.

С моей женой Майей мы живем вместе вот уже 45 лет – долгую и счастливую жизнь. Она – мой самый близкий человек, с которым мы прошли вдвоем как хорошие, светлые, так и трудные периоды нашей жизни. Несмотря на внешнее несходство характеров, очень многое нас объединяет. Это – честный и добросовестный труд, желание помогать людям, которые в этой помощи нуждаются, любовь к путешествиям, к искусству. И, конечно же, любовь к своему родному городу Ленинграду-Петербургу. Даже в трудные времена мы „не вешали нос”, а искали пути выхода из кризиса.

Майя начала свой трудовой путь после окончания в 1954 году 1-го Ленинградского медицинского института им. акад. И.П.Павлова – того самого института, который почти тридцать лет до этого окончила моя мама. Три года она работала врачом скорой помощи, а затем ординатором военно-морского госпиталя в Кронштадте. 42 года Майя отработала заведующей отделением функциональной диагностики в ленинградской Больнице скорой помощи им. Коняшина и в Институте скорой помощи им. Ю.Ю.Джанелидзе.

Работы у нее всегда было очень много. К тому же большинство врачей из отделений все время ходили к ней на консультации по поводу сложных кардиологических больных. В коллективе врачей и медсестер ее все уважали и любили, чему я многократно был свидетелем. И сейчас она часто звонит своим бывшим коллегам, а когда мы бываем в родном городе, – обязательно проведывает их. К ней часто обращаются за медицинскими советами наши родственники, друзья и просто знакомые.

Родители моей жены – Татьяна Исааковна и Элиазар Моисеевич Волынские. Мать в связи с революцией 1917 года была вынуждена прервать свое обучение в Киевском университете. Работала в Петрограде в издательстве; одно время была секретарем известного историка академика Тарле. Отец работал на промышленных предприятиях Петрограда-Ленинграда.

В конце 1934 года в связи с убийством С.М.Кирова семью выслали из Ленинграда в Воронеж. Отец Майи перед Великой Отечественной войной работал заместителем директора строительства крупного металлургического комбината в Рустави (Грузия).

Затем – эвакуация, работа вначале на Сталинградском тракторном заводе, а затем на строительстве Орско-Халиловского металлургического комбината под Оренбургом. После войны отец Майи работал на подмосковном заводе „Электросталь”, а затем – заместителем директора Новокраматорского металлургического комбината. Он был награжден орденом „Знак почета”. Во всех скитаниях, до поступления в институт Майя была вместе с родителями.

В Ленинград родители Майи вернулись только в 1959 году. Мать умерла в 1965 году, а отец – в 1977 году.

Мы с Майей были очень дружны с ее двоюродными братьями – Михаилом и Владимиром Райзерами. Их мать – Полина Моисеевна – была умной и необыкновенно гостеприимной женщиной. Каждое посещение их в московской квартире для нас было настоящим праздником.

Муж Полины Моисеевны – Давид Яковлевич Райзер – был крупным организатором тяжелой промышленности. Он – из числа первых строителей Магнитогорского металлургического комбината, а во время Отечественной войны – заместитель наркома. В 50-е годы прошлого века Давид Яковлевич являлся министром строительства предприятий тяжелой промышленности в союзном правительстве. Он выступил против идеи Н.С.Хрущева ликвидировать министерства, а вместо них организовать на местах совнархозы. За это выступление он был снят с должности и назначен министром строительства в Казахстан. Последние годы жизни (а умер Д.Я.Райзер от последствий инсульта в 1962 году) он был пенсионером „союзного значения”. Награжден орденами.

Михаил Райзер, его старший сын, был крупным специалистом, доктором физико-математических наук, работал в Физическом институте АН СССР. Умер в 1993 году. Это был мудрый и необыкновенно доброжелательный человек.

Давид Яковлевич, Полина Моисеевна и их сын Михаил Давидович похоронены на Ново-Девичьем кладбище в Москве.

Мы продолжаем встречаться, когда бываем в Москве, с женой Миши – Лорой, его дочерью Таней и ее мужем Славой. У них замечательная дочь Ира – студентка одного из экономических ВУЗов, участница и многократный лауреат международных и российских конкурсов бальных танцев.

Володя Райзер, младший брат Михаила, – заслуженный деятель науки, доктор технических наук, профессор, один из крупнейших в мире специалистов по надежности строительных конструкций. Он – из наиболее близких наших родственников. Последние шесть лет он с женой Татьяной, ее мамой, дочерью Надей и очаровательной внучкой Поличкой, названной в честь своей бабушки, живет в Сан-Диего (западное побережье США). Мы поддерживаем с ними постоянные контакты, каждую неделю перезваниваемся. Володя как-то посетил нас в Аугсбурге.

Моя дочь (от первого брака) Алла окончила в Ленинграде Институт культуры им. Н.К.Крупской, работала музыкальным воспитателем и педагогом в детских учреждениях. Уже десять лет она со своей дочерью – 22х-летней Мариной живет в Германии, в том же городе Аугсбурге (Бавария), в который спустя пять лет после их отъезда из России переехали на жительство и мы с женой.

Марина начала заниматься музыкой еще ребенком в музыкальной школе и специальном лицее в Ленинграде и продолжает заниматься по классу фортепьяно в гимназии и высшей музыкальной школе (консерватории) в Аугсбурге. Она – многократная победительница музыкальных конкурсов, проводимых в разных городах Германии и других европейских стран. Мы все очень гордимся ее большими успехами в музыке.

Дядя моей жены – профессор, генерал-майор медицинской службы, бывший Главный терапевт Военно-Морского Флота, начальник кафедры военно-морской и госпитальной терапии Военно-медицинской академии Зиновий Моисеевич Волынский был выдающимся терапевтом-кардиологом, блестящим диагностом.

З.М.Волынский начал врачебную и научную деятельность в Обуховской больнице в Ленинграде. В течение многих лет он заведовал терапевтическим отделением этой больницы и одновременно был

ассистентом терапевтической клиники, возглавляемой выдающимся российским интернистом профессором М.А.Горшковым. Именно Обуховская школа терапевтов отличалась широким клиническим мышлением и тонкой (и точной!) диагностикой, в том числе и весьма сложных заболеваний.

После организации в 1940 году на базе Обуховской больницы Военно-морской медицинской академии (ВММА) он перешел в клинику факультетской терапии академии, которую возглавлял в те годы крупный советский терапевт, в последствии создатель и директор Института кардиологии АМН СССР академик А.А.Мясников.

Диапазон научных исследований З.М. Волынского и его многочисленных учеников и последователей был необычайно широк. Гипертоническая болезнь, атеросклероз и их осложнения, миокардиты и болезни перикарда, а начиная с 60-ых годов прошлого века – лучевая болезнь у моряков атомных подводных лодок.

На клинические лекции-разборы, в созданном З.М.Волынским Кардиологическом университете, которые регулярно он проводил попеременно в академии и в больнице им. Коняшина – одной из клинических баз кафедры, собиралось так много врачей-терапевтов со всего Ленинграда, что мест в большом конференц-зале не хватало. Вначале ординатор докладывал анамнез и историю болезни больного, которого Зиновий Моисеевич раньше никогда не видел. Затем следовали ответы на вопросы из аудитории и выступления всех желающих, которые пытались обосновать свой диагноз. А в заключение выступал сам Зиновий Моисеевич. При этом диагноз, который он ставил больному довольно часто отличался от диагнозов, которые ставили этому же больному другие врачи, и, как выяснялось впоследствии, в большинстве случаев оказывался единственно правильным. Дух демократичности, творчества, возможности высказать различные суждения, сопоставлять их и, в конце концов, обосновать правильный диагноз, – все это делало эти клинические разборы прекрасной клинической школой для терапевтов.

Помню он (тогда еще доцент кафедры факультетской терапии ВММА) принимал у меня, курсанта академии, зачет по терапии. Я ответил на

вопросы и поставил правильный диагноз больному, которого мне предложили обследовать. И тогда З.М.Волынский вдруг говорит:

– Дайте-ка мне Вашу руку.

Мы обменялись рукопожатием.

– А теперь поставьте диагноз самому себе.

Я сразу понял, что З.М.Волынский имеет в виду. Дело в том, что у меня еще с детских лет определялась вегетативно-сосудистая дистония: на коже ладоней рук был заметен так называемый акроцианоз (синюшность), а в минуты волнения ладони становились влажными. Я сказал ему об этом диагнозе, который он подтвердил и поставил мне зачет по терапии.

Вскоре З.М.Волынский защитил докторскую диссертацию. В 50-х годах он был назначен начальником кафедры, которая стала в дальнейшем именоваться кафедрой военно-морской и госпитальной терапии.

З.М.Волынский и сотрудник его кафедры, мой бывший однокурсник Евгений Евгеньевич Гогин, в 60-х годах, после аварии на советской атомной подводной лодке занимались обследованием и лечением пострадавших моряков. О героическом поведении командира лодки и всего экипажа американские кинематографисты сделали художественный фильм. У нас же в Союзе даже сам факт этой аварии еще несколько лет назад официально замалчивался.

Здесь необходимо сделать важное пояснение. Дело в том, что заболевание у пострадавших моряков подводной лодки протекало не типично для классической формы лучевой болезни, описываемой в учебниках и руководствах. На первый план выступал синдром поражения гипофиз-надпочечниковой системы. Это было связано со вдыханием пострадавшими радиоактивных благородных газов (аргона, криптона, ксенона) – продуктов распада ядерного топлива, в течение всего времени, пока аварийная лодка вынуждена была находиться в подводном положении. З.М.Волынскому и Е.Е.Гогину пришлось выдержать горячие дискуссии с известными московскими специалистами, которые вначале вообще отрицали наличие у пострадавших (в том числе и у умерших) лучевой болезни. В монографии З.М. Волынского и Е.Е.Гогина и в

докторской диссертации Е.Е.Гогина были обобщены научные результаты этой, по-существу пионерской работы.

Под руководством З.М.Волынского выполнено около 50 докторских и кандидатских диссертаций; им опубликовано 5 монографий и 8 тематических сборников трудов. З.М.Волынский в Ленинграде создал научное кардиологическое общество и был избран его председателем.

Говоря об этом выдающемся деятеле медицины, следует вспомнить и о мрачных страницах его жизни. В 1938 году его, исполнявшего в то время обязанности начальника медицинской службы курсов переподготовки командного состава Красной Армии, обвинили в том, что он – японский шпион и ставил своей целью отравить командиров во время летних лагерных сборов. Следователи менялись, а его непрерывный допрос продолжался уже не одни сутки. Все это время ему не давали спать. Следователи требовали от него признания вины. Наконец, чувствуя, что последние силы покидают его, Зиновий Моисеевич схватил со стола массивный чернильный прибор и запустил его в следователя. Его избили до полусмерти, но после этого оставили в покое.

В одной камере вместе с З.М.Волынским сидел Иван Григорьевич Карпов, кадровый морской офицер, капитан II ранга, также обвиненный в шпионаже, но на сей раз в пользу Швеции. Ему вменялось в вину, что будучи командиром эсминца, он якобы пытался угнать корабль в Швецию. И.Г.Карпов шефствовал над З.М.Волынским, защищал его от уголовников, сидевших в той же камере. Спустя 40 лет после этих мрачных событий я работал вместе с сыном И.Г.Карпова Валерием в Институте радиационной гигиены и помогал ему в подготовке кандидатской диссертации.

После освобождения из тюрьмы И.Г.Карпову (также не признавшему свою вину), предложили снова быть командиром того самого эсминца, где его арестовали. Он категорически отказался снова командовать людьми, перед которыми он был, по его мнению, позорно дискредитирован.

И.Г.Карпов был назначен на минный заградитель „Урал”, который был переоборудован из гражданского теплохода „Феликс Дзержинский” буквально за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны. Сам же корабль, выполняя опасные задания по эвакуации войск с полуострова Ханко, умело ведомый И.Г.Карповым, во время войны не получил ни одного серьезного повреждения, не потерял ни одного моряка.

Своему освобождению, примерно через год отсидки, З.М.Волынский обязан в основном двум обстоятельствам. Во-первых, несмотря на истязания он не признал своей вины. Он лишь признался, что бросал в питьевой колодец таблетки пантоцида (который согласно официальной инструкции Санитарного управления РККА применялся в то время для дезинфекции воды). Безграмотный следователь так и записал: „отравлял питьевую воду для командиров РККА пантоцидом”. Во-вторых, его жена Рашель Израилевна развила, как говорится, кипучую деятельность для освобождения мужа. Она добилась приема у самого заместителя генерального прокурора СССР.

Сейчас трудно сказать, что именно спасло Зиновия Моисеевича – отказ от признания своей вины или вмешательство Генпрокуратуры. Вероятнее всего, сработали оба фактора в совокупности. Его не отправили со всеми в Сибирь. Кстати, эшелон, на котором перевозили эту партию заключенных, попал, как говорили, в крупную аварию, когда он двигался вдоль берега Байкала, и все заключенные погибли.

Через некоторое время после своего освобождения З.М.Волынский был восстановлен на военной службе и затем прошел по конкурсу на должность доцента кафедры факультетской терапии ВММА. Ею руководил выдающийся терапевт, впоследствии академик АМН СССР, директор Института кардиологии АМН СССР Александр Леонидович Мясников – лауреат международной премии „Золотой стетоскоп”, автор многих монографий, в том числе и фундаментального учебника по диагностике и лечению внутренних болезней, по которому мы учились.

Неприятности подстерегали З.М.Волынского и значительно позже. Так, в самом начале 50-х годов, в разгар кампании за „чистоту” физиологической науки, два сотрудника кафедры на него „накатали

телегу”, обвинив его в том, что он „антипавловец”. Когда он приходил на заседание Ученого совета, возле него образовывался вакуум: все боялись общаться с опальным профессором. В этот очень трудный период жизни З.М.Волынского всемерно поддерживал его товарищ И.Г.Карпов. Он ежедневно приходил за ним на работу и сопровождал домой.

Спас Зиновия Моисеевича его пациент Николай Герасимович Кузнецов – тогдашний главком ВМФ, адмирал, Герой Советского Союза. Он позвонил начальнику ВММА и сказал: „Перестаньте травить профессора Волынского. Дайте ему спокойно работать.” После этого разговора травля Зиновия Моисеевича, действительно, вскоре прекратилась.

К столетней годовщине со дня рождения З.М.Волынского в 1997 году был издан юбилейный сборник научных работ и проведена торжественная научная конференция терапевтов, посвященная его памяти. У входа на кафедру военно-морской и госпитальной терапии установлена мемориальная доска в честь профессора З.М.Волынского.

На кафедре руководимой им, работал в свое время Федор Иванович Комаров, впоследствии начальник Главного военно-медицинского управления Министерства обороны, генерал-полковник медицинской службы, академик РАМН, Герой Социалистического Труда, председатель Всероссийского научного общества гастроэнтерологов. Он окончил Военно-морскую медицинскую академию на год раньше меня.

Многие ученики З.М.Волынского заняли видные места в науке. Мой однокурсник по академии уже упомянутый Евгений Евгеньевич Гогин – профессор, член-корреспондент РАМН, генерал-майор медицинской службы, служил главным консультантом вначале Главного военного госпиталя Министерства обороны СССР, а после увольнения в отставку – главным научным руководителем по терапии Центральной клинической больницы в Москве. Он лечил многих известных военных и государственных деятелей, в том числе Б.Н.Ельцина. Е.Е.Гогин – широкоэрудированный ученый, автор ряда капитальных научных трудов по гипертонической болезни, перикардитам и других, а также по диагностике и лечению сочетанных радиационных поражений. Он и ныне продолжает свою успешную научную деятельность.

Другой известный ученик З.М.Волынского – академик РАМН, председатель Всероссийского терапевтического общества, заведующий отделением Больницы имени Склифасовского в Москве, Алексей Петрович Голиков, был главным терапевтом Москвы. Он много сделал для улучшения работы терапевтической службы.

Бывший доцент кафедры З.М.Волынского, мой однокурсник по академии, Анатолий Александрович Крылов – профессор (бывший заведующий) кафедры терапии Института последипломного образования врачей, в течение многих лет был главным терапевтом Санкт-Петербурга. Он является автором многих монографий и учебников по терапии. А.А.Крылов продолжает работать профессором на своей кафедре.

Из бывших сотрудников З.М.Волынского следует также назвать известного профессора Валентина Александровича Лисовского, генерал-майора медицинской службы, возглавлявшего одну из терапевтических кафедр академии.

Много лет вместе с З.М.Волынским проработал Александр Николаевич Сененко, занявший после его смерти место начальника кафедры. Генерал-майор медицинской службы, профессор А.Н.Сененко много сделал для сохранения памяти о З.М.Волынском и воспитания молодых терапевтов.

Другой дядя моей жены, Филипп Исаакович Каневский был известным в Ленинграде гинекологом. Во время войны с Финляндией и в Великой Отечественной войны он служил начальником военных госпиталей в Ленинграде, а после войны работал заместителем главного врача больницы им. Куйбышева (ныне Мариинской больницы) и заведовал в ней гинекологическим отделением. Будучи доцентом кафедры акушерства и гинекологии Института усовершенствования врачей, помимо организационной и клинической работы, Ф.И.Каневский преподавал студентам. Много сделал он для послевоенного развития и строительства больницы. Пациентки его не просто уважали – они его боготворили. Он продолжал оперировать в возрасте семидесяти и более лет. Ему принадлежат разработка и внедрение в клиническую практику новых

видов пластических операций при гинекологических заболеваниях. Это был человек широкой души, доброжелательный и энергичный.

Помню один эпизод жизни Ф.И.Каневского. Ему было уже далеко за 70, но он, помимо работы в больнице, во время отпуска всегда мастерил что-то на даче в Кавголове, сам ремонтировал ее. И вот однажды, когда он был на даче, а его жена Минна Наумовна оставалась в Ленинграде, ей кто-то, представившись якобы соседом по даче, позвонил и сообщил, что Филипп Исаакович скончался. С Минной Наумовной творилось что-то невообразимое. Она позвонила главврачу больницы, где работал ее муж. Та послала врача на санитарной машине. Вместе с ним М.Н.Каневская поехала на дачу. И вот, когда они подъехали к даче (а она расположена на высоком холме), Минна Наумовна вдруг видит Филиппа Исааковича, сидящим на крыше с молотком. Она, не веря своим глазам, кричит:

– Филипп, слезай с крыши. Ты умер!

Вот такая злая „шуточка” была. После этого эпизода Филипп Исаакович прожил более десяти лет.

Дочь Ф.И. и М.Н. Каневских – Инна Филипповна сейчас на пенсии. У нее две дочери и две внучки. Более 45 лет она проработала окулистом в поликлиниках. В последние годы она страдает серьезным заболеванием суставов. Мы с женой стараемся поддерживать Инну Филипповну и ее семью.

Я не был круглым отличником, но учился неплохо. Первые восемь классов я проучился в 1-й средней школе Фрунзенского района Ленинграда, что возле Пяти Углов. Помню нашего классного руководителя Лидию Прокофьевну Пущину, преподавателя русского языка и литературы. Она привила нам любовь к своему предмету. Помню и некоторых других наших учителей: Изабеллу Абрамовну – учителя истории, Анну Ивановну – учителя математики. Запомнился преподаватель географии; особенно меня поразила его „вечная ручка” с золотым пером, которая в те времена была редкостью. Когда ученик не мог вспомнить название одной из рек Испании, он повторял строки известного стихотворения:

*Ночной эфир
Струит зефир.*

*Шумит, гремит
Гвадалквивир.*

Французский язык нам преподавала немка Елена Эрнестовна. Язык она знала хорошо, но держать нас в руках не могла. И мы, воспользовавшись этим, бывало, срывали ее уроки.

Из моих бывших одноклассников я долгое время поддерживал дружеские контакты с Диной Иоффе. Ее муж – Ян Шрагер, выпускник нашей академии, кончивший ее двумя годами позже. Он воевал и в академию поступил уже после окончания войны. Мы продолжали встречаться с Диной и Яном во Владивостоке, где Ян служил, а затем в Ленинграде. К сожалению, в последние годы наши контакты оборвались.

В параллельном классе училась Роза Свердлина, которая позже вышла замуж за моего приятеля-однокурсника Сережу Филиппова. С Сережей мы были в одной учебной группе, вместе проходили морскую медицинскую практику, поддерживаем теплые дружеские отношения и поныне. После Тихоокеанского флота, Сергей Александрович служил в Группе советских войск в ГДР, а затем – начальником клинической лаборатории Ленинградского окружного военного госпиталя. Жизнь преподнесла супругам большое горе – в автокатастрофе погиб их единственный сын. В 2003 году после продолжительной болезни скончалась и Роза...

К началу войны с фашистской Германией мне исполнилось 15 лет. Меня вместе с двоюродными братьями Аркашей и Валею, их мамой Фаней и бабушкой Гиндой на семейном совете решили отправить подальше от линии фронта. В то время (июль 1941 года) наиболее опасная ситуация создалась на дальних подступах к Ленинграду. Нас посадили на поезд и отправили в Москву, к тете Лене и дяде Доде, с тем, чтобы оттуда мы выехали на их дачу – в Поселок художников, что находился у железнодорожной станции Пески, как раз на 101-м километре от Москвы по Рязанской железной дороге. Это красивейшее место расположено в смешанном сосново-березовом лесу у Москва-реки. В поселке жили и

творили выдающиеся художники – Пименов, Коненков и многие другие. Я очень любил эти места и, когда окончилась война, старался хоть на день-другой их посетить.

До Москвы, однако, мы не доехали, т.к. без специальных пропусков туда уже не пускали. Нас (а в поезде было несколько сот человек) высадили на станции Лихославль и пересадили на открытые железнодорожные платформы эшелона, направлявшегося вокруг Москвы. Не успели мы проехать километров сто, как начался сильнейший град. Градины были настолько крупные, что вызывали физическую боль. Мы вытащили одеяла и пытались с их помощью укрыться от него. Но это хотя и смягчало удары градин, но полностью не спасало. Вдобавок из-за града наш эшелон забуксовал и остановился в открытом поле.

На третьи сутки пути мы прибыли на большой железнодорожный узел Рязск. Узнали, что дальше наш эшелон будет двигаться на Пензу. Бабушка сказала, что поедem в Пензу. Но мы с братьями стали протестовать, представляя, что таким образом мы не приблизимся к месту назначения, а значительно от него удалимся. Выяснилось, что через Рязск как раз идут поезда в нужном нам направлении.

В Рязске нам с трудом, не без помощи военного коменданта, удалось пересесть на поезд, шедший по Рязанской дороге в сторону Москвы. Надо сказать, что вещей у нас с собой было немало (бабушка их называла „клымками”). В Песках мы только успели посадить бабушку, тетю Фаню и младшего брата Валю, как поезд тронулся и нам пришлось выкидывать вещи, которые рассеялись по всей платформе, и самим прыгать на ходу. Слава Богу, пронесло.

В июле 1941 года немецкие самолеты уже бомбили Коломну, находящуюся на расстоянии 17 километров от нас. Мы помогали дяде Доде рыть на участке траншею, чтобы было где укрыться на случай налета.

В августе Ленинградский окружной госпиталь, где в звании военврача III ранга служила моя мама, был эвакуирован в Вологду. Там в общежитии мама получила комнату. Она приехала за нами и перевезла туда меня с

двоюродными братьями и тетю Фаню. Мы жили там впятером в комнате площадью двадцать квадратных метров.

Перед поездкой в Самарканд, куда было эвакуировано правление Союза художников, тетя Лена, дядя Дода и бабушка заехали к нам.

В Вологде я окончил 9-й и 10-й классы 21-й средней школы и получил похвальную грамоту. Золотых и серебряных медалей в то время еще не было, а похвальная грамота соответствовала теперешней золотой медали. У меня сохранился этот необычный документ размером примерно 30х40 сантиметров с цветными овальными портретами Ленина и Сталина в верхних левом и правом углах.

Другим отличником среди моих одноклассников был вологжанин Николай Ваучский. Много лет спустя он стал профессором, доктором технических наук, генерал-лейтенантом, начальником Высшего военно-морского инженерно-технического училища, находившегося в Ленинграде, которое он в свое время окончил.

Классным руководителем в вологодской школе у нас была преподаватель математики. В моей выпускной характеристике было написано, что я имею „особую склонность к точным наукам”. И эту характеристику вместе с другими необходимыми документами я послал в Военно-морскую медицинскую академию, откуда вскоре пришло приглашение прибыть для сдачи вступительных конкурсных экзаменов. Все четыре экзамена я сдал на пять и был зачислен кандидатом в курсанты (или, как нас называли курсанты старших курсов, – „нулем”).

2. Курсантские годы

*Я вас вспоминаю, курсантские годы,
Мелькнувшие где-то, как прозрачный дым.
И словно вдыхаю струю кислорода,
И словно опять становлюсь молодым.
Ночные подъемы, броски и походы,
Авральные будни, зачетов страда,
Курсантские годы, нелегкие годы,
Веселые годы, вы в сердце всегда!
(Александр Соколовский)*

Учителя-профессора

Нам повезло: в академии медицинские и смежные науки преподавали выдающиеся отечественные ученые: Юстин Ювлианович Джанелидзе, Николай Васильевич Лазарев, Александр Васильевич Мельников, Николай Николаевич Самарин, Всеволод Семенович Галкин, Александр Леонидович Мясников, Николай Васильевич Лазарев, Александр Александрович Нечаев, Николай Иванович Лепорский, Василий Михайлович Васюточкин, Соломон Самуилович Вайль, Георгий Аркадьевич Зедгенидзе и многие другие.

Ю.Ю.Джанелидзе – знаменитый хирург, академик АМН СССР, Герой Социалистического Труда, заслуженный деятель науки, генерал-лейтенант медицинской службы. Во время Великой Отечественной войны он был главным хирургом ВМФ. Ю.Ю.Джанелидзе одним из первых в нашей стране начал делать хирургические операции на открытом сердце.

Он провел редкую для того времени операцию на так называемом „панцирном сердце”. Это состояние может наблюдаться при отложении солей на внутренней поверхности перикарда – оболочки, в которой находится сердце. В результате отложения солей в перикард сердце оказывается как бы в окаменелом, постепенно сжимающемся мешке. При прогрессировании процесса оно неизбежно останавливается...

Ю.Ю.Джанелидзе во время операции удалил часть этого панциря и тем самым освободил сердце. Больной был спасен. Он был полковником, героем Югославии. За этот врачебный подвиг президент Югославии Иосип Броз Тито наградил Ю.Ю.Джанелидзе югославским орденом. Однако после официального разрыва отношений между СССР и Югославией Ю.Ю.Джанелидзе был вынужден отказаться от этой высокой награды.

Нашей учебной группе курсантов довелось присутствовать на одной из его операций на открытом сердце. На операционном столе лежал казах, 23-х лет, получивший осколочные ранения в грудь в последний день войны. Один из осколков, по данным рентгеновского исследования, находился в области верхушки левого желудочка сердца. Именно с этим ранением врачи связывали наблюдавшиеся у пациента боли в области сердца и эпилептоидные припадки.

Перед операцией Ю.Ю.Джанелидзе показал нам рентгенограмму и рассказал о плане операции. Во время операции выяснилось, что осколок находится не снаружи сердечной мышцы, а проник в саму мышцу левого желудочка. Когда Ю.Ю.Джанелидзе захватил щипцами осколок и удалил его, в стенке левого желудочка образовался дефект, через который пульсирующим фонтаном хлынула кровь. Она залила лицо хирурга и все операционное поле. Ю.Ю.Джанелидзе не растерялся и, практически не видя раны, наложил швы на образовавшийся дефект в стенке сердца. Однако от потери крови артериальное давление резко упало. Сделали срочное переливание крови. Кровотечение остановилось.

После окончания операции Ю.Ю.Джанелидзе сказал нам, что он совершил ошибку, не простительную для хирурга его квалификации.

– Прежде чем удалять осколок, – сказал он, – необходимо было вокруг него наложить так называемый кисетный шов, чтобы в случае, если

ранение окажется проникающим в полость сердца, затянуть его и тем самым остановить возможное кровотечение. К тому же поверхностный кисетный шов заведомо не нарушил бы кровоснабжение сердечной мышцы.

Через два дня больной умер от инфаркта миокарда. Ю.Ю.Джанелидзе очень переживал смерть больного. В течение двух месяцев после этого случая он не подходил к операционному столу.

Чрезвычайная требовательность, в первую очередь к самому себе, чувство большой ответственности за результаты своей врачебной деятельности и, наконец, честность и порядочность во всем, – эти качества были, на мой взгляд, главными чертами его характера как хирурга, так и человека. Мы гордились, что среди наших учителей были такие выдающиеся профессора, как Ю.Ю.Джанелидзе.

Надо сказать, что Ю.Ю.Джанелидзе был требователен и к нам, курсантам и слушателям академии. Помню такой эпизод. Наша учебная группа должна была присутствовать на его операции. Ю.Ю.Джанелидзе велел нам показать руки. А мы ночью работали в „хозяйственном взводе” – попросту говоря, чистили на камбузе картошку и, хотя тщательно мыли руки, они, естественно, не имели чистого вида. Ю.Ю.Джанелидзе по очереди выставил за дверь операционной всю нашу группу.

Когда надо было похлопотать за академию „наверху”, командование неизменно обращалось к Ю.Ю.Джанелидзе (ходили слухи, что он вхож аж к самому И.В.Сталину). Ему даже предлагали пост начальника ВММА. Он ответил:

– Об этом не может быть речи, пока в академии остается хотя бы одна винтовка!

Дело в том, что в то время (до 1947 года) в составе академии было так называемое Высшее военно-морское медицинское училище (ВВММУ), курсантами которого мы и являлись. За каждым курсантом была закреплена винтовка. Винтовки были выпущены во время войны, качество

металла было невысокое. Хотя мы их „драили” и смазывали маслом, – тем не менее они довольно быстро покрывались налетом ржавчины. Сколько взысканий курсанты за это получили! Особенно много хлопот доставляла чистка оружия после стрельбы холостыми. (Одно время, кажется, в 1946 году, было много похорон, на которых прощальные три залпа мы стреляли холостыми.) Взыскания за „халатное отношение” к уходу за винтовкой не миновали и меня.

Вернемся, однако, к другим нашим учителям. Среди профессор-хирургов следует также отметить академика АМН СССР Александра Васильевича Мельникова. Его лекции, а также проводимые им операции неизменно вызывали большой интерес. Незадолго до своей смерти он, лежа в своей клинике, пригласил своих друзей-профессоров и сказал им:

– Я знаю, что у меня рак желудка. Исход болезни известен. Вы это тоже знаете. Поэтому не будем терять время.

Они прошли в его кабинет, где был накрыт стол. Выпили и закусили. Так он попрощался...

Хорошо помню другого профессора-хирурга, члена-корреспондента АМН СССР Николая Николаевича Самарина. Хотя это воспоминание было для меня, прямо скажем, не из приятных. Некоторые мои товарищи ходили в СНО, им разрешали во время операции держать инструменты. И только одиночкам во время практики удалось сделать операцию аппендицита. Тем не менее я аккуратно конспектировал лекции и серьезно готовился к зачетам и экзаменам.

Госэкзамен по хирургии принимал Н.Н.Самарин, а присутствовал на экзамене председатель госкомиссии, генерал-майор медицинской службы Банайтис (в то время он был начальником медицинской службы Прибалтийского военного округа). На вопросы билета я ответил, как мне кажется, хорошо. Тогда Н.Н.Самарин говорит:

– Теорию Вы знаете. Теперь посмотрим, что Вы умеете. Что это такое?

Он взял из стеклянного шкафчика какой-то никелированный инструмент и дал его мне. Я повертел его в руках и не очень уверенно сказал:

– Это трахеотомическая трубка.

– Правильно. А теперь разберите ее.

Надо сказать, что за все время обучения хирургии (а у нас в академии были аж четыре хирургические дисциплины – общая, факультетская, госпитальная и даже военно-морская хирургия), я ни разу не держал трахеотомическую трубку в руках. Я повертел ее и с минутной задержкой все-таки смог разобрать.

– Вот так, – сказал Н.Н.Самарин, обращаясь к Банайтису, – каждый третий студент (почему-то нас, курсантов, он упорно называл студентами) не может разобрать трахеотомическую трубку.

И он „вкатил” мне по хирургии тройку. Хотя я и не собирался быть хирургом, эта единственная тройка на госэкзаменах меня, конечно, очень расстроила.

Очень хорошо помню профессора Василия Михайловича Васюточкина. Он говорил занудным (вернее, шепелявым) голосом:

– На своих лекциях я рашказываю ошень интересныи вещи. Однашды шеньшина принешла мне на ишледование кокошое машло. Я ишледовал его и убедилшя, што машло дейштвительно кокошое. Куршант З. не щипайте шошеда! Перерыв.

Экзамены он принимал по секундомеру. Когда минутная стрелка подходила к цифре „3”, он уже выставлял в матрикул отметку.

Курсанты его любили, многие посещали его СНО по биохимии. Он был научным консультантом около двадцати докторских и научным руководителем более пятидесяти кандидатских диссертаций. При этом он подбирал тему диссертации всем, кто бы к нему не обратился – независимо от возраста и медицинской специальности. В числе его диссертантов были биохимики, гигиенисты, терапевты, хирурги, физиологи, организаторы медицинской службы.

Николай Иванович Бобров служил доцентом на кафедре военно-морской и радиационной гигиены ВММА с конца 40-х годов, а в конце

50-х годов стал ее начальником. Он оставил яркий след как человек широкой души, доброжелательный к людям, стремившийся всеми силами им помочь. Он был очень скромным человеком. Меня всегда поражала его непосредственность, живой интерес к людям.

Профессор Н.И.Бобров внес большой вклад в развитие военно-морской гигиены. Лично я обязан ему за ту поддержку, которую он оказывал на всех переломных периодах моей жизни – при поступлении на факультет специализации ВММА в 1954 году, при поступлении на работу в Институт радиационной гигиены в 1960 году, а также при подготовке и защите моей докторской диссертации в 1969 году.

Всю Отечественную войну Н.И. Бобров прошел старшим врачом пехотного полка. Позднее, служба в академии, он участвовал в знаменитой в свое время проводке каравана судов по Северному морскому пути, во время которой он выполнил большой комплекс физиолого-гигиенических исследований процессов адаптации организма человека к условиям плавания в полярных широтах. Эти материалы легли в основу его докторской диссертации.

Выйдя в отставку по возрасту, профессор Н.И. Бобров продолжал в течение еще нескольких лет работать в академии научным консультантом.

Начальником кафедры кожных и венерических болезней академии был профессор С.Х.Горбовицкий. Чтение лекций он сопровождал демонстрацией больных. Помню, на одной лекции он показал больного, заразившего сифилисом 16 (!) женщин. Интересно, что фамилия больного была Безбабный.

На экзамене по кожным и венерическим болезням, который принимал С.Х.Горбовицкий, я решил показать свое знание предмета и, как бы между прочим, сказал о таллиевой мази, которую предложил мой однофамилец. Профессор кивнул головой и произнес:

– Да, хороший человек был Ваш однофамилец. Жаль только, что рано умер.

И поставил мне четыре.

Вторым профессором на кафедре кожных и венерических болезней был Е.А.Матушкин. Мы знали его как крупного специалиста по грибковым заболеваниям кожи.

Однажды (это было в 1948 году) весь личный состав академии, включая профессоров и преподавателей, был построен в каре во дворе по поводу X-й годовщины ВММА. (Исчисление даты создания академии идет с образования в 1938 году военно-морского факультета при 3-ем мединституте.) Мы заметили, что на парадном мундире профессора, полковника Е.А.Матушкина чуть ниже многих советских орденов и медалей красуется Георгиевский крест.

Впоследствии мы узнали, за что была получена эта высокая награда. Е.А.Матушкин окончил Военно-медицинскую академию в 1915 году и был назначен старшим врачом пехотного полка, воевавшего на русско-германском фронте. На участке фронта, который оборонял полк, немцы применили отравляющий газ – хлор. Это была первая или вторая попытка немецких войск применить хлор в качестве боевого отравляющего вещества.

Ветер дул в сторону русских окопов и облако желтовато-зеленоватого удушливого газа окутало их (хлор тяжелее воздуха и поэтому стелился у поверхности земли). Началась всеобщая паника: люди задыхались, разбегались, пытаясь спастись от ядовитого газа. Противогазов в русской армии в то время еще не было.

И в этот решительный момент, когда, казалось, русский фронт на этом участке оголен, старший врач полка Е.А.Матушкин (а в старой русской армии военные врачи, хотя и носили военную форму, но офицерами не считались, у них были гражданские звания) принял командование полком на себя. Ему удалось собрать несколько десятков солдат и он (дело было на опушке леса) приказал им залезть на деревья, сам он тоже залез на дерево. Вслед за первой началась вторая газовая атака.

Когда хлор рассеялся, Е.А.Матушкин приказал всем слезть с деревьев и занять огневые позиции. Немецкие войска, полагая, что противника перед ними уже нет, пошли в открытое наступление. Их встретил дружный пулеметный и ружейный огонь. Одна атака была отбита, затем вторая. К этому времени к обороняющимся подошло подкрепление, и немцам на этом участке фронта так и не удалось сломить русскую оборону.

В этих боях старший врач полка Е.А.Матушкин был ранен и попал в военный госпиталь. Проведать раненых в госпиталь пришел император Николай II. Там он узнал о подвиге старшего врача Е.А.Матушкина, о том, что он заслуживает высокую офицерскую награду, но возникает препятствие, поскольку он не офицер, а врач. Император подошел к раненому и собственными руками прикрепил к его рубашке офицерский Георгиевский крест I-й степени.

Почти четверть века после Октябрьской революции доктор Е.А.Матушкин, естественно, не только не мог носить эту награду, но даже рассказывать, что она у него имеется. И только во время Великой Отечественной войны вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, разрешающий носить награды, полученные при царском режиме в боях за родину.

Среди наших учителей профессор С.С.Вайль выделялся широким клиническим мышлением, житейской мудростью и тем, что на экзамене никогда не ставил двоек. Он считал, что курсант, прослушавший хотя бы половину его лекций, уже кое-что смыслит в патологической анатомии. Все лекции Соломона Самуиловича проходили в зашторенном зале, т.к. он всегда демонстрировал нам на экране снимки гистологических препаратов.

Помню такой случай. После ночной вахты мне очень хотелось спать. Зная, что С.С.Вайль всегда читает свои лекции с правой трибуны, я залез внутрь левой. Лекция началась. Профессор, как всегда, стоял у правой трибуны. С указкой в руках стал демонстрировать слайды, а потом вдруг подошел к левой трибуне, где я еще не успел заснуть. От неожиданности увиденного он остановился, не доходя до трибуны. Несколько секунд рассматривал меня, аж съежившегося от неприятной встречи. Затем он

быстро перешел к правой трибуне и к левой уже не возвращался. Я был спасен...

Незадолго до защиты моей кандидатской диссертации я пришел к профессору С.С.Вайлю на консультацию. Дело в том, что по указанию своего шефа В.М.Васюточкина я провел цикл гистохимических исследований. Полученные препараты были сфотографированы. Меня беспокоил вопрос, насколько качественны и показательны эти снимки.

Соломон Самуилович спросил меня, зачем это нужно. Я объяснил, что хочу показать эти микрофотографии на защите. Он надел очки и быстро раскидал их на две стопки.

– Вот эти снимки, – он указал на меньшую стопку, – можете показывать, а вот эти – не советую.

И, видя мое недоумение, продолжал:

– Вот здесь, – он снова указал на меньшую стопку, – в том, что это так, как Вы считаете, разберется любой дурак, в том числе и оппонент. А вот здесь, – он показал на бóльшую стопку, – могут разобраться лишь такие специалисты, как, например, я. Так зачем же Вам дразнить оппонентов? Запомните, что диссертация – это урна, в которую всякий норовит плюнуть. Так зачем же Вам давать повод плюнуть в Вашу работу?

Я выразил беспокойство по поводу того, смогу ли уложиться в отведенные для доклада при защите диссертации 20 минут, имея в виду, что, помимо большого основного материала, надо успеть показать и прокомментировать микрофото. С.С.Вайль пригласил меня прийти к нему на кафедру в среду „после чаепития”. Дело в том, что по средам на кафедре проходили заседания Ленинградского научного общества патологоанатомов, бессменным председателем которого был Соломон Самуилович.

Я приготовил эпидиаскоп и, когда С.С.Вайль освободился, начал демонстрацию. После показа первой же микрофотографии он остановил меня и со словами „так не пойдет!”, взял указку и начал комментировать сам:

– На данной снимке видно неравномерное распределение сукцинатдегидрогеназы в клетках печени. Следующий!...

И так он все восемь отобранных им микрофотографий показал и прокомментировал за полторы минуты. Я был поражен, но все-таки спросил его:

– Соломон Самуилович, Вы так быстро показали снимки, что никто не поймет в чем дело.

– А зачем Вам это надо? Я однажды на лекции вместо глаза testis (яичко) показал. Так, Вы знаете, никто и не заметил.

Рассказывают о двух случаях, происшедших с С.С.Вайлем. Однажды он со своим коллегой, патофизиологом и известным нейрохирургом Всеволодом Семеновичем Галкиным шел куда-то на банкет. В.С.Галкин, зная рассеянность С.С.Вайля, решил подшутить над ним:

– Почему ты, Соломон, в одной калоше?

– В самом деле, почему? – сказал С.С.Вайль. И скинул калошу с ноги.

Когда они вдвоем уходили с банкета, С.С.Вайль, одеваясь, спросил у В.С.Галкина:

– Никак не могу понять, почему здесь только одна моя калоша?

Второй случай, как ни странно, тоже был связан с калошами.

С.С.Вайль одевался в гардеробе в вестибюле напротив комнаты дежурного офицера по академии. Появился начальник академии. Дежурный скомандовал:

– Академия, смирно!

С.С.Вайль, не обращая внимания на команду, продолжал возиться, пытаясь попасть ногой в калошу. Когда начальник академии прошел, дежурный офицер подошел к нему и спросил:

– Почему Вы, товарищ полковник, не выполняете команду?

– Ах, бросьте! Мне надоела эта игра в оловянные солдатики.

Таков он был, С.С.Вайль – выдающийся ученый-патологоанатом, а в жизни очень простой и рассеянный человек.

У всех нас – курсантов юбилейного X-го выпуска военно-морских врачей – на всю жизнь осталась память о наших профессорах, преподавателях и командирах:

*Учителя, отцы – единоверцы,
Вручали нам в наследство два ключа:
И качество морского офицера,
И добрую профессию врача.
(Павел Гандельман)*

Друзья-однокурсники

*Это ли не славно –
На трудных стезях
Повезло нам в главном –
Повезло в друзьях!
(Павел Гандельман)*

Из моих однокурсников я мог бы написать почти о каждом. Все они – каждый по-своему – были яркими личностями. У нас на курсе существовало настоящее курсантское братство. Учившиеся и служившие в тяжелые годы войны и послевоенной разрухи, мы ощущали себя членами одной большой семьи. Наш курс породнил нас.

*Но был бы горше всех утрат
Мой славный курс, мой друг и брат.
Я в нем обрел тепло, как в человеке.
Я им воспитан и храним,
И провиниться перед ним –
Не дай нам Бог,*

*Не дай нам Бог,
Не дай нам Бог вовеки!
(Павел Гандельман)*

О моем однокурснике Павле Гандельмане надо сказать особо. Павел – участник Сталинградской битвы. Он – курсантский (при том очень хороший) поэт, музыкант, автор нескольких стихотворных сборников, неизменный режиссер-постановщик концертов на наших юбилейных встречах и фильмов о курсе. Кстати, Павел Гандельман – автор слов широко популярной песни „Жаннета”, которую очень любили и курсанты академии. Эту песню теперь знают и любят многие.

Человек незаурядных способностей, без преувеличения – душа и совесть нашего курса, Павел Гандельман как бы заряжает всех своим вдохновением, добротой широкой души, нетерпимостью к подлости, фальши и несправедливости. Шестьдесят лет он неразлучен со своей женой, верной подругой – Галей Баженовой, которая всегда в паре с ним выступает солисткой в наших концертах.

У нас с семьей Гандельмана-Баженовой очень теплые отношения. Эту семью нельзя не любить. Павел написал стихотворные поздравления, в том числе и к моим „круглым” юбилеям, вошедшие в один из его сборников.

Дружил я с Марком Фейгиным, и эта дружба продолжается несмотря на расстояние (он с женой Верочкой, детьми и внуками живет в Филадельфии). Будучи в одной учебной группе, мы постоянно общались, вместе делили тяготы курсантской жизни.

Марк написал три книги воспоминаний, одна из которых целиком посвящена курсантскому периоду, другая – его военно-врачебной службе (в том числе и на краю Земли – в бухте Провидения), а третья книга – периоду работы в Институте туберкулеза, где уже известный ученый, профессор М.И.Фейгин заведовал рентгенологическим отделом. Сейчас Марк окончил еще две повести.

Я был дружен с Володей Краморовым, блестящим хирургом и неординарным во всех смыслах человеком. В Севастополе некоторое время мы жили вместе в его комнате. Он оперировал в Крыму получившего травму первого космонавта Юрия Гагарина. Наши дружеские отношения продолжались и в Ленинграде. Несколько лет он проработал главным врачом клиник I-го мединститута.

С другим моим сокурсником – Мишей Ласкиным и его женой Леночкой я тоже служил в Севастополе и продолжал дружить в Ленинграде. Моя мама во время войны служила вместе с родителями Миши. Миша был добрым, гостеприимным и остроумным человеком. Их обоих – Миши и Володи – уже нет на этом свете... Миша погиб в результате автомобильной катастрофы, происшедшей когда он возвращался со дня рождения Володи. Хоронили Мишу в день его пятидесятилетия – 8 мая 1976 года.

Среди моих приятелей был Семен Каганов. На фронте он получил сквозное пулевое ранение в голову. С этим, по-видимому, были связаны и некоторые странности в его поведении, хотя в целом это был нормальный человек. Он знал мою маму. Ко мне он относился покровительственно как старший товарищ – и по возрасту, и по званию (он был младшим лейтенантом).

Помню, однажды мы с Семеном были в комендантском патруле. Напротив Витебского вокзала, стоял пожилой капитан I-го ранга. Семен подходит к нему, вытягивается по стойке „смирно” и представляется:

– Товарищ капперранг! Старший комендантского патруля младший лейтенант Каганов.

– Очень приятно, товарищ Каганов. Чем обязан Вашему вниманию?

– Товарищ капперранг! Разрешите доложить. У Вас сзади на шлице шинели лишняя пуговица пришита.

– Что за ерунда, – отвечает офицер, подтянув к себе шлиц шинели. – Их там у меня вообще нет.

– Вот именно об этом, товарищ капперранг, я и хотел Вам доложить.

На первом курсе нас однажды построили и объявили, что пойдем строем на пункт переливания крови как доноры для раненых бойцов и командиров Красной Армии. Начальник курса спросил, может кто-то желает выступить. И тут из строя выходит Семен Каганов. Свою краткую прочувствованную речь он заканчивает словами:

– Так положим же свои жизни на янтарь отечества!

(Именно так и сказал: „на янтарь отечества”.)

На зачете по гистологии нам надо было, посмотрев в микроскоп, определить, клетки какой ткани (или органа) на препарате. Семен бодро докладывает:

– Товарищ преподаватель! На данном препарате я вижу островки Лангенганса.

Преподаватель, взглянув в микроскоп, произносит:

– Правильно, товарищ Каганов. Это обыкновенная грязиска...

Оказалось, что Семен Каганов принял за островки Лангенганса (клетки, вырабатывающие инсулин) грязь по краям препарата, который он просто не нашел на предметном стекле.

Мы с Семеном часто встречались в 1956-1960 годах, когда оба служили в Севастополе. Он неизменно выручал меня в сложных житейских ситуациях...

Мой однокурсник Миша Злотников – также человек героической судьбы. Курсант сталинградского курса, (курса ВММА, посланного на Сталинградский фронт осенью 1942 года) он получил тяжелое ранение. После академии он служил на Амурской военной флотилии, затем, в течение 20-ти лет в Риге. Вынужден был с семьей эмигрировать в Германию, т.к. после распада Союза ССР жизнь в Латвии стала для многих „неграждан” невыносима.

Здесь, в Дюссельдорфе, живет вся его семья: дети, внуки, а недавно родилась правнучка, которую он боготворит. Миша по-прежнему неутомим: переписывается с друзьями, пишет (почти в каждом письме) стихи на немецком языке; как ветеран II-й мировой войны выступает перед взрослыми и детьми. Живо переживает все происходящее у родных и друзей.

Хорошие, теплые отношения уже много лет были у нас с Виктором Черкашиным и его ныне покойной женой Майей (в девичестве – Чеботаревой). В школе мы с ней даже сидели за одной партой и она много лет спустя призналась мне, что списывала у меня контрольные работы. Виктор сначала служил на Тихоокеанском флоте, а потом многие годы военной службы был начальником травматологического отделения Главного военного госпиталя в Москве. Он – кандидат медицинских наук, автор нескольких стихотворных сборников. Стихи его овеяны романтикой, мне они нравятся.

Одним из моих приятелей-однокурсников является Арик Аберман (и фамилии у нас, как видите, очень похожи). Очень динамичный, остроумный, он, несомненно, был одной из ярких личностей на нашем курсе. Он жил и работал в Киеве, где руководил большим туберкулезным отделением в Центральной больнице МПС. Как-то, будучи в командировке в Киеве, я проведаль семейство Аберманов. Сейчас Арик с семьей живет в США.

Мне пришлось начинать врачебную деятельность в одном авиационном гарнизоне с моим однокурсником („параллельщиком” – так называли курсанты слушателей нашего курса, имевших еще при поступлении в академию офицерские звания). Михаил Штерензон – участник Сталинградской битвы. Когда он узнал о предстоящей передислокации моей части в Северную Корею (это было в начале 1949 года), то предложил мне поехать вместо меня. В связи с моими весьма напряженными отношениями со старшим врачом части К., я сразу согласился. Нас „поменяли” местами. Однако передислокацию в последний момент отменили и я, к большому своему разочарованию, вынужден был оставаться в одной упряжке со старшим врачом. Правда – ненадолго.

Часто вспоминаю историю моего однокурсника Артура Келлера. Во время комсомольского собрания на пятом курсе (а он был комсоргом) Артур низкую успеваемость и дисциплину объяснил „настроениями бесперспективности” у части курсантов. На этом собрании начальник кафедры марксизма-ленинизма полковник Бетаки выступил и обвинил

самого Артура – якобы он и является „рассадником” таких настроений. После такого выступления Бетаки Артур на госэкзамене по этому предмету получил, естественно, тройку, хотя учился на круглые пятерки. Впоследствии, когда Артур пытался попасть в адъюнктуру, Бетаки и здесь поставил ему тройку (а тройка по марксизму-ленинизму в то время была равносильна двойке). Много лет Артур является председателем отделения медицинской географии Русского географического общества; он получил звание Лауреата государственной премии. А.А.Келлер – академик Экологической академии, автор многих монографий, атласов и других работ по медицинской географии.

Леонид Клячко – мой однокурсник, родившийся в один день со мной – 6 марта 1926 года. Он – высококлассный специалист-окулист, кандидат наук, руководитель центра по диагностике и лечению глаукомы, автор многих научных трудов и изобретений. Недавно он издал монографию по глаукоме. Мы с ним встречаемся каждый мой приезд в родной город. Поскольку по гороскопу оба мы „рыбы”, в наших характерах много общего.

Леня Клячко был запевалой нашего курса. Часто мы пели „Бескозырку”:

*Бескозырка – ты подруга моя боевая.
И в решительный час, и в решительный день
Я тебя, лишь тебя надеваю,
Как носили герои, – чуть-чуть набекрень.*

А когда строем возвращались с камбуза, где нас постоянно кормили овсяной кашей, мы подпевали Лёне:

*Кони сытые – бьют копытами.
Встретим мы по-сталински врага.*

Среди моих друзей был (к большому сожалению, „был”) Георгий Сидамон-Эристави, потомок старинного рода грузинских князей (а в последние годы жизни – заместитель председателя Московского дворянского собрания). Мы с Жорой учились в одной группе. И ехали на Дальний Восток тоже вместе: он в Совгавань, а я во Владивосток.

В Хабаровске Жоре надо было сделать пересадку на Совгавань, а я продолжал путь до Владивостока. Выходя, он забыл в купе свои калоши. В дальнейшем при встречах я его спрашивал, вспомнил ли он, где оставил свои калоши. (Это был намек на известный в свое время анекдот. Раввин читает проповедь. В ней он отмечает, что среди верующих появились люди пьющие, сквернословящие и, что особенно ужасно, посещающие неприличные заведения. На этом месте он вдруг замолкает:

– Ой, ой! Наконец-то я вспомнил, где оставил свои калоши.)

Дальнейшая судьба Г.В.Сидамон-Эристави была необычна и, как мне думается, поучительна. Прибыв в Совгавань, он получил назначение врачом стройбата где-то в глубинке. Тут он вспомнил, что у него имеется записка начальнику медицинского отдела кадров Жгенти от однокурсника Отара Турабелидзе. Когда Жгенти прочитал записку, он повел Жору к начальнику медицинского управления флота полковнику Ципичеву и доложил ему:

– Старший лейтенант медицинской службы Сидамон-Эристави. Кончил академию с отличием. Два года занимался в СНО на кафедре акушерства и гинекологии. Имеет две опубликованные работы.

На самом деле Жора учился средне, в работе СНО по акушерству и гинекологии не участвовал и опубликованных в этой области работ, естественно, не имел.

– Отлично, товарищ Жгенти, – сказал Ципичев, – оформляйте его начальником гинекологического отделения госпиталя в Южносахалинск.

Тут Жора пришел в себя и начал просить послать его в часть. Но Жгенти попросил начальника не обращать на эти слова внимание: они – проявление скромности молодого врача – и вытолкнул его из кабинета.

Через несколько часов Жора уже сидел в самолете, уносившем его в Южносахалинск. Ему повезло: над ним взял шефство опытный хирург, который в отсутствие гинеколога замещал и его. Через полгода Жора уже самостоятельно делал гинекологические операции, а через два года

приехавшая московская комиссия нашла, что гинекологическая помощь на Южном Сахалине поставлена образцово. Надо сказать, что Жора был красивым, внимательным и обаятельным человеком. Пациентки (а это были в основном жены офицеров и вольнонаемные) от него просто млели.

После отъезда комиссии Жору назначили начальником гинекологического отделения главного военно-морского госпиталя в Совгавани, главным гинекологом Северо-Тихоокеанского флота. А когда Ципичева (уже генерал-майора) назначили начальником медицинской службы Северного флота, он взял Жору с собой, и тот стал главным (или, как на флоте говорят, – флагманским) гинекологом этого флота.

В Североморске Жора заболел; у него нашли серьезное заболевание крови и перевели на службу в Подмосковье.

Выйдя в отставку, он в течение ряда лет работал главным врачом Московского института акушерства и гинекологии, а затем – начальником отдела в Управлении внешних сношений Минздрава СССР. Последние годы жизни он работал консультантом в российско-иностранной фирме по поставкам медицинского оборудования.

Жора был непременным участником (а часто – и тамадой) всех юбилейных встреч нашего курса. У меня с ним всегда были очень теплые дружеские отношения.

В один из моих приездов в Москву в ноябре 2000 года я позвонил по телефону на квартиру Жоре. Дочь его сообщила мне, что этой ночью папа умер. За три дня до смерти он пригласил к себе домой друзей-однокурсников – Е.Е.Гогина, К.С.Мартиросова, В.Г.Чвырева и В.В.Черкашина с супругами. Он предупредил сокурсников, чтобы они обязательно пришли в парадной военной форме, при всех орденах и медалях. Они хорошо посидели, выпили и сфотографировались все вместе на память. Эта фотография стоит у меня на полке. Жора как-будто предчувствовал свою близкую смерть и пожелал в последний раз встретиться с друзьями...

Кирилл Мартиросов – наш с Майей давний друг. Хотя в академии мы были только знакомы, настоящая дружба у нас возникла несколько лет после ее окончания. Кирилл окончил адъюнктуру вместе с Женей

Гогиным, затем служил в Институте военной медицины, а после увольнения в отставку, работает заведующим лабораторией в Институте биофизики. Он – доктор наук, профессор, Лауреат Государственной премии, известный специалист по защите организма от ионизирующего излучения. Награжден орденом Мужества.

Мой „одногруппник” – Леонид Арьев (ныне покойный). Моя мать и его отец, профессор, во время войны служили в одном военном госпитале. После службы на севере Леня служил начальником патологоанатомического отделения в том же Ленинградском окружном военном госпитале, где много лет до этого работал консультантом-терапевтом его отец. Он был очень дружен со своей женой Мюдой, с которой прожил более 50 лет. Мюда Арьева до сих пор преподает в 1-м мединституте.

Мой однокурсник Александр Уголев достиг в науке больших высот. Александр Уголев стал академиком АН СССР. Он руководил лабораторией по изучению физиологии пищеварения в Колтушах – той самой, которую создал и которой много лет заведовал И.П.Павлов. А.М.Уголев прославился своей теорией пристеночного пищеварения. Мемориальная доска в честь академика А.М.Уголева установлена на здании Института физиологии рядом с мемориальными досками его учителей – академиков К.М.Быкова и В.Н.Черниговского.

Не забуду, как курсанта Сашу Уголева „гоняли” на строевых занятиях.

У него не получался строевой шаг: левая нога и левая рука двигались вперед одновременно. Младший командир Николай З. кричал ему:

– Уголев, Уголев! Что у Вас – голова или протез?

Оказалось все-таки, что у Саши настоящая, притом очень светлая голова...

Много сделал для подготовки и организации наших курсантских встреч Георгий Скляр. Свою военную службу он окончил в должности начальника старейшего в России I-го военно-морского госпиталя в

Ленинграде, основанного еще Петром Великим. Георгий умер вскоре после организованной им юбилейной встречи курсантов нашего X-го выпуска Военно-морской медицинской академии в связи с 50-ти летием ее окончания.

После смерти Г.Б.Склярова эстафету председателя оргкомитета курса принял Анатолий Мясников. Анатолий был старшим преподавателем бывшей кафедры спецфизиологии ВММА. Он – кандидат медицинских наук. Приятно отметить, что сын и внук Анатолия также пошли по пути отца и деда. Они оба окончили морской факультет ВМА. Сын Анатолия, доктор наук, профессор, сейчас является начальником той самой кафедры, на которой в свое время работал его отец. Великолепная военно-морская медицинская династия!

Из моих сокурсников вышли известные ученые-гигиенисты, в том числе Виктор Георгиевич Чвырев, Евгений Павлович Сергеев и Петр Назарович Яговой.

В.Г.Чвырев – профессор, генерал-майор медицинской службы, занимался вопросами физиологии и гигиены подводного плавания, а впоследствии стал начальником кафедры военно-морской и радиационной гигиены академии. С этой должности он был назначен Главным гигиенистом Министерства обороны СССР, переехал в Москву. После отставки В.Г.Чвырев со свойственной ему энергией продолжает работать в Гигиеническом совете ВАКа.

Е.П.Сергеев – профессор, в течение ряда лет после увольнения в отставку был директором Института морской гигиены в Москве. Участник Сталинградской битвы. Известен своими научными работами по проблемам корабельной гигиены.

Профессор П.Н.Яговой был старшим преподавателем, а затем заместителем начальника кафедры военно-морской и радиационной гигиены академии. После выхода в отставку П.Н.Яговой более десяти лет проработал старшим научным сотрудником в Институте радиационной

гигиены. Он занимался исследованием радиоактивного загрязнения окружающей среды в связи с глобальными выпадениями после испытаний ядерного оружия в атмосфере и пытался установить связь между радиоактивным загрязнением биосферы и онкологическими заболеваниями.

Все трое – В.Г.Чвырев, Е.П.Сергеев, П.Н.Яговой – кавалеры многих орденов, заслуженные люди.

Одновременно со мной в санэпидлабораториях Тихоокеанского флота служил мой сокурсник Михаил Осипович Биргер. Впоследствии профессор М.О.Биргер в течение многих лет руководил лабораторией в Московском институте эпидемиологии.

Из друзей-тихоокеанцев также часто вспоминаю сокурсника Виталия Михайловича Каплана. После увольнения с военной службы он в течение более 40 лет заведовал отделением уха, горла, носа в областной больнице. В.М.Каплан – заслуженный врач России, кавалер ордена Трудового Красного знамени, крупный специалист.

Пусть простят меня мои другие товарищи-однокурсники, что не упомянул их в этих воспоминаниях. Могу, однако, твердо сказать, что я их всех помню и люблю.

Воспоминания о гауптвахте

„Губа” – так ласково называли мы гауптвахту. С ней были знакомы, как говорится, не по наслышке большинство курсантов. Моя личная „копилка” – 15 суток ареста (в сумме) за время обучения в академии. Это был далеко не предел. Так, например, Толя Шабайдаш получил в общей сложности более двух месяцев „губы” (из коих, правда, отсидел только меньше одной трети). Дисциплинарные взыскания накладывались на нас по самым различным, подчас смехотворным поводам.

Об этом хорошо сказано в стихотворении Павла Гандельмана:

*Для нас воспоминанья как награда
И до сих пор все в памяти хранят,*

*Как низвергались первые наряды
На головы зеленых салажат.*

*Нетленны перлы их формулировок:
За сон в учебном классе на столе,
И за использование винтовок
Как средств передвиженья на земле.*

*И за бросанье крошками в сержанта,
И за непромывание ушей,
А некоему юннату-дилетанту –
За разведение в тумбочке ужей!*

*За факты неотданья чести в бане
И за халатно брошенный халат.
В букете этих сказочных взысканий
Для нас – неповторимый аромат!..*

Одно из наложенных на меня взысканий – пять суток „губы” за „проникновение в академию через окно”. Я тогда опаздывал из города на построение и, чтобы сократить дорогу, решил пройти более коротким путем – через академическую поликлинику. Однако дверь, ведущая из поликлиники во двор, оказалась закрытой, и я (дело было летом) залез на окно туалета и прыгнул с него на тротуар. При этом (о ужас!) я чуть не сбил с ног „грозу” курсантов – помощника начальника академии по строевой части капитана II ранга В.А.Векшина.

Курсанты в строю (когда не было рядом высокого начальства) пели песню о В.А.Векшине:

*Дядя Витя, хороший и пригожий,
Дядя Витя – всех юношей моложе.
Дядя Витя – чудесный наш толстяк,
„Смирно!” „Вольно!” „Шире шаг!”*

Вернемся, однако, к моему прыжку из окна. От неожиданности В.А.Векшин отпрянул назад, с его головы слетела фуражка. Я тоже оторопел на мгновение, но быстро пришел в себя, поднял его фуражку, сдул с нее пыль и со словами:

– Извините, товарищ капвторанга, – подал ему фуражку.

Затем, еще раз извинившись, я стал быстрым шагом, переходя на рысь, удаляться, но услышал за своей спиной грозный окрик:

– Товарищ курсант, вернитесь!

Я понуро вернулся.

– Вы почему проникли в академию столь странным способом?

Тут я ему соврал:

– Видите ли, товарищ капвторанг, я лечил зубы в поликлинике, и эта дверь, – я показал на дверь, – была открыта, а сейчас она почему-то заперта. Вот я и был вынужден прыгнуть через окно.

В.А.Векшин, который к этому времени уже пришел в себя после потрясения, вежливо произнес:

– Ну, что ж, уважаемый. А теперь потрудитесь выйти отсюда таким же способом, как и вошли.

Обрадованный тем, что он не спросил мою фамилию, я отдал ему честь, залез в злополучное окно и, обежав поликлинику, успел-таки на построение курса.

Однако радость моя оказалась преждевременной: В.А.Векшин мою фамилию запомнил еще по нашей с ним предыдущей встрече (также при не очень приятных для меня обстоятельствах) за полгода до описываемого эпизода. Тогда он простил нас с моим приятелем Пашей Хатьковым за то, что мы добровольно пришли к нему и сознались в проступке. В.А.Векшин сказал:

– Вы совершили мальчишеский поступок, но у вас есть качество, необходимое для будущих офицеров флота – чувство чести. Я вас прощаю.

Спустя примерно полчаса после моей второй встречи с В.А.Векшиным начальник нашего курса сообщил, что В.А.Векшин вызывает меня к себе на беседу. В кабинете его не оказалось; я заметил В.А.Векшина сидящим на скамейке во дворе в обществе коменданта академии (в ведении которого находилась, кстати, и „губа”). Я решил выждать, пока эта „сладкая парочка” расстанется, но вскоре потерял их обоих из виду. Когда я пришел в казарму, меня снова вызвал начальник курса и безо всяких вступлений объявил пять суток „губы” за „проникновение в академию через окно”.

Тогда я заметил начальнику курса, что В.А.Векшин меня отпустил без объявления наказания. На это он спросил:

– Вы когда с ним разговаривали?

– Полчаса назад, – ответил я.

– А 10 минут назад он позвонил мне и приказал Вас обязательно наказать.

Итак, я в очередной раз сел на „губу”. „Губа” находилась в здании курсантского камбуза и последний над ней „шефствовал”: арестованных курсантов кормили отменно. На стенах „губы” были начертаны любопытные надписи. Большой лозунг прямо над входной дверью: „Губа – не тюрьма. Не грусти, входящий!” Чуть в сторонке: „Привет освобожденным узникам фашизма от освобожденных курсантов карцера ВММА. 9 мая 1945 года.” (Это, понятно, был день амнистии.)

Заметил я на стене и следы другого эпистолярного творчества:

*Здесь много жрут
И спят спокойно.
Здесь берегут души покой.
Здесь я забыл
Как мой достойный
Шапиро дергает ногой.*

(Марк Шапиро – помкомвзвода, небольшого роста и, когда выступал перед своим взводом, очевидно для солидности, притоптывал ногой.)

*Хотя, быть может,
Это странно,
Но благодарен я судьбе,
Что даже хохмы Гандельмана
Не „достают” меня в „губе”.*

С завтрака до обеда арестантов водили на работы – в основном очищать помойные ямы. У меня сохранился снимок, сделанный „скрытой камерой” моим однокурсником Робином Мравяном. В робе с вилами в руках на фоне обшарпанной стены я чищу помойку. Рядом стоит конвойный с винтовкой.

Интересный случай однажды произошел с моим знакомым курсантом академии Н., когда он сидел на гауптвахте.

В арестанскую камеру заходит начальник караула сержант В.И.Алипов. (Он учился на предшествующем нам курсе; „партийная” его кличка – это фамилия, прочтенная задом наперед. Впоследствии В.И.Алипов стал крупным ученым, профессором, членом-корреспондентом АМН СССР, директором Института акушерства и гинекологии им. Отто. У нас с ним в это время установились тесные научные контакты, так как я изучал влияние ионизирующего излучения на репродуктивную функцию.)

В.И.Алипов говорит:

– Поднимайтесь, Н.!

Н. отвечает, что он уже сегодня был на работе.

– Не на работу, – говорит начальник караула.

– Так куда же? – недоумевает курсант.

– Экзамен будете сдавать.

– Какой еще такой экзамен? – спрашивает курсант.

– По нормальной физиологии.

(Сидя на „губе”, Н. даже забыл, что на этот день назначен экзамен его учебной группе.)

И тут Н. возмутился:

– Вы не имеете права: я нахожусь на гауптвахте.

– Имею право, – отвечает В.И.Алипов. – Есть приказ всем курсантам до отъезда на летнюю практику сдать экзамены.

И, не слушая возражений курсанта, он распорядился конвойному:

– Отведите его!

Когда пришли на кафедру, конвойный доложил профессору кафедры Владимиру Николаевичу Черниговскому:

– Товарищ майор! Курсант Н. для сдачи экзамена по нормальной физиологии доставлен.

У В.Н.Черниговского от изумления аж отвисла челюсть:

– Я что-то ничего не понимаю. Он упирался и Вы его доставили сюда силой оружия?

– Дело в том, товарищ майор, что сегодня последний день сдачи экзаменов, – отвечает конвойный. – Через три дня уезжаем на практику, а

он сидит на гауптвахте. Так вот командование и распорядилось доставить его для сдачи экзамена.

Здесь В.Н.Черниговский уже пришел в себя и говорит:

– Ну что ж! Доставили – так введите же арестованного.

Курсант Н. вошел в кабинет и сел на указанное ему мягкое кресло у большого письменного стола. Обращаясь к конвойному, В.Н.Черниговский сказал:

– А Вы постойте, пожалуйста, у двери с той стороны.

Конвойный вышел и закрыл за собой дверь.

Тогда Владимир Николаевич стал с интересом расспрашивать курсанта Н., за что и при каких обстоятельствах он попал на „губу“. Видя его интерес, Н. очень подробно (надо „тянуть“ время, т.к. к экзамену он, естественно, не готовился) стал ему рассказывать об этой и других его „отсидках“. Так прошло минут пятнадцать...

Потом В.Н.Черниговский спросил курсанта:

– Ведь Вас доставили сюда под конвоем, не так ли?

– Так точно! – ответил он, – под конвоем.

– Так зачем же Вас сюда доставили?

– Для сдачи экзамена по нормальной физиологии, – упавшим голосом ответил курсант.

– Так, может быть, обратимся к предмету?

– Обратимся, – едва слышно ответил Н..

После этого профессор стал изучать принесенный ему матрикул (зачетную книжку) Н.. Окончив это занятие, он сказал:

– Я задам Вам три вопроса. Вопрос первый. Вы занимаетесь в среднем на 4?”

– Так точно, на 4.

– Вопрос второй. Как Вы отнесетесь к тому, чтобы Ваши знания по нормальной физиологии я оценил именно этой отметкой?

– Вполне положительно, – радостно ответил Н..

Тут В.Н.Черниговский встал, обошел стол и, наклонившись к арестанту, заговорщеским шепотом спросил:

– Так, значит, договорились?

– Так точно, договорились, – так же шепотом ответил Н..

Профессор, удовлетворенный его ответом, вернулся на свое место, взял ручку и поставил в матрикуле 4, потом подумал, добавил плюс и расписался.

Затем он быстрым шагом подошел к двери и резко распахнул ее. Конвойный, который, видимо, подслушивал, от неожиданности чуть не упал. В.Н.Черниговский, показывая на курсанта Н., с презрительной гримасой, приказал:

– Уведите его!

Эта история сдачи Н. экзамена на „губе”, вошла в анналы курсантской истории. Она, кстати, имела неожиданное продолжение много лет спустя.

В числе нескольких любимых курсантами профессоров, на юбилейную встречу курса, посвященную 25-летию окончания академии, был приглашен академик Академии наук СССР, директор академического Института физиологии им. И.П.Павлова Владимир Николаевич Черниговский. (Он воспитал своего выдающегося ученика, уже упомянутого моего сокурсника, академика АН СССР А.М.Уголева. Среди учеников В.Н.Черниговского – мои сокурсники, профессора Г.С.Кан, В.М.Хаютин и многие другие.)

Н. увидел В.Н.Черниговского, оживленно беседующего с группой его сокурсников, и, проходя мимо, поклонился ему. Вдруг академик сам подходит к нему:

– Здравствуйте, товарищ Н.!

– Здравствуйте, Владимир Николаевич! Я поражен: четверть века как мы с Вами не виделись, а Вы помните мою фамилию.

– Батенька мой, – отвечает В.Н. Черниговский – за 45 лет моей научно-педагогической деятельности Вы единственный, кого привели сдавать экзамен под конвоем. Такое незабываемо!

Спортивные соревнования

Физкультура и спорт пользовались популярностью на курсе и усиленно культивировались командованием. Весь уклад курсантской жизни был направлен, в том числе и на привитие нам спортивных навыков.

День начинался с команды дневального по роте:

– Первая рота, подъем!

Команда подавалась громким, „зычным” голосом. Через пять минут построение на физзарядку. Уложиться в эти пять минут для меня было не таким простым делом. Надо было спрыгнуть со второго яруса (у нас были двухярусные койки). Преимущество, разумеется, было у обитателей первого яруса, которые успевали занять узкий проход между койками. Короче, я и мой визави по верхней койке Толя Шабайдаш часто опаздывали к построению.

...Однажды ночью меня кто-то будит. Открываю глаза. При тусклом свете синей лампочки узнаю командира отделения (он же староста нашей учебной группы) Володю Высотина.

– Товарищ Либерман, для Вас большой сбор.

Обычно большой сбор объявлялся для всей академии. Я начинаю одеваться. Наконец, беру свою винтовку из пирамиды, закрываю затвор и становлюсь по стойке смирно. Высотин смотрит на секундомер:

– Семь минут. Плохо. Раздевайтесь!

Все повторяется сначала. Я очень стараюсь, но все равно в заданное время не укладываюсь.

– Шесть минут. Ну, что ж, на сегодня хватит. А завтра, видимо, придется повторить.

Тут меня осеняет плодотворная дебютная идея.

– Товарищ старшина, давайте кончим эту комедию сегодня.

– Как, Вы еще хотите?

– Так точно! – отвечаю я.

– Ну, что ж, раздевайтесь.

И тут, воспользовавшись тусклым ночным освещением кубрика, я раздеваюсь не догола, а остаюсь в нижнем белье и в носках. Здесь надо

заметить, что по „Уставу высших военно-морских учебных заведений” все курсанты должны были спать голыми. Предусматривалось даже, смешно об этом вспоминать, что лежать надо было на правом боку, положив голову на ладонь правой руки, а левую руку вытянуть поверх одеяла по „швам”. Эти особенности позы во сне, к счастью, никто не проверял, но выполнение требования спать голышом проверялось младшими командирами.

Итак, обманув старшину, я с третьей попытки уложился в установленное для одевания время. Он, немного удивившись столь быстрым успехам, пожелал мне спокойной ночи и начал будить моего соседа – Толю Шабайдаша. Я уже давно заметил, что тот проснулся и одним глазом с интересом наблюдал за моей тренировкой. Тут же он притворился спящим и даже начал храпеть. Наконец, когда с него было стянуто одеяло и дальше притворяться спящим было уже невозможно, Толя „зычным” басом на весь кубрик восклицает:

– Чяво там ешо?!

– Для Вас, Шабайдаш, боевая тревога, – отвечает Высотин.

– Есть, есть, завтра встану.

И снова демонстративно начинает храпеть. К этому моменту от громкого голоса Шабайдаша просыпается полкубрика. Раздаются недовольные голоса: почему им не дают спать. И Высотину после очередной неудачной попытки разбудить Толю ничего не остается, как отказаться от дальнейших усилий. Толя Шабайдаш победил!

Итак, обратимся все же к делам спортивным. Мне абсолютно не везло на занятиях по физподготовке. Особенно трудными оказались для меня упражнения на турнике. Попытки его „оседлать” были, как правило, безуспешными. И тут еще „подбадривающие” наставления преподавателя физкультуры:

– Что Вы у меня тут болтаетесь, как г... в проруби.

После такого напутствия я уже ни на что не оказывался способным. Короче говоря, за все годы обучения в академии я не сдал ни одного зачета по физподготовке.

И вот однажды (дело было уже на четвертом курсе) мы с Марком Фейгиным получили от командира роты по 30 суток неувольнения в город за нарушение устава караульной службы: будучи в патруле у бывшего Введенского канала (он уже давно засыпан и превращен в улицу), мы осмелились выйти за границу патрулируемой территории.

Объявляя перед строем взыскание, командир роты, улыбнувшись, добавил:

– С переводом на казарменное положение пожизненно.

Здесь необходимо сделать пояснение. На четвертом курсе (после ликвидации ВВММУ) всем курсантам, родители или жены которых находились в Ленинграде, разрешили жить на „частных квартирах”. Я тоже был отпущен, т.к. в Ленинграде, и притом буквально в 10 минутах ходьбы от академии, жили моя мама и бабушка.

По истечении двух недель неувольнения я был вызван командиром роты капитаном П.И.Анохиным:

– Вы знаете, – спросил он меня, – что приближаются спортивные соревнования на первенство академии?

Я ответил, что слышал об этом.

– Так вот, – продолжал П.И.Анохин, – Вам предстоит отстаивать честь курса в соревнованиях по штанге.

– Товарищ капитан, – взмолился я, – штангой я никогда не занимался.

Но, не слушая моих возражений, он подвел меня к штанге.

– На штанге 100 килограммов. Поднимите ее!

Я с большим трудом оторвал штангу от пола.

– Ничего, – успокоил он, – Вас будут тренировать.

– Товарищ капитан, – взмолился я, – я не хочу срамить себя и наш курс.

– Поймите, безразлично, сколько Вы поднимите. Нам нужен участник в тяжелом весе, а за неучастие его в соревнованиях у всей команды вычтут определенное число баллов (кажется, 12). Поэтому важно, чтобы Вы выступили.

– Так, может быть, у нас на курсе найдутся другие „тяжеловесы”, кроме меня, – не сдавался я.

– Нет таковых, – ответил П.И.Анохин, – я просмотрел медицинские карты всех курсантов. Кроме Вас и мичмана Ю.Веше (наш старшина роты ростом 192 см), в тяжелом весе никого нет.

– Так, может быть, выступит Веше? – с последней надеждой говорю я.

– Веше выступать не может – у него хроническая дизентерия.

Тут П.И.Анохин внимательно посмотрел на меня и говорит:

– Слушайте, Либерман, я считаю Вас толковым парнем. Ведь Вы отбываете еще взыскание – месяц неувольнения? Так вот, Вам представляется возможность реабилитироваться. Повторяю: безразлично, какой вес Вы поднимите. Важно, чтобы Вы выступили.

При упоминании о реабилитации мое сопротивление было окончательно сломлено. Мой однокурсник Витя Чвырев показал мне все три упражнения со штангой: жим, толчок и рывок. Я поднимал „свой” сорок килограммов и к большему даже не стремился.

Наступил день соревнований. Был холодный ноябрьский день. Участников, одетых в трусы и майки, построили во дворе академии, устроили „парад-алле” под оркестр. Соревнования, проходившие при большом стечении публики, начались.

Как сейчас помню: вначале поставили на штангу сорок килограммов, и стали делать первую попытку курсанты из легчайшей весовой категории. Я решил, что соревнования для участников из тяжелых весовых категорий будут в конце, и спокойно смотрел, как постепенно вес штанги увеличивался. Попытки стали делать ребята из среднего и полутяжелого веса. Я спросил у соседа, в чем дело. Он ответил, что соревнования идут одновременно для всех весовых категорий и вес на штанге (который достиг уже 50 килограммов) снижаться не будет. Тут меня кто-то сзади подтолкнул и я неуверенно вышел в центр круга. Первая моя попытка оказалась неудачной – одновременно выпрямились руки. При второй попытке я сосредоточил все внимание на руках, забыл про ноги, и при подъеме штанги у меня слегка подогнулась нога. С третьей, последней попытки я постарался сконцентрироваться на задании и с немалым трудом выполнил его. Короче говоря, по полученным результатам я оказался последним в своей весовой категории (да и не только среди тяжеловесов).

Здесь необходимо пояснить ситуацию вокруг соревнований. Дело в том, что на двух младших курсах курсантов в тяжелом весе не нашли. На первом курсе выбрали „перспективного” курсанта, которому до тяжелого веса не хватало, кажется, пяти килограммов. За месяц до соревнований его освободили от всех работ и нарядов и стали усиленно (по две порции) кормить. Он поправился на пару килограммов. Утром, в день соревнований, перед взвешиванием ему дали съесть полкило селедки, после чего он выпил два графина воды. Необходимый вес был достигнут. Однако, когда бедный курсант вставал на весы, произошла неприятность: он самопроизвольно срыгнул избыток жидкости прямо на китель офицера кафедры физподготовки, контролировавшего вес участников. Курсант с позором был отстранен от соревнований.

С потенциальным тяжеловесом со второго курса произошла примерно такая же история: его освобождали от работ, усиленно кормили, выпито было много воды, но все равно пары килограммов не хватало. Тогда недостающий вес в виде двух гирек товарищи каким-то образом повесили бедняге под трусики. Офицеру, стоявшему на взвешивании, что-то показалось подозрительным. Он предложил снять трусы. За „попытку обмана офицера” несостоявшийся тяжеловес был отстранен от соревнований и получил взыскание.

Таким образом, в моей весовой категории оказалось всего не пять, а трое участников, и мое последнее место по иронии судьбы было не пятым, а третьим, т.е. призовым. Помню, в приказе начальника академии я получил благодарность и премию – 100 рублей. Тогда, в первые послевоенные годы, это была немалая сумма, т.к. месячное содержание курсанта составляло всего 80 рублей.

Вечером того же дня, когда я вернулся на курс, командир роты сказал:

– Молодец! А теперь забирайте свой чемодан и чтобы я Вас в казарме не видел.

Я, конечно, выполнил это распоряжение с большим удовольствием.

Полет на луну

У нас на курсе было много одаренных ребят, которые выступали на наших вечерах. Запомнился, исполненный еще в Кирове (Вятке), номер с полетом на луну. Вышел курсант Марк Фейгин, облаченный в черный фрак с галстуком-бабочкой, в цилиндре и произнес:

– Внимание, леди и джентельмены! Мировой аттракцион: Марион Диксон, полет на луну.

В зале погасили свет. Под звуки выходного марша из кинофильма „Цирк” через весь зал на сцену выкатили освещенную прожектором большую пушку, на стволе которой стоял кто-то, укутанный в широкий черный плащ. Под звуки музыки этот кто-то сбросил с себя плащ и все увидели нашего однокурсника – Мартика Хейфеца.

Выглядел он довольно смешно: сквозь большие дыры рваной тельняшки вырисовывалась его заросшая густой черной растительностью грудь. Картину дополняли чаплинские усики, старомодные трусы и кривые О-образные ноги.

Ствол постепенно поднимался до вертикального положения и М.Хейфец взбирался на жерло пушки. Там, наверху, он плясал и пел известную песенку, исполненную в свое время Любовью Орловой в кинофильме „Цирк”. Со словами „Марион улетает на луну” он плавно опустил внутрь ствола пушки.

В зале гасили свет. И в полной темноте раздавался буквально громовый выстрел с фейерверком. Наши пиротехники немного не рассчитали: взрыв оказался настолько силен, что зрители, особенно наши профессора-преподаватели и командиры, сидевшие в первых рядах, были буквально оглушены, а из электрических часов, висевших высоко над сценой, вылетело и со звоном разбилось стекло. Однако больше всех, как выяснилось после окончания номера, пострадал сам исполнитель. Кусочки необгоревшего пороха попали в ствол пушки, в которой он сидел (выстрел был произведен из помещенной рядом с деревянным стволом пушки небольшой металлической трубки). У Мартика была опалена его волосатая спина, но он не мог ни стонать, ни звать на помощь – иначе бы испортил весь номер.

Между тем в зале ничего не было видно: он весь был окутан облаком белого дыма. Через минуту, когда дым понемногу рассеялся, луч прожектора выхватил высоко под потолкомдвигающийся по диагонали зала месяц, через край которого свешивался человеческий скелет с обрывками тельняшки на груди.

Я учился с Мартиком Хейфецем на курсах усовершенствования по военно-морской гигиене во Владивостоке и потом в Ленинграде. На Тихоокеанском флоте он служил врачом-гигиенистом в бухте Святая Ольга. Женился он значительно позже, чем большинство моих однокурсников.

Помню отрывок из песни, посвященной М. Хейфецу, написанной к встрече по случаю десятилетия нашего выпуска. В этой песне, обращенной к Мартику, говорилось, что в юности

*...Пушку тобой зарядили злодеи.
И в Ольгинской бухте
Упав, словно птица,
Хейфец утратил
Способность жениться...*

Критика подействовала – М.Хейфец вскоре женился...

Мартик до сих пор работает в Москве врачом-гигиенистом. Он участвовал во всех наших курсовых юбилейных встречах, исполнял отрывки из своего танца, но уже не на пушке.

Распределение

*Все науки осилим, ребята,
Нам откроются сотни дорог,
И на север, на юг, и на запад,
И, конечно, на Дальний Восток.*

*Но мы с детства приучены к порядку
И весь мир мы по порядку обойдем –
Первым делом, первым делом – на Камчатку,
А на Балтику? На Балтику потом!
(Из курсовой песни)*

Хорошо помню эпизод с распределением нашего X-го выпуска военноморских врачей, которое было проведено за несколько месяцев до окончания академии. Председателем комиссии был кадровик, полковник медицинской службы из Москвы. Мы, естественно, очень волновались: куда пошлют?

Вызывали нас по одному. Заходит слушатель-„параллельщик”. Комиссия спрашивает у слушателя, на каком флоте он хотел бы служить после окончания ВММА. Он отвечает: на Балтике. Комиссия интересуется, а почему именно на Балтике. Он отвечает, что до поступления в академию служил на тральщике, входившем в состав Балтфлота. И этот морской театр ему хорошо знаком.

– Ну, что ж, – резюмирует председатель комиссии, – раз Вы служили на Балтике, дайте и другим там послужить. Поедете на Тихоокеанский флот.

Вызывают очередного однокурсника. Вопрос тот же: где он дальше хочет служить. Он тоже изъявляет желание служить на Балтике, потому что до поступления в академию служил на Амурской военной флотилии. На следующий вопрос, в каком воинском звании служил, он отвечает, что был старшиной первой статьи, фельдшером срочной службы.

– Ну что ж, – резюмирует председатель комиссии, – служили на Амурской флотилии старшиной, будете служить на Тихоокеанском флоте офицером. Следующий!

Заходит мой приятель курсант Павел Хатьков. Вопрос тот же. Павел молчит. Ему снова повторяют вопрос. Он молчит. Когда его спросили,

почему он не отвечает на вопрос, Павел говорит, обращаясь к председателю комиссии:

– Вот видите, товарищ полковник, перед Вами лежит список, в котором, как я успел увидеть, против моей фамилии черным по белому написано „ТОФ”. К чему же ломать эту комедию?

Оторопевшие на минуту члены комиссии приходят в себя, и председатель произносит:

– Делаю Вам замечание за некорректное поведение. Поедете на Дальний Восток.

Следующим был я. Председатель грозно взглянул на меня и прокурорским тоном спросил:

– Что Вы делали до поступления в академию?

– Как что? Учился в средней школе.

– Значит, государство тратило на Вас деньги.

– Так точно, тратило.

– Ну, что ж! Придется и послужить государству. Поедете на Тихоокеанский флот.

Вот так происходило распределение. Почти две трети нашего курса уехали служить на Дальний Восток.

Тогда я еще не знал, что написано в моей выпускной аттестации, которую мои командиры подготовили незадолго до распределения. Содержание аттестации (кроме выводов из нее) в те годы оставалось неизвестным для аттестуемых. Ознакомился я с текстом аттестации совершенно случайно, спустя уже пять лет после окончания ВММА. А в ней дословно было записано: „Изнежен домашним воспитанием. Трудности военной службы переносит плохо. Морские качества выявить не удалось”. По-видимому, для придания объективности в аттестации содержался и положительный штрих: „Принимал активное участие в спортивно-массовой жизни курса”. Вывод из аттестации был однозначен: „Может быть использован (так и записано „использован”) в качестве младшего врача береговой части”.

Надо сказать, что подобного рода аттестация была дана не мне одному. Так, когда мой товарищ-однокурсник Отар Турабелидзе докладывал о

своем прибытии для службы на ТОФ, начальник медицинской службы флота полковник А.Шпикин, полистав его личное дело, сказал:

– С такой аттестацией Вам, товарищ Турабелидзе не на флоте служить, а сесть так годиков на пять...

У моего сослуживца по Порт-Артуру Натана П. была привычка перед сном совершать получасовую прогулку по городу. Злые языки говорили, что при этом он проявляет интерес к тому, что делается за чужими окнами. Этого оказалось достаточным, чтобы записать в качестве одного из выводов аттестации: „Необходимо устранить недостатки в сексуальной жизни”.

Чего только не могут творить бюрократы!..

3.Служба на флотах

Первые месяцы моей службы

По окончании Военно-морской медицинской академии я был назначен врачом-специалистом в часть морской истребительной авиации. Старший врач части К. взвалил на меня все, что мог – амбулаторный прием, курирование больных в стационаре, поездки на консультацию больных во Владивосток, медицинское (аэродромное) обеспечение полетов, контроль за санитарным состоянием и снятие проб пищи сразу в трех столовых – для летчиков, для летно-технического состава и для рядовых. Я старался как мог совместить все это.

Однако наши отношения со старшим врачом не сложились. Как человек маленького роста он, видимо, не любил высокорослых. Вдобавок ему, врачу ускоренного военного выпуска мединститута (так называемому „зауряд-врачу”), мое академическое образование было как бельмо в глазу. И, наконец, что тоже немаловажно, его жена, врач-гинеколог, работала вольнонаемной здесь же, в нашей медслужбе, и по положению была подчинена мне. Естественно, что когда ей что-нибудь не нравилось, она немедленно сообщала мужу, и тот, понятно, делал мне очередной втык.

Отношения наши еще больше обострились после того, как старший врач попытался взвалить на меня вину за якобы проведенный мною подпольный аборт у официантки летной столовой. Я к этому аборту, разумеется, никакого отношения не имел. Уже спустя года три я узнал, что старший врач со своей женой за деньги сами делали аборт. Дело вскрылось после неудачного аборта у жены командира нашей части, в результате осложнений которого она почти полгода лечилась в госпитале.

Состоялся суд офицерской чести, который принял решение понизить старшего врача в воинском звании. Но это было потом...

Я искал возможность скорее уйти из-под начала старшего врача К. Удобный случай (после неудачной попытки поменяться должностями с Мишей Штерензоном, о чем я уже писал) вскоре представился. Во Владивостоке был объявлен набор на врачебные курсы по гигиеническому циклу. Еще в Академии, занимаясь в СНО на кафедре общей гигиены, я решил посвятить себя работе в этой области. И вот с 1 июля 1949 года я начал заниматься на гигиеническом цикле шестимесячных курсов.

После окончания этих курсов в качестве врача-гигиениста я был оставлен во флотской санэпидлаборатории во Владивостоке. На этом месте ранее служил Виктор Биринский, выпускник ВММА 1945 года. Мы с ним близко познакомились еще во время десятидневного совместного путешествия на поезде во Владивосток. Мы случайно встретились в Москве в очереди за билетами на Ярославском вокзале. За болтовней и анекдотами время поездки пролетело быстро. Затем я пару дней жил во Владивостоке у Виктора. Новый год мы встречали у меня в авиагородке. Было приятное общество. Уже спустя много лет, когда я женился, оказалось, что мы родственники по линии моей жены Майи, которой Виктор приходится троюродным братом.

Однако военная служба Виктора на Тихоокеанском флоте довольно быстро закончилась. Он имел неосторожность в присутствии сотрудников лаборатории похвалить новый импортный (кажется, немецкий) оптический прибор, сказав, что это настоящая вещь и сразу видно, что сделано за границей. Этого было достаточно для того, чтобы его обвинили в космополитизме (в то время как раз набирала обороты кампания по борьбе с „безродными космополитами”), исключили из комсомола и уволили из рядов ВМФ в запас. Наши дружеские, теплые отношения с Виктором и его очаровательной женой Брианой продолжают и поныне. Он, как и я, много лет работал радиационным гигиенистом, защитил кандидатскую диссертацию, был главным радиологом Октябрьской железной дороги.

И так получилось, что после окончания курсов в январе 1950 года меня назначили на освободившееся место Виктора. Жить во Владивостоке было,

разумеется, лучше, чем, например, в бухте Святой Ольги или во многих других удаленных базах. Но это место оказалось для меня тоже несчастливым.

Весной 1950 года у нас в санитарно-эпидемиологической лаборатории (СЭЛ) составлялся график отпусков, в котором, даже не спросив моего желания, мне определили отпуск в том же месяце, причем отдыхать я был должен во Владивостоке. Я, естественно, возмутился и пошел за разъяснениями к начальнику СЭЛ подполковнику Б. Он мне заявил, что это вопрос решенный и что якобы имеется указание: выпускать в отпуск „в Европу” только раз в два года (в то время только дорога туда и обратно занимала более двадцати дней). Я продолжал настаивать и сказал, что вынужден буду обратиться с жалобой в вышестоящие инстанции. Я не представлял себе отпуска вдали от родного Ленинграда.

Это решило мою судьбу. Буквально через месяц я получил приказ о назначении врачом-гигиенистом в Порт-Артурскую военно-морскую базу (ВМБ). Забегая вперед, могу с уверенностью сказать, что три года, проведенные в Китае, были лучшими, наиболее интересными годами моей военной службы.

В Порт-Артуре

Мне повезло: хотели сделать как хуже, а получилось как лучше. В Порт-Артуре я встретил своих однокурсников – Виктора Усольцева, Ивана Перминова, Вадима Подобеда и других.

Судьба так распорядилась, что мы с В.И.Усольцевым соприкасались не только по службе в Порт-Артуре, но и затем по работе под одной крышей в Ленинградском институте радиационной гигиены. После Порт-Артурса он окончил адъюнктуру в ВММА, затем служил на Севере, участвовал в испытаниях атомного оружия на Новой Земле. Награжден орденом Мужества. С начала 60-х годов Виктор – доцент, затем заведующий кафедрой радиационной гигиены, доктор медицинских наук, профессор в Институте последипломного образования врачей в Ленинграде (кафедра

много лет размещалась в здании нашего института). Когда мы с Майей бываем в Петербурге, то встречаемся с Витей и его боевой подругой Валей.

Наш общий с Витей приятель и сослуживец по Порт-Артуру Иван Перминов также потом служил за рубежом, окончил адъюнктуру по нервным болезням, служил в Венгрии, а затем в Ленинградском окружном госпитале и специалистом окружной военно-врачебной комиссии. Он – собиратель курсантского фольклора, автор многих стихотворений.

Одно из стихотворений мы с Ваней Перминовым написали еще в Порт-Артуре. Дело в том, что начальник медицинской службы Порт-Артурской ВМБ полковник Б.Ф.Кабанов все время поручал нам с Ваней (он служил старшим офицером медицинского отдела) обобщать материалы и писать всевозможные отчеты и обзоры.

В канун Нового года мы с Ваней просидели несколько дней над отчетом по боевой медико-санитарной подготовке кораблей, частей и соединений Порт-Артурской ВМБ за 1950 год. Последнюю ночь перед завершением отчета нам не пришлось спать – надо было срочно его закончить.

И вот, когда уже под утро отчет был закончен, Ваня Перминов говорит мне:

– Ты знаешь, Аркадий, здесь не хватает красивой концовки, которую так любит наш начальник.

И я продиктовал:

– Вступая во вторую половину двадцатого века, личный состав медицинской службы кораблей, частей и соединений Порт-Артурской военно-морской базы, стоящей на страже государственных интересов Союза Советских Социалистических Республик на крайнем Юго-Востоке Азии, исполнен решимости... (и так далее по известному трафарету).

Эта концовка Б.Ф.Кабанову понравилась, он в своем экземпляре отчета подчеркнул ее красным карандашом и неоднократно использовал в своих выступлениях.

Потом Иван Перминов, которого вдруг потянуло на поэзию, предложил мне:

– Давай, Аркаша, сочиним стихи о нашей несладкой судьбе врачей, вынужденных много времени тратить на многочисленные отчеты, справки и т.п.

И мы сочинили:

*Тиха Артурская ты ночь
И ярки звезды там
Но мне сидеть уже не в мочь –
Заел отчетов хлам.*

*Приказ, отчеты, циркуляр,
Рабочая тетрадь...
Сто двадцать третий экземпляр
Нам надо написать.*

*Пол, стены, палец, потолок –
Вот верные друзья,
Но в голове уже заскок
И верить мне не нельзя.*

*Что наша жизнь? Игра, игра...
Пойду-ка лучше спать.
Ведь спать давно уже пора,
А завтра – вновь писать!*

*Таков удел нас, докторов –
Пиши, пока ты жив,
Пиши, пока еще здоров,
Пиши и не тужи!*

Надо сказать, что в то время, когда я служил в Порт-Артуре, отношения среди врачей и медицинского персонала как в СЭЛ, так и в военноморском госпитале были очень дружественными. Мы были горды, что служим интересам Родины в далеком зарубежье. Местное китайское население относилось к нам в те годы очень тепло.

Мне повезло и с начальством. Начальники СЭЛ – Аркадий Антонович Зеленкин, а впоследствии Семен Иванович Филатов, были образованными и интеллигентными людьми. Начальником медицинской службы военноморской базы был уже упомянутый Борис Федорович Кабанов, мать которого в течение многих лет работала старшей медсестрой в

Ленинградском (бывшем Николаевском) окружном военном госпитале, где служила врачом и моя мать. Это в немалой степени наложило отпечаток на наши отношения с Б.Ф.Кабановым: он, будучи старше меня почти на двадцать лет, относился ко мне по-отечески, что, впрочем, не мешало ему периодически давать мне и „втыки”.

Поскольку в гигиенических вопросах ни начальник СЭЛ (по специальности эпидемиолог), ни тем более начальник медслужбы базы (организатор медобеспечения флота) не были специалистами, то я оказался единственным специалистом-гигиенистом в Порт-Артурской ВМБ. Это воспитало во мне самостоятельность, ответственное отношение к порученному делу и, самое главное, обеспечивало мне „оперативный простор”. Начальство не вмешивалось в мою работу и всегда поддерживало при решении вопросов, требующих вмешательства командования военно-морской базы.

Совершенно уникальная ситуация сложилась с питанием китайских военнослужащих, которые проходили у нас в Порт-Артуре обучение подводному и легководолазному делу. Инструкторами у китайцев были наши офицеры и старшины. Необходимость такого обучения была вызвана предстоящей (в 1955-56 годах) передачей кораблей (в том числе и подводных), находящихся в Порт-Артурской ВМБ, китайскому командованию.

В связи с этим в одном соединении подводных лодок был создан двойной „комплект” матросов и офицеров: основной – наши матросы и офицеры, дублеры – китайские военнослужащие (в основном новобранцы, прибывшие из разных, преимущественно южных районов Китая). Питание основного состава и дублеров осуществлялась, как говорится, из общего котла.

Вскоре обнаружилось, что китайцы практически не едят черного хлеба (а у нас в морских пайках он составлял более половины общего количества хлеба), многих каш (за исключением рисовой), говядины, сливочного масла и некоторых других продуктов.

Китайцы – народ терпеливый. Но в условиях напряженной учебно-боевой подготовки (днем они сдавали зачеты по легководолазному делу, а

по ночам упорно учили русский язык) пищи им стало явно нехватать. Как впоследствии я определил в нашей лаборатории, на их тарелках оставалось несъеденной около трети общей калорийности рациона. Жалоба докатилась до Москвы. И пришло распоряжение – срочно расследовать ситуацию и принять меры для ее нормализации.

И вот я оказался в составе комиссии „по расследованию”. Мы получили разрешение на посещение китайского военно-морского училища в Дальнем (где, кстати, основная часть преподавателей были советскими морскими офицерами) для ознакомления с питанием китайских курсантов и офицеров. Мы познакомились с рационом и приготовлением пищи для курсантов. А они существенно отличались от наших.

И мы начали действовать. Во-первых, воспользовались так называемой таблицей замен, которая применялась при отсутствии тех или иных продуктов. Пользуясь этой таблицей, можно, например, заменить крупу на шоколад (крупа заменялась мукой, мука – сахаром, сахар – шоколадом). Мы заменили в питании китайских военнослужащих черный хлеб на белый (в виде изготавливаемых непосредственно на камбузе так называемых „пампушек”), гречку и другие крупы на рис, говяжье мясо на свинину, часть сливочного масла на растительное, часть картофеля – на капусту. Во-вторых, для приготовления пищи китайским дублерам было установлено отдельное оборудование и выделены коки из их числа.

Результаты превзошли все ожидания. В мисках несъеденным уже ничего не оставалось. Люди прибавили в весе. Улучшились показатели состава крови. Повысились настроение, работоспособность. Жалобы прекратились. Задание командования было выполнено.

Я хорошо запомнил одну поучительную историю, происшедшую в Порт-Артуре с моим товарищем Володей М. Он служил в военно-морском госпитале на должности врача-диетолога. Раз или два в месяц его назначали дежурным врачом по госпиталю.

В одно из таких дежурств в госпиталь поступил больной с высокой температурой, жалобами на сильные боли в животе и понос. Володя предложил ему оправиться и, осмотрев стул, поставил диагноз (ни больше, ни меньше!) „холера?”.

Надо сказать, что эпидемиологическая обстановка в Китае в те годы была очень напряженная: в разных районах страны регистрировались локальные (эндемические) вспышки так называемых особо опасных инфекций – чумы и холеры. Постоянную настороженность вызывали сообщения о том, что с американских самолетов (в те годы шла война в Корее, находившейся от нас на расстоянии получаса полета) в различных районах Китая, в том числе и в пределах Квантунского полуострова, сбрасывали контейнеры с насекомыми, якобы зараженными особо опасными инфекциями.

Больной по распоряжению Володи М. был помещен в общую палату инфекционного отделения. В это время Володе позвонили, что пора снимать пробу обеда. И он в том же халате, в котором осматривал больного, пошел на госпитальный камбуз. Закончив это занятие, он вышел во двор и, увидев начмеда госпиталя, решил ему доложить об инциденте. Однако тому уже доложили, и он, увидев дежурного врача, ускорил шаги с переходом на бег рысцей. Володя было бросился за ним, но потом, догадавшись, почему начмед от него убегает, понуро пошел в приемный покой.

В госпитале был „сыгран” карантин. Все, находившиеся в приемном покое, в том числе два товарища Володи, пришедшие просто поболтать, были заперты на замок. У дверей был выставлен часовой. Карантин объявили и в инфекционном отделении. Каждое утро начальник госпиталя полковник В. звонил по местному телефону и просил доложить как дела. Володя бодро докладывал, что самочувствие людей нормальное, настроение бодрое. Однако для профилактики необходим чистый спирт и денатурат. Спиртом их ежедневно обеспечивали. Пищу давали через окно. Надо ли говорить, что Володя М. и его товарищи хорошо повеселились. Для защиты от инфекции начальства, контактировавшего с ними только по телефону, они обмотали телефонную трубку марлей, смоченной в дезрастворе...

Так продолжалось всю неделю, пока не был получен отрицательный лабораторный анализ, показавший отсутствие у больного холерного вибриона.

Когда Володю и его товарищей освободили, он устроил по этому поводу небольшой „чифан” (по-китайски – „междусобойчик”). После четвертой или пятой рюмки Володя заплетающимся голосом произнес, что обязуется в ближайшее дежурство сыграть в госпитале также и чуму, но при условии, что количество спирта, отпускаемого для дезинфекции, не будет уменьшено. Все посмеялись и разошлись.

На следующее утро начмед госпиталя вызвал Володю к себе „на ковер”. Он долго распинал его за неправильно поставленный диагноз холеры и последовавшие неправильные действия (в случае, если бы диагноз подтвердился). Начмед говорил долго. Володя, у которого после почти недельного ежедневного употребления спиртного в больших дозах сильно болела голова, понуро слушал. Наконец, когда начмед стал выдыхаться, он спросил Володю, не кажется ли ему, что он „оторвался от клиники”. Володя грустно повторил:

– Так точно, кажется.

– Ну и что же Вы по этому поводу думаете? – спросил начмед.

– Товарищ подполковник, я по этому поводу долго и упорно думаю.

– Интересно, к каким же выводам Вы пришли в результате этих раздумий.

– Я готов, товарищ подполковник, взять и вести в терапевтическом отделении двух больных, но к исходу следующего года я обязуюсь довести число таких больных до трех.

И он действительно (при средней загрузке на врача по 20-25 больных) начал вести в терапевтическом отделении двух больных.

На фоне повышенной эпидемиологической настороженности в Порт-Артуре произошел и другой случай.

Однажды, когда я был дежурным офицером по медицинскому отделу военно-морской базы, мне позвонил фельдшер одной береговой артиллерийской батареи и сообщил, что на снегу (!) обнаружено большое скопление мух. (Зима на Квантунском полуострове довольно теплая, морозов и снега практически не бывает. Но в ту зиму накануне выпал снег.)

Только я положил трубку, как раздался еще один звонок. На этот раз звонил старший врач авиационной части с аналогичным сообщением. Затем последовало распоряжение оперативного дежурного по штабу военно-морской базы: „Срочно выслать эпидотряд для выяснения обстановки и о принятых мерах доложить”.

На случай подобных ситуаций у нас был сформирован нештатный эпидотряд. Когда я показал телефонограмму начальнику отделения особо опасных инфекций (он же начальник нештатного эпидотряда) Михаилу Григорьевичу Пажитневу, он спросил меня, давно ли я эту телефонограмму принял. Я сказал, что 20 минут назад.

– В таком случае, – сказал М.Г.Пажитнев, – у меня в резерве есть еще 1 час 40 минут. Я пошел обедать.

(На сборы отряда по инструкции отводилось 2 часа, а на такой случай ящики с бактериологической аппаратурой и материалами уже находились в готовом опечатанном виде.)

Когда поздно вечером М.Г.Пажитнев возвратился, я спросил у него как дела. Он сказал, что первым делом распорядился снять оцепление с участка аэродрома и выловить мух. Он вытащил из кармана две пробирки, набитые выловленными мухами. На мой вопрос, возможна ли в данном случае американская диверсия, он рассмеялся и сказал, что это самые нормальные мухи и никакой инфекции, по его мнению, они не содержат.

– Но на всякий случай, чтобы начальство „не мандражило”, – сказал М.Г.Пажитнев, – пойду и посею этих мух на чуму и холеру.

На следующее утро, когда я сдавал дежурство, он предложил мне съездить с ним в город Дальний. (Дальний, по-китайски Далянь – город с полуторамиллионным в то время населением и один из крупнейших морских портов Китая.) Мы поехали на трофейном „Шевроле” еще довоенного (1938 года) выпуска. Эта старая, видавшая виды машина, еще каким-то чудом ездил благодаря стараниям пожилого шофера-китайца. (Когда его заменили на молодого шофера-матроса, машина ездить перестала.) Примерно на полпути М.Г.Пажитнев остановил машину, вытащил из багажника фанерный ящичек, саперную лопатку и начал собирать навоз. Когда приехали в Дальний, мы первым делом посетили

китайский бактериологический институт, что-то вроде нашего Пастеровского. После выдворения японцев с Квантунского полуострова осенью 1945 года он был организован на месте печально известного „отряда №732”, в котором японцы вели разработки бактериологического оружия.

В научной библиотеке института с помощью японца-переводчика мы стали просматривать японские труды по энтомологии Квантунского полуострова. В одном из этих томов, посвященном изучению мух, нашли то, что искали. Там было написано, что в отдельные годы (примерно раз в 5-7 лет) в связи с поздним наступлением зимних холодов обнаруживались (даже на снегу!) поздние генерации обычных мух. Это место мы выписали.

Исследование выловленных мух на наличие возбудителей чумы и холеры дало отрицательные результаты. А спустя некоторое время (кажется, через три недели) из яиц, которые мухи часто откладывают в навозе, М.Г.Пажитнев вывел точно таких же мух, каких он выловил на снегу. Таким образом, было доказано, что никакого сброса зараженных мух с американского самолета не было.

Однако все время, пока эти исследования не были завершены, М.Г.Пажитнев на запросы вышестоящих инстанций из Владивостока и Москвы, докладывал, что ситуация напряженная. Именно в эти дни были выделены дополнительные штаты сотрудников в отделение особо опасных инфекций, а китайские власти предоставили для этого отделения двухэтажное каменное здание с круглосуточной охраной.

Несмотря на благополучное разрешение этой непростой, на первый взгляд, ситуации местные китайские власти (мэрия города Порт-Артура) издали специальное распоряжение. Согласно нему все граждане Порт-Артура должны выполнять свой „гражданский долг” – отлавливать и сдавать на бактериологическое исследование в отделение М.Г.Пажитнева мух. И вот в жаркий летний день при температуре воздуха выше 35°С можно было видеть пожилых китайцев, которые, сидя на корточках на асфальте, сачком отлавливали мух, наполняли ими стоящие рядом две бутылки, и, закончив этот многочасовой изнурительный труд, сдавали эти бутылки в отделение особо опасных инфекций. Там они получали по два

специальных жетона и предъявляли их в мэрию: „гражданский долг” выполнен!

Мухи были далеко не единственными видами насекомых, с которыми нам, сотрудникам санитарно-эпидемиологической лаборатории, приходилось вести постоянную борьбу. Еще больше хлопот доставляли комары, которые на Дальнем Востоке, как известно, могут быть переносчиками осеннего или японского энцефалита. Это очень опасное заболевание с высокой смертностью, а у выживших – с тяжелыми последствиями для центральной нервной системы.

К моменту начала моей службы в Порт-Артуре (1950 год) случаи заболеваний японским энцефалитом среди военнослужащих стали очень редкими благодаря большой работе по ликвидации комаров в местах их выноса (крупные и мелкие стоячие водоемы) и 100%-ной вакцинации личного состава кораблей и частей военно-морской базы. Все военнослужащие спали под специальными противокмаринными пологами. В „коктейль” ежегодных прививок, помимо прививок против чумы, холеры и желудочно-кишечных инфекций, входила также вакцинация против энцефалита.

Немалое негативное влияние как на сопротивляемость организма инфекциям, так и на общее состояние здоровья и работоспособность оказывала изнуряющая летняя жара (до 35-40°C), особенно плохо переносимая в связи с почти 100%-ной влажностью воздуха. Как шутили, у нас в Порт-Артуре цветет все, вплоть до чемоданов.

Я как гигиенист доложил свои предложения по этому вопросу полковнику Б.Ф.Кабанову. Он поддержал их, и мы подготовили проект приказа, который подписал командир Порт-Артурской военно-морской базы контр-адмирал Н.Луцкий (впоследствии он служил начальником специального ядерного полигона на Новой Земле). Согласно приказу, в жаркие дни личному составу на корабле или на территории части разрешалось находиться в облегченной одежде: вместо бескозырки – белый чехол от нее со звездочкой, в тельняшке (а в особо жаркие дни – по пояс голыми), трусы, а вместо ботинок – сандалеты с деревянной подошвой, сделанные самими же матросами из подручных материалов.

Только спустя несколько лет ношение облегченного (летнего) обмундирования в жаркие дни было разрешено в ряде южных военных округов и на Черноморском флоте.

Эшелон идет на запад

В феврале 1951 года я получил сообщение из Владивостока, что мой доклад на научно-практическую конференцию санэпидслужбы Тихоокеанского флота во Владивостоке принят и включен в программу конференции. Я стал собираться в дорогу.

Буквально за несколько дней до отъезда меня вызвал Б.Ф.Кабанов и предложил „попутно сопровождать” до Владивостока воинский эшелон (демобилизованных матросов, старшин и солдат, призванных на службу еще в 1944 году).

Приказ есть приказ. Мне дали выбрать вагон-медчасть в центре эшелона, выделили санинструктора. По приезде во Владивосток выяснилось, что сопровождать эшелон мне и другим офицерам и матросам, назначенным для этого, придется не до Владивостока, а до конечного пункта – до Харькова. Нам выдали во Владивостоке новые командировочные предписания. Я пытался в Медицинском управлении флота найти замену, ссылаясь на участие в конференции. Однако мои доводы не были услышаны...

Дорога от Порт-Артура до Харькова (15 тысяч километров) заняла 25 суток. Во-первых, на китайско-советской границе мы попали в карантин в связи с имевшими место по соседству случаями чумы. А, во-вторых, поскольку наш эшелон никакого специального литеры не имел, то и двигался он со скоростью обычного товарного поезда. Выехали мы зимой, а приехали на Украину, когда началась уже весна.

Не обошлось без происшествия. Матрос-кладовщик (из числа сопровождающих), „общаясь” на последней тормозной площадке с женщиной-кондуктором, заразился от нее гонорреей. Пришлось его ссаживать с поезда и отправлять в военный госпиталь. Ближайший такой госпиталь на пути нашего следования оказался на станции Сковородино (это Восточная Сибирь).

Эшелон прибыл на эту станцию где-то около четырех часов утра. Было еще темно. Я оформлял документы в медпункте станции. Осталось где-то поставить еще подпись. Светало. Я вышел на платформу. И тут один железнодорожник мне говорит, показывая на трогаящийся товарный состав:

– Товарищ капитан! А Ваш эшелон уже уходит.

Я схватил свою красную папку с копиями документов и, не дожидаясь последней подписи, бросился догонять поезд. Бежать по шпалам оказалось совсем не легко. Вначале расстояние до последнего вагона вроде стало сокращаться, но потом постепенно все более увеличиваться. Я понял, что поезд не догнать и, понуриив голову, пошел в обратном направлении.

Вдруг я услышал за спиной резкий скрип тормозов, повернулся и увидел, что поезд останавливается. Я бросился снова вперед и вскочил в один из вагонов. Поезд тронулся и мы поехали дальше.

Из разговора с матросом (заменившем заболевшего заведующего продскладом) и кондукторшей я узнал, что между ними состоялась перепалка. Матрос узнал меня в бегущем офицере („это наш доктор”) и потребовал остановить поезд. Кондукторша же ссылаясь на действовавшую тогда инструкцию МПС еще военного времени, отказалась это делать. Схватка окончилась тем, что матрос сам сорвал стоп-кран.

Эта поездка мне запомнилась еще и тем, что будучи уже в Харькове я с разрешения начальника эшелона сумел три недели побывать в Ленинграде

(срок командировки это разрешал). Возвращался же я самолетом, чем сэкономил почти полторы недели пути.

Схватка с интендантами

Очень непростыми сложились мои отношения со службой тыла, обеспечивающей питание личного состава кораблей и частей базы. Приведу два примера.

Хлеб для матросов и солдат выпекался в то время на военном хлебозаводе. По своему качеству он был неплохой, если бы не амбарные вредители. Зараженность ими муки и зерновых на продовольственных складах была в то время, мягко выражаясь, „приличная”. Размножению вредителей способствовал жаркий и в то же время влажный климат. Помню, что атласа амбарных вредителей, который имелся в СЭЛ, нехватало для идентификации многих видов вредителей: в муке и крупах мы находили все, начиная от мавританской козявки и кончая суринамским мукоедом.

И вот однажды вызывает меня Б.Ф.Кабанов. Оказывается, что в куске хлеба, который во время обеда в ресторане Дома офицеров, был подан члену Военного совета флота, начальнику Политуправления флота генерал-майору З., оказался запеченным жирный червяк (личинка амбарного вредителя). Б.Ф.Кабанова вызвал командир Порт-Артурской ВМБ контр-адмирал Н.Луцкий, но Б.Ф.Кабанов взял с собой и меня – очевидно, как „мальчика для бития”. Когда Б.Ф.Кабанов доложил, что вот это тот самый врач-гигиенист, который контролирует военный хлебозавод, контр-адмирал чуть ли не с матом набросился на меня. Стараясь оставаться внешне спокойным, я выслушал его гневную тираду. Когда он закончил, я попросил разрешения доложить по существу вопроса. Я показал ему акты проверки хлебозавода, составленные мною за месяц и за пару недель до этого. В первом акте отмечалась необходимость тщательного просеивания и провеивания муки перед изготовлением теста.

Во втором акте было обращено внимание начальника хлебозавода на невыполнение предыдущего предписания. После этого контр-адмирал продиктовал Б.Ф.Кабанову приказ по военно-морской базе, в котором начальник хлебозавода получил пять суток ареста, начальник продотдела базы был предупрежден о неполном служебном соответствии, а начальник тыла получил выговор.

Второй конфликт с интендантами-продовольственниками имел куда более серьезные последствия и для них и, как ни странно, для меня. После исследования у меня в гигиеническом отделении СЭЛ были признаны не годными для питания личного состава образцы мяскопченостей. Они предназначались для спецпайков подводников, катерников и летчиков.

И вот примерно через две недели после нашего запрещения возникла большая вспышка пищевой токсикоинфекции среди солдат зенитной части, входившей в состав ВМБ. При расследовании этого ЧП я обнаружил на продовольственном складе части те самые мяскопчености, которые были ранее мною забракованы, причем они уже частично были выданы солдатам. Когда я доложил Б.Ф.Кабанову, тот распорядился немедленно подготовить документы для передачи этого дела в военную прокуратуру. Прокурором военно-морской базы в то время был генерал-майор юстиции Ч. До этого он служил прокурором Ленинградского военного округа, но после печально известного „Попковского дела” с большим понижением (на подполковничью должность) был отправлен к нам. Ч. принял это дело к расследованию, в итоге которого многие интенданты – начиная от начальника продовольственного склада и кончая начальником тыла базы – получили строгие административные наказания, а также денежные начеты на возмещение стоимости испорченного продукта.

После этого эпизода мои и так непростые отношения с интендантами накалились до предела. Начальник тыла базы полковник К. требовал от Б.Ф.Кабанова отстранить меня от занимаемой должности, так как я якобы „терроризирую работу органов тыла”. Б.Ф.Кабанов наотрез отказался выполнить это требование.

Однако вскоре возникла более чем удобная ситуация, в частности и для сведения счетов со мной. 13 января 1953 года во всех центральных газетах

было опубликовано печально известное сообщение о „врачах-вредителях”. И вот где-то в конце января в Порт-Артур приходит телеграмма с предписанием откомандировать меня во Владивосток, в распоряжение Медицинского управления флота „для назначения на должность на территории Союза ССР”. Когда Б.Ф.Кабанов показал мне эту телеграмму, я спросил его, что бы это значило. Он высказал предположение, что не иначе, как меня забирают на повышение. (Для такой версии имелись основания: неоднократно проверками отмечался высокий уровень санитарно-гигиенического обеспечения личного состава нашей ВМБ.)

У меня же на душе было тревожно. Пытаясь меня успокоить, мой товарищ, врач-гинеколог Соломон Наймагон, сам родом из Симферополя, провожая меня на поезд в Дальнем, сказал:

–Не волнуйся, Аркаша: все дороги ведут в Крым.

Его слова оказались пророческими. Я, действительно, получил назначение в СЭЛ, ближайшее вышестоящее командование которой размещалось в деревне Крым Приморского края – бывшем месте ссылки крымских татар. Ко времени описываемых событий от них остались только уже успевшие одичать виноградники.

Снова в Приморье

Во Владивостоке, в Медицинском управлении флота мне сообщили о моем новом назначении. Я попытался поговорить с начальником медслужбы флота генерал-майором С. Спросил его, за какие грехи меня переводят. Ведь служил я верой и правдой. На это С. мне заявил, что это якобы вовсе не наказание, а „плановый перевод на эквивалентную должность”.

Тогда я пошел в отдел кадров Медуправления флота, где заместителем начальника в то время служил мой однокурсник Юрий Токарев, и тоже попытался выяснить у него истинную причину моего неожиданного перевода. Он внимательно посмотрел на меня и поинтересовался, нет ли у меня „Краткого курса истории ВКП(б)”. Я ответил ему, что мне сейчас совсем не до шуток. Юрий Токарев мне заметил, что это совсем не шутка, и сказал, чтобы я взял эту книгу в библиотеке госпиталя. Затем на листке

бумаги и, что меня особенно поразило, по памяти он написал на нем: „Страница такая-то, третий абзац сверху. Страница такая-то, первый абзац снизу”. Я взял „Краткий курс истории ВКП(б)” и прочитал эти абзацы.

Первый абзац относился к главе „Первая русская революция 1905 года”. В нем говорилось, что после поражения России в русско-японской войне в стране с широким размахом прошли волнения среди рабочих и крестьян, недовольных царским самодержавием. В этих условиях партия большевиков приняла „единственно правильное решение: возглавить недовольные народные массы для решительного штурма самодержавия”.

Второй из указанных в записке абзацев относился к главе „Столыпинская реакция”. В нем было написано, что после разгрома первой русской революции в стране господствовала реакция, закрывались прогрессивные объединения и издания, прокатилась волна арестов и ссылок. В этих условиях, указывалось в „Кратком курсе”, партия большевиков „была вынуждена уйти в кусты, чтобы сохранить свои кадры от разгрома”.

На следующий день я снова пришел к Юрию Токареву.

– Читал? – спросил он меня.

– Читал. – ответил я.

– Аркадий, ситуация разворачивается по варианту № 2. Я тебе сейчас ничем не могу помочь. Поезжай на место назначения, послужи там полтора-два года. А потом я постараюсь тебе помочь. (Он действительно поспособствовал мне.)

Ю.Н.Токарев служил в дальнейшем в одной из африканских стран, он стал крупным ученым-гематологом, профессором, заместителем директора по научной работе Всесоюзного НИИ гематологии и переливания крови в Москве.

Попав в места „не столь отдаленные”, я стал думать, как улучшить ситуацию. Дело в том, что старый начальник СЭЛ был переведен на другое место службы, а новый начальник, находившийся на учебе на каких-то курсах, еще не прибыл. Я много ездил по частям, санитарно-эпидемиологическое обслуживание которых осуществляла наша СЭЛ.

В одном из гарнизонов я узнал, что располагавшаяся там авиационная часть была в основном (за исключением одного подразделения) передислоцирована. Освободились приличный каменный дом, вполне пригодный для размещения нашей СЭЛ, а также несколько квартир в домах для офицерского состава. С другой стороны, я убедился, что, наша СЭЛ очень удалена от большинства обслуживаемых частей. К тому же дороги в этом районе представляли собой довольно жалкое зрелище.

Итак, план созрел. Я подготовил подробное обоснование предлагаемой передислокации, схему обслуживания частей, отнесенных к нашей юрисдикции, и, подписавшись „И.о. начальника СЭЛ”, отправил первый экземпляр моих предложений начальнику штаба Тихоокеанского флота, а второй – начальнику Медицинского управления.

И вот спустя пару месяцев (к этому времени новый начальник СЭЛ уже приступил к работе) пришла директива начальника штаба ТОФ о передислокации нашей СЭЛ в деревню, находившуюся на перекресте железнодорожных и шоссейных дорог в центре района нашего обслуживания и притом значительно ближе к Владивостоку.

Как я пробивался на факультет специализации

В 1954 году исполнилось уже шесть лет моей службы на Тихоокеанском флоте. Служа в Порт-Артуре, я дважды пытался поступить в адъюнктуру на кафедру общей гигиены ВММА, где в течение двух лет, будучи еще курсантом, выполнил и опубликовал две свои первые научные работы. Я знаю, что тогдашний начальник кафедры профессор В.А.Яковенко ходил с ходатайством обо мне к начальнику академии. Однако ни разу я так и не получил даже приглашения для сдачи конкурсных экзаменов.

В подобной ситуации оказался не только я, но и два моих товарища по учебе в академии, которые также не получили никакого ответа на заявления о поступлении в адъюнктуру. Евреев в адъюнктуру в те годы

практически не брали. Несколько легче было попасть на факультет специализации академии, куда не надо было сдавать конкурсные экзамены.

Итак, спустя шесть лет службы на флоте я подал „по команде” рапорт с необходимыми документами с просьбой о поступлении на двухгодичный факультет специализации по военно-морской гигиене. Спустя какое-то время я получил из отдела медицинских кадров ВМФ короткий ответ. Сообщалось, что мне отказано „в порядке отбора при наличии равноценных кандидатов”. Утвержденным кандидатом от ТОФ оказался майор К., с которым мы в свое время занимались на Курсах офицерского состава медицинской службы во Владивостоке. Вскоре я узнал, что в связи с пристрастием к спиртным напиткам и устроенным дебошем ходатайство флота о нем из Москвы было отозвано. Таким образом, содержащееся в ответе кадровиков утверждение об отказе мне „в порядке отбора при наличии равноценных кандидатов” теряло смысл: других „равноценных кандидатов” не оказалось.

Ссылаясь на это обстоятельство, я просил начальника медицинской службы ТОФ генерал-майора С., чтобы он подтвердил свое ходатайство в отношении меня. Он отказался это сделать, добавив, что все мои документы находятся в Москве и, „если они захотят, то решат этот вопрос без дополнительного ходатайства”. В Медицинском управлении флота я встретил Аркадия Антоновича Зеленкина, моего бывшего начальника СЭЛ в Порт-Артуре. Он предложил мне вместо факультета поехать в академию на пятимесячные курсы. Я, естественно, отказался, не без основания полагая, что после этих курсов уже не смогу в течение ряда лет подавать на факультет. Однако А.А.Зеленкин записал меня карандашом (на „всякий случай”).

И вскоре пришел приказ командования флота о зачислении меня на эти курсы. Приказы не обсуждаются – пришлось ехать.

И тут мне пришла одна, как говорил О.Бендер, „животворная дебютная идея”. Я не поехал поездом, а взяв с собой только один чемодан, полетел в Москву самолетом. Там явился в отдел кадров при начальнике медслужбы ВМФ. Меня принял начальник этого отдела, тот самый полковник, который распределил меня на ТОФ. Разговора не получилось. Он в категорической форме сказал, что факультет якобы уже укомплектован и свободных мест нет.

Я приехал в Ленинград и пришел к тогдашнему заместителю начальника кафедры военно-морской гигиены профессору Николаю Ивановичу Боброву. Он сообщил мне, что обе вакансии, выделенные для Тихоокеанского флота на факультет по специальности военно-морской гигиены, свободны: никто с ТОФа не прибыл. Н.И.Бобров посоветовал мне снова ехать в Москву, добавив, что я „парень пробивной” и он верит в удачу.

Я снова поехал в Москву. У меня созрел план. Я подготовил несколько идентичных рапортов на имя разных начальников (вплоть до министра обороны СССР) с просьбой о зачислении меня на факультет, в которых указывал на наличие вакансий и имеющееся ходатайство флота о моем зачислении.

Свои „хождения по мукам” я начал с приемной Главкома ВМФ. Начальник его канцелярии полковник Р. спросил меня о цели визита. Услышав мой ответ, он сказал, что по этому вопросу он советует мне обратиться к кадровикам. Я пояснил, что там уже был и со мной по существу не захотели даже разговаривать, и добавил, что хочу поговорить с адмиралом Н.Г.Кузнецовым не как с главкомом ВМФ, а как с моим депутатом в Верховный Совет РСФСР.

– Где и когда Вы его выбирали? – спросил начальник приемной.

– В специальном Порт-Артурском избирательном округе в 1951 году, когда он был командующим Тихоокеанским флотом, – ответил я.

(Хорошо помню встречу с Н.Г.Кузнецовым в Матросском клубе. Н.Г.Кузнецов в заключение своего выступления сказал:

– Будете или не будете выбирать меня в Верховный Совет – это Ваше дело, Однако я как командующий флотом требовал, требую и буду требовать дисциплину и порядок на флоте.)

– Но Ваш вопрос адмирал Н.Г.Кузнецов не может решить как депутат, – продолжал начальник приемной. – Он может решить его только как главком ВМФ.

– Мне безразлично, товарищ полковник, каким образом будет решаться вопрос о моей учебе на факультете, но важно, чтобы он был положительно решен.

– Я все же советую Вам, товарищ Либерман, еще раз зайти в отдел медицинских кадров, – сказал полковник.

Он тут же позвонил в отдел кадров, сказал, что звонит от адмирала Н.Г.Кузнецова и просит разобраться с вопросом об учебе капитана медицинской службы Либермана, который сейчас находится в приемной, и результат сообщить для доклада Главкому ВМФ.

Я поехал снова в отдел кадров. Начальник отдела встретил меня на сей раз более учтиво и, глядя на меня так, как-будто видит в первый раз, спросил, по какому вопросу я пришел. Я начал было ему отвечать, но в это время зазвонил телефон.

– Да, да, товарищ генерал, через два часа я буду у Вас.

Из разговора я понял, что звонил генерал-лейтенант Валентин Иванович Кудинов, тогдашний начальник Медицинского управления ВМФ. Я порылся в своей папке и достал рапорт на имя В.И.Кудинова.

– Поскольку, как я понял, товарищ полковник, у Вас состоится встреча с генералом Кудиновым, я попрошу передать ему вот этот мой рапорт.

Кадровик одел очки и углубился в чтение рапорта.

– А почему выражение, что Вам „отказано в порядке отбора при наличии равноценных кандидатов”, Вы взяли в кавычки?

– По двум причинам. Во-первых, это Ваше собственное выражение, содержавшееся в Вашем письме мне от такого-то числа за номером таким-то. А собственные выражения, т.е. цитаты, согласно правилам пунктуации, берутся в кавычки...

Тут он прервал меня:

– Дайте-ка мне это письмо.

Я, не выпуская письма из рук, говорю:

– К сожалению, это письмо я отдать Вам не могу. Оно мне может пригодиться. А, во-вторых, – продолжал я, – это Ваше выражение я взял в кавычки еще и потому, что Ваши последующие действия, товарищ полковник, шли как раз в прямо противоположном направлении тому, что Вы написали. Поскольку майор К. был выведен из числа кандидатов на факультет с ТОФа, то я как „равноценный кандидат” должен был занять его место. Но этого, увы, почему-то не произошло.

– И как это Вы набрались такой (он, наверно, хотел сказать „наглости”, но сказал помягче) смелости – пойти на прием прямо к самому главнокомандующему ВМФ?

– А у меня, товарищ полковник, другого выхода не оставалось. Ведь в прошлый раз, три дня назад, Вы не захотели даже разговаривать со мной. Адмирал Н.Г.Кузнецов является моим депутатом в Верховный Совет, и я вынужден искать у него поддержки.

– Ну вот что, товарищ Либерман. Факультет в основном укомплектован. На случай недоукомплектования у нас уже есть четыре кандидата. Вы будете пятым.

– Не знаю, товарищ полковник, что за кандидаты у Вас имеются и откуда они появились. Но я знаю точно, что с ТОФа на две вакансии по военно-морской гигиене остался только один кандидат – это я. Все необходимые документы с ходатайством флота находятся у Вас. Таким образом, я имею все основания считать себя первым кандидатом.

– Не слишком ли много Вы на себя берете?

– Никак нет! Ровно столько, сколько мне положено.

– Ну вот что, товарищ Либерман, доукомплектование факультета будет проведено позже – примерно через 3-4 недели. Куда Вам сообщить?

(Естественно, я не мог сказать ему, что в это время буду в академии на курсах. Туда я был назначен приказом командующего Тихоокеанским флотом, а не распоряжением из Москвы. Поэтому этот приказ мог быть и не получен к этому времени в московском отделе кадров. Если бы я сказал,

что учусь на курсах, то он, кадровик, с радостью бы ответил, что с меня пока достаточно и этих курсов.)

– Единственным законным решением данного вопроса, на мой взгляд, является приказ о зачислении меня слушателем факультета специализации. Когда такой приказ будет подписан, он найдет меня в любом месте, где бы в тот момент я не находился. А если такого приказа, товарищ полковник, не будет, то мы с Вами по-видимому, напрасно теряем время.

На этом мы сухо распрощались.

Однако меня беспокоила мысль, что кадровики постараются „замотать” мой вопрос. Уж очень не любят они жалоб на них в вышестоящие органы.

Поэтому на следующий день, предварительно переговорив по телефону, я направился к Главному эпидемиологу Министерства обороны полковнику Якову Александровичу Комарову. Я слышал, что он не только известный эпидемиолог, но и доброжелательный, чуткий человек. В те времена Главный эпидемиолог Министерства обороны курировал деятельность не только эпидемиологов, но и гигиенистов, а также других специалистов, входивших в состав санитарно-эпидемиологической службы армии и флота.

Я.А.Комаров принял меня в Главном военно-медицинском управлении. Он очень внимательно меня выслушал. Я передал ему рапорт на имя начальника Главного военно-медицинского управления. В конце беседы полковник сказал, что постарается мне помочь, и порекомендовал зайти еще во вновь сформированный в ГВМУ отдел военно-морской гигиены.

Сидевшие там два подполковника слушали меня не очень внимательно и в заключение пробормотали что-то невнятное.

Тогда я снова зашел к Я.А.Комарову и высказал свои сомнения в отношении кадровиков („засунут мое дело под сукно”).

– Не беспокойтесь, товарищ Либерман, Ваш вопрос я беру под свой личный контроль. Поезжайте пока на курсы и сообщите мне, когда узнаете что-либо новое.

Я вернулся в Ленинград. Наступило 1 октября 1954 года – первый день занятий как на курсах, на которые меня послали, так и на факультете

специализации. Причем занятия обеих групп слушателей проводились параллельно на одной и той же кафедре.

Я написал письмо Я.А.Комарову и сообщил ему, что ситуация не изменилась: по-прежнему на факультете два места вакантны. В ответном письме он поблагодарил за информацию и сообщил, что звонил кадровикам и, действительно, ходатайство флота вместе с необходимыми документами находятся у них. Далее он подтвердил, что вопрос о доукомплектовании факультета будет решаться позднее.

Прошел октябрь и затем ноябрьские праздники. Я каждую неделю ходил в отдел кадров академии, но приказа в отношении меня все не было.

Тогда я снова написал письмо Я.А.Комарову и вскоре получил ответ:

„Товарищ Либерман! Вопрос о зачислении Вас слушателем факультета специализации по военно-морской гигиене решается положительно. Ждите приказа. Желаю Вам успеха в учебе.”

Действительно, через несколько дней меня вызвали в отдел кадров академии и дали расписаться в приказе о зачислении слушателем факультета. Это был, пожалуй, почти единственный в академии случай, когда слушателя курсов без возвращения его на флот перевели сразу на факультет.

Читателя, возможно, заинтересует вопрос, почему я проявил такую настойчивость в достижении поставленной цели – поступления на двухгодичный факультет. К тому было несколько причин. Во-первых, я считал совершенно несправедливым, то, как кадровики обошлись со мной: при наличии всех необходимых по их же условиям документов, в том числе ходатайства флота и, самое главное, – при наличии двух свободных вакансий, мне было отказано самым издевательским способом. Во-вторых, я, естественно, очень хотел поехать в Ленинград, где жили все мои родные, друзья, где только что родилась моя дочь Алла, и где есть возможность продолжить научно-исследовательскую работу (может быть, собрать материал для кандидатской диссертации). И, в третьих, после окончания пятимесячных курсов слушатели должны были служить на прежнем месте, а после окончания факультета слушатели переводились обычно на другой флот (с ТОФа чаще всего на Балтийский или Черноморский).

Терять мне, в общем, было нечего – намного дальше места, где я служил, не загонят. А ситуация в целом была благоприятная для поиска справедливости. Ведь это был уже 1954 год, дело „врачей-вредителей” после смерти И.В.Сталина в марте 1953 года с треском провалилось. И я, конечно, хотел использовать ситуацию для достижения поставленной цели. Это произошло не без содействия честных и порядочных людей, коим я безмерно благодарен.

Негативные проявления антисемитизма затронули, разумеется, не только меня, но и многих моих друзей и знакомых. Расскажу, например, как обошлись с моим другом-однокурсником по академии Гришей Чудновским. Гриша был со мной в одной учебной группе, вместе проходили корабельную медицинскую практику, вместе служили в Порт-Артуре. Он – последний ученик видного советского терапевта профессора М.Вовси, кстати, сидевшего в тюрьме в 1952-53 годах в качестве одного из главных „врачей-вредителей”. Под научным руководством профессора М.Вовси Гриша подготовил свою кандидатскую диссертацию. Затем, уже будучи заведующим лабораторией Института физиологии и генетики Сибирского отделения АМН СССР, Гриша защитил докторскую диссертацию и издал единственную в своем роде монографию по исследованию водно-солевого обмена у человека.

Он взял на работу на должность младшего научного сотрудника одного молодого человека. Знавшие его люди пытались отсоветовать Грише это делать, ссылаясь на негативные черты характера этого человека. Но Гриша их не послушался.

И вскоре разразилась крупная неприятность. Этот сотрудник накатал на своего завлаба „телегу”, обвиняя его, ни больше, ни меньше, в зажиме молодого таланта. Это, разумеется, не соответствовало действительности: Гриша, напротив, всячески стремился помочь, не давая этому сотруднику отвлекаться от темы диссертации.

По этому доносу приехал корреспондент „Известий”, который после ознакомления с обстоятельствами „дела” сказал Грише, что его вины он не видит, и обещал не публиковать статью. И тем не менее полгода спустя статья (целый „подвал” на полстраницы) в „Известиях” была

опубликована. В статье обличался доктор медицинских наук Григорий Соломонович Чудновский, „издевающийся над молодым русским ученым”. Несмотря на всю абсурдность этих обвинений, Гришу сняли с должности завлаба, саму лабораторию расформировали, а его оставили временно на должности и.о. старшего научного сотрудника. Это все вынудило Гришу с семьей (женой и сыном) эмигрировать в США. Осенью 1978 года он выступил в радиопрограмме „Голоса Америки”. Корреспондент спросил:

– Вы, Григорий Соломонович, в Америке всего полгода. Как Вам удалось за это короткое время сдать экзамен по английскому языку и экзамен на право заниматься врачебной деятельностью в США?

Гриша ответил:

– Мне посчастливилось учиться в Военно-морской медицинской академии. Это уникальное учебное заведение, где нам преподавали выдающиеся деятели медицины. И всем, чего достиг в жизни, я целиком обязан ВММА, которую окончил 30 лет тому назад.

Это интервью состоялось буквально за несколько дней до нашей юбилейной встречи. Поэтому мы расценили его как поздравление Гриши с нашим общим юбилеем.

Кандидатская диссертация

В 1954-1956 годах я занимался на двухгодичном факультете специализации академии по циклу военно-морской гигиены. К тому времени у меня были уже опубликованы три научные работы по этой специальности, две из которых были выполнены еще на третьем-четвертом курсах. Когда я обратился с просьбой дать мне тему для диссертации к тогдашнему начальнику кафедры, он попросил на размышление неделю. Через неделю он сказал мне:

– Я предлагаю Вам на выбор три темы. Первая тема – гигиеническая оценка тканей военного обмундирования с помощью эвпатеоскопа. (Эвпатеоскоп был предложен профессором еще в тридцатые годы как

аналог теплообмена человека через кожу. С тех пор этот прибор неоднократно подвергался критике в научной печати.)

– Вторая тема, – продолжал профессор, – влияние цементированья корабельных цистерн на качество и сохранность питьевой воды. (Впоследствии эту тему он поручил адъюнкту кафедры, моему однокурснику П.Н.Яговому, и тот защитил по ней кандидатскую диссертацию.) Третья тема – сравнительная оценка методов определения хлоридов в морской воде.

Ни одна из этих тем меня не заинтересовала. И я обратился с просьбой порекомендовать тему для диссертации к доценту кафедры военно-морской гигиены моему однокурснику и приятелю Николаю Ивановичу Матузову. Он сказал мне:

– Понимаешь, Аркадий, мы живем в атомном веке. Существует опасность войны с применением атомного оружия. Поэтому вопрос о сохранении качества и гигиенической полноценности пищевых продуктов и, в частности, содержания в них витамина С, имеет важное значение. Советую тебе заняться исследованием этого вопроса.

Именно Н.И.Матузов, как оказалось впоследствии, определил для меня радиационно-гигиеническое направление всех моих дальнейших научных исследований. Важно отметить, что радиационная гигиена как самостоятельная научная дисциплина в это время еще практически не существовала.

Я облучал на кобальтовой пушке (мощной гамма-установке) аскорбиновую кислоту в чистом виде, в виде водных растворов разной концентрации, а также С-витаминноактивный лимонный сок. Оказалось, что для разрушения на 50% аскорбиновой кислоты, содержащейся в лимонном соке, необходимо воздействие доз порядка 50 тысяч рад, т.е. таких доз, которые регистрируются только в зоне действия ядерной взрывной волны, когда от самих продуктовых складов, увы, уже ничего не останется.

Естественно, я был разочарован. Тем не менее, мне предложили доложить эту работу на научной конференции слушателей факультета.

На конференции председательствовал начальник кафедры биохимии профессор В.М.Васюточкин. Во время перерыва он подозвал меня:

– Товарищ Либерман. Меня заинтересовал Ваш доклад. Ведь Вы хотите иметь кандидатскую диссертацию. Так вот на этом материале Вы ее не получите.

И, видя мое огорчение, он продолжал:

– У меня для Вас есть кое-какие соображения по этому вопросу. Приходите завтра к 12 часам на кафедру, обсудим.

Когда я пришел на следующий день, он взял чистый лист бумаги и, как сейчас помню, пером „рондо” (он не признавал тогда авторучек) написал мне на одном листе бумаги план кандидатской диссертации под названием „Влияние витаминов В-комплекса на устойчивость организма к острому лучевому воздействию”.

На кафедре мне было выделено рабочее место (лабораторный стол), меня опекала заведующая кафедральной учебной лабораторией. Помогала мне лаборантка кафедры. Я определял в извлеченных органах животных (кошек) активность окислительно-восстановительных ферментов клеточного дыхания – сукцинатдегидрогеназы, цитохромоксидазы, а также содержание аскорбиновой кислоты. Кроме того, проводил исследование состава периферической крови.

По прошествии примерно четырех месяцев непрерывной работы (до трех часов дня я занимался на факультете, а с трех до девяти-десяти часов вечера проводил исследования на кафедре биохимии) я получил совершенно неожиданный отрицательный результат: у животных, которым в течение трех дней до облучения и трех-четырёх дней после облучения смертельной дозой рентгеновых лучей вводили в больших дозах витамины В-комплекса, все исследованные биохимические и гематологические показатели оказались даже несколько хуже, чем у контрольных (облученных, но не получавших витамины) животных.

Парадоксальный результат? Я взялся за изучение литературы и пришел к однозначному выводу, что различные сильные воздействия, которые стимулируют окислительные процессы и нервную систему, в сроки, приближенные к острому воздействию больших доз облучения, не только

не оказывают защитное действие, но, напротив, способны снизить радиоустойчивость организма.

Я решил обсудить создавшуюся ситуацию с шефом. Он меня даже не дослушал и со словами:

– Не может этого быть! Продолжайте, – выскочил из кабинета.

Я продолжил исследования и получил тот же отрицательный результат. К этому времени до окончания факультета оставалось всего три или четыре месяца, и надо было определяться, как быть дальше. Я уже тогда знал, что отрицательный результат в научных исследованиях – это тоже результат. Но для доказательства отрицательного результата требуются куда более обширные и длительные исследования, чем для подтверждения положительного эффекта. Однако в этом случае поставленная цель – экспериментально обосновать необходимость применения витаминов В-комплекса при острой лучевой болезни – естественно, оказалась бы под большим вопросом. А между тем возможность достигнуть благоприятного эффекта, по моему глубокому убеждению, имелась, если изменить сроки введения витаминов животным.

Тщательно подготовившись к очередной беседе, я пришел к В.М.Васюточкину. Кабинет у него был маленький. Приглашенный к письменному столу, я на всякий случай поставил стул у двери. И когда примерно на четвертой минуте разговора В.М.Васюточкин со словами:

– Не может этого быть, продолжайте! – вскочил с места и бросился к двери, я успел опередить его, загородив собою выход. Он удивился, побегал по кабинету и снова устремился к двери. Но я был непреклонен:

– Василий Михайлович, нам надо все подробно обсудить.

Он обреченно, как мне показалось, посмотрел на меня и сел. После этого наша беседа продолжалась еще минут сорок. В.М.Васюточкин согласился с моими предложениями – перейти на исследования с измененными сроками введения витаминов: вводить их за две-три недели до облучения и спустя две недели после облучения.

Исследования подтвердили правильность выбранного пути. В условиях такого профилактического и терапевтического введения витаминов В-комплекса было обнаружено их положительное (защитное) действие на

показатели клеточного дыхания и состав периферической крови облученных животных.

После получения этих результатов В.М.Васюточкин „дал команду” закончить экспериментальные исследования и приступить к написанию диссертации.

Работать приходилось очень много – нередко я засиживался до двух-трех часов ночи, а в последние дни – даже до утра. Надо отдать должное В.М.Васюточкину: несмотря на то, что я уже окончил факультет и вместе со званием майора медицинской службы получил новое назначение в Севастополь, он добился у командования предоставления мне дополнительного трехмесячного прикомандирования для завершения диссертации. В эти сжатые сроки я написал диссертацию и даже успешно прошел предзащиту на кафедре. Одним из рецензентов по моей диссертации был уже упоминавшийся ранее Федор Иванович Комаров. Были даже намечены официальные оппоненты. Один из них, профессор кафедры рентгенологии академии, просмотрев работу, осведомился у меня, не докторская ли это диссертация.

В общем, я был воодушевлен этим успехом: еще бы – за один календарный год провести все эксперименты, написать диссертацию и пройти предзащиту.

Однако радость моя оказалась преждевременной. Не знаю, под влиянием каких соображений, В.М.Васюточкин, когда он приехал в командировку в Севастополь, сказал мне, что работу следует все-таки продолжить, проведя на белых мышах дополнительные исследования при воздействии уже более низких, сублетальных доз и расширив число применяемых методик (в том числе применив определение устойчивости к физической нагрузке и выживаемости).

– Как же, Василий Михайлович, ведь я уже прошел предзащиту и получил Ваше „добро” на защиту? – спросил я.

Он ответил:

– Вы ведь иногородний (он, очевидно, хотел сказать „еврей”), а к иногородним требования особые.

Короче говоря, спустя полгода я доложил работу на заседании научного общества врачей Черноморского флота. (Кстати, секретарем этого общества был в те времена мой сослуживец, врач-радиолог нашей части Леонид Андреевич Ильин. В дальнейшем наши пути с Л.А.Ильиным снова сошлись в Ленинградском НИИ радиационной гигиены.) Научное общество ходатайствовало, и мне предоставили трехмесячное прикомандирование к академии для окончания диссертации.

За эти три месяца я успел полностью провести две дополнительные серии экспериментальных исследований на белых мышах и новый вариант диссертации снова представил для защиты в Ученый совет академии.

Прошло полгода, но никаких сообщений о сроке защиты я не получил и по телефону попросил В.М.Васюточкина выяснить, в чем дело. Вскоре он сообщил мне, что главный ученый секретарь Академии профессор И. „не видит в представленной диссертации элементов секретности”. Здесь необходимо пояснить, что в то время (конец 50-х годов) практически все диссертации (и не только), в которых приведены результаты исследования действия ионизирующего излучения на организм, даже экспериментальные работы на животных, имели гриф секретности. И я поступил, как поступают в таких случаях все диссертанты, хотя сам понимал, что особых оснований для этого не было. Те закрытые работы, на которые я ссылался в литературном обзоре диссертации, без особого ущерба для нее могли быть исключены.

После соответствующей корректировки я снова послал уже открытый вариант диссертации в Ученый совет академии. Снова прошло полгода. Ни ответа, ни привет. Снова прошу В.М.Васюточкина выяснить, в чем дело. На сей раз И. заявил, что мало опубликованных работ по теме диссертации. У меня к этому времени была напечатана одна обобщающая статья в „Украинском физиологическом журнале”. Почему именно в украинском? Я это сделал по совету академика АН УССР А.А.Городецкого, который прочитал в Севастополе лекцию о достижениях радиационной медицины и радиобиологии. Он порекомендовал мне послать работу именно в этот журнал, членом редколлегии которого он и

являлся. Надо сказать, что положение о необходимости публикации статей по теме диссертации только-только вступило в силу.

После двух „откатов” я решил не подавать больше диссертацию в академию, а подать ее в близлежащий Крымский государственный медицинский институт им. И.В.Сталина (именно так он в то время и назывался). В.М.Васюточкин по моей просьбе забрал мою диссертацию со всеми документами из Ученого совета академии и переслал ее мне.

Служа в Севастополе, я узнал, что планируется к изданию сборник научных работ врачей Черноморского флота. Эти работы лежали уже около года без движения. Я предложил свои услуги по доукомплектованию сборника и его редактированию. И в течение трех месяцев мною совместно с Главным эпидемиологом флота полковником Проценко сборник был отредактирован и напечатан. В него вошли четыре мои статьи, в том числе две работы по теме диссертации. Кроме того, одна моя работа по теме диссертации была опубликована в трудах научной конференции.

Мою диссертацию в Крымском мединституте к защите приняли, однако ректор заменил одну из предложенных кандидатур официальных оппонентов на и.о. зав. кафедрой рентгенологией кандидата медицинских наук Г.

У нее возникало много вопросов и она звонила мне в Севастополь чуть ли не каждую неделю. Свой отзыв аж на двадцати страницах она выучила наизусть и выступление ее продолжалось более получаса. Уже на банкете по поводу успешной защиты она призналась мне, что благодаря моей диссертации проштудировала много книг и существенно расширила свои знания по радиобиологии. Но это было потом...

Я приехал на защиту одной кандидатской диссертации, чтобы посмотреть, каковы регламент и особенности защиты в Крымском мединституте. И тут я узнал, что защита моей диссертации, которая назначена на следующую неделю, будет проходить не там, где всегда, а в так называемом круглом зале, сплошь остекленном. Затемнить это помещение было очень трудно. А мне надо было продемонстрировать на экране слайды (тогда это были большие стеклянные фотопластинки) с цитохимической картиной в различных органах облученных животных.

Что делать? Я немного растерялся, но неожиданно выручил случай. На улице в Севастополе я встретил своего знакомого офицера из штаба ВВС флота. Он взял мои слайды, сделал с них негативы и через пару дней вручил мне большие фотографии на картоне размером примерно 70 x 50 сантиметров, где каждая клеточка органа была размером чуть ли не с кулак. Уже на защите меня многие спрашивали, кто сделал эти прекрасные фотографии.

Наступил день защиты. Я заранее заказал такси, взял с собой довольно большой рулон таблиц и рисунков и поехал в Симферополь.

И тут меня ждал еще один „сюрприз”. Председатель Ученого совета объявил, что прежде чем перейти к реализации повестки дня, необходимо ознакомить членов Совета с только что вышедшим Постановлением ЦК КПСС о новом порядке присуждения ученых степеней и званий. (Об этом постановлении я не знал.) Чтение этого документа и новой инструкции ВАКа продолжалось довольно долго (как мне казалось – вечно). После этого председатель Совета произнес:

– Вот так, в обстановке всесторонней нелицеприятной критики и высокой требовательности мы должны обсуждать диссертации и принимать соответствующие решения. Итак, разрешите перейти к защите кандидатской диссертации.

После такой „увертюры” настроение у меня, как Вы понимаете, было неважным, но я старался ничем не выдать свое волнение. Я уложился в отведенные на доклад 20 минут, ответил на вопросы, поблагодарил оппонентов за „ценные соображения и замечания”. Председательствующий спросил, кто желает выступить в качестве неофициального оппонента.

И тут поднимается на правую трибуну (на левой все время защиты находился диссертант) незнакомый мне мужчина (секретарь Совета подсказал мне его имя и отчество). Уже потом я узнал, что он – ассистент кафедры рентгенологии, той самой кафедры, которой заведовала мой официальный оппонент Г., работает в институте уже лет десять, однако кандидатскую диссертацию так и не защитил. Самое же главное, – он является секретарем парткома института. Но все это я узнал уже после

защиты. Между тем мой неофициальный оппонент тоном общественного обвинителя говорит:

– Я согласен с официальными оппонентами, что обсуждаемая диссертация представляет известный интерес. Однако у меня есть очень серьезные возражения и замечания.

Я пытался записать эти „возражения”, но кроме набора общих фраз, ничего понять не мог. Единственное, что я смог уловить в его сумбурных высказываниях, так это то, что моя диссертация противоречит официальной инструкции Минздрава СССР о лечении лучевой болезни (1954 г.) и поэтому „дезориентирует практических врачей”. А ведь именно необходимость пересмотра этой инструкции и была обоснована в диссертации. Об этом я писал уже во введении к работе.

Между тем неофициальный оппонент продолжал говорить уже около получаса, и никто его не останавливал. Один набор общих слов и никаких конкретных замечаний. Поэтому я решил взять инициативу в свои руки и прервал его.

– Уважаемый А.А.! Извините меня, но я внимательно слушаю Вас и никак не могу понять, что именно в выполненной работе Вам не нравится. Против чего Вы возражаете?

От неожиданности он замолк. Тогда, воспользовавшись возникшей паузой, я продолжал:

– В таком случае начнем по порядку. Выполненная нами работа состоит из введения, шести глав – двух глав литературного обзора, одной главы по организации и методам исследования, двух глав собственных наблюдений, заключения и выводов. По какому именно разделу Вы имеете замечания?

Тут мой неофициальный оппонент пришел в себя и произнес:

– Я возражаю против Ваших выводов.

– Отлично, – ответил я. – По материалам, полученным в диссертации, сформулировано девять основных выводов. Против какого-именно вывода Вы возражаете?

– Я возражаю против того вывода в котором Вы даете рекомендации по витаминной профилактике и лечению лучевой болезни.

– Эти рекомендации, – ответил я, – содержатся в последнем, девятом выводе. Глубокоуважаемый председатель Ученого совета! Глубокоуважаемые члены Ученого совета! Глубокоуважаемый А.А.! Разрешите зачитать этот вывод.

Я взял диссертацию и прочел его.

– Как видите, уважаемый А.А., – продолжал я, – девятый вывод состоит из двух частей. В первой части сообщается о положительном влиянии витаминов В-комплекса при их профилактическом (за 2-4 недели до облучения) применении, а также при введении их в период клинических проявлений и в восстановительный период острой лучевой болезни. Во второй же части этого вывода говорится, напротив, о нецелесообразности применения этих витаминов в сроки, приближенные к облучению. Против какой именно части девятого вывода Вы имеете возражение?

– Против первой части, – произнес он.

Мне, естественно, стало уже легче, поскольку дискуссия перешла в более конкретную плоскость. Я подошел к таблицам и графикам, на основании которых было сформулировано соответствующее положение, и повторил обоснование первой части девятого вывода. Мой оппонент между тем заявляет:

– Я оговорился. Я имел в виду не первую, а вторую часть девятого вывода.

Здесь надо заметить, что до начала дискуссии с А.А. в зале кто-то слушал, кто-то шептался с соседями. Как только завязалась наша дискуссия, в зале восцарилась тишина, а после последнего замечания неофициального оппонента по залу пробежало веселое оживление. Я сразу почувствовал это изменение настроения членов Совета; оно меня поддержало.

После этой оговорки А.А. я снова подошел к таблицам, графикам и рисункам и обосновал вторую часть девятого вывода. Меня, однако, все время беспокоила одна мысль: надо сделать так, чтобы он, наконец, сумел мирно сойти с трибуны. Поэтому я продолжал:

– Единственное из Ваших замечаний, с чем я, безусловно, могу согласиться и за что благодарю Вас, – так это с тем, что далеко не все

вопросы витаминной профилактики и лечения острой лучевой болезни в выполненной мной экспериментальной работе решены.

(Здесь надо заметить, что А.А. об этом и не говорил, но так как это было очевидно и в то же время легко парируемо, то я взял этот „грех” на свою душу.)

– Не решены, в частности, – продолжал я, – вопросы применения более широкого спектра витаминов, не произведена клиническая апробация на людях выводов, основанных на экспериментальных исследованиях. Такие исследования, безусловно, актуальны, однако они не входили в задачу рассматриваемой диссертации. Еще раз благодарю Вас, уважаемый А.А., за Ваше внимание к нашей работе.

Председательствующий спросил неофициального оппонента, удовлетворен ли он ответами диссертанта. Тот пробормотал, что он „остается при своем мнении”, но с трибуны (слава Богу!) сошел.

Был объявлен перерыв для тайного голосования. Во время перерыва ко мне подошел член Совета физиолог В. и поздравил меня. Я поблагодарил, но заметил, что после выступления А.А. волнуясь за результаты голосования. На это он мне сказал:

– Я уже пятнадцать лет являюсь членом этого Совета и могу прогнозировать: Вам будет брошено два „черных” шара.

Перерыв закончился, но, поскольку счетная комиссия не успела оформить протокол по результатам тайного голосования, Совет перешел к следующему пункту повестки дня. Это продолжалось довольно долго – более полутора часов. Надо ли говорить, в каком состоянии я находился все это время.

Наконец, огласили результаты голосования: за – 27 человек, против – 2, недействителен один бюллетень.

На следующей неделе я приехал в институт, чтобы откорректировать стенограмму заседания и другие материалы. Секретарь ректора „по секрету” рассказала мне о любопытной сценке, свидетельницей которой она была. На следующий день после моей защиты А.А. встретился в приемной ректора с профессором-фармакологом Ш. – одним из наиболее авторитетных и критически настроенных членов Совета. Как мне

рассказали, когда он голосует „против”, вместе с ним „солидарно” голосуют сразу еще 4-5 членов совета – его друзей. Профессор спрашивает А.А.

– Как же Вы, А.А., так неудачно выступили вчера на защите?

– Я не виноват, – пытался оправдаться А.А., – ректор попросил меня покритичнее выступить, а я не имел времени прочитать всю диссертацию. Я просмотрел примерно одну треть работы.

– Ай, ай, ай! – сказал профессор. – Как Вы могли выступить, не ознакомившись толком с диссертацией? Вот Вы и опростоволосились!

В дальнейшем я был в какой-то мере вознагражден за проволочки с защитой моей диссертации: диплом кандидата медицинских наук из ВАКа в институт пришел буквально через два с половиной месяца после ее отправки.

О встрече с маршалом Жуковым

Это произошло, кажется, в 1957 году. Министром обороны СССР тогда был Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Он прибыл в Севастополь для дальнейшего следования во главе советской военной делегации с дружественным визитом в Югославию.

Мне поручили от медицинской службы флота контроль за питанием Г.К.Жукова. Обед должен был состояться в отдельном салоне Дома офицеров. Все продукты были получены со склада военторга.

Г.К.Жуков приехал в Дом офицеров в сопровождении командующего Черноморским флотом и группы генералов и адмиралов.

Надо сказать, что в это время в самом разгаре была инициированная Г.К.Жуковым очередная кампания по борьбе с пьянством в Вооруженных Силах. По этой причине на обеденном столе не было никаких винно-водочных изделий. Г.К.Жуков, осмотрев стол, недовольным голосом спросил, почему нет коньяка, разве в Севастополе „сухой” закон.

Интендант-подполковник, который так же, как и я, „обеспечивал мероприятие”, выскочил на кухню и объяснил мне, в чем дело. Мы оба бросились за коньяком. До склада военторга было далеко; к тому же было время обеденного перерыва. Мы побежали в ближайший гастроном, где купили на свои деньги две бутылки коньяка (как сейчас помню – три звездочки, другого в гастрономе не оказалось) и быстро вернулись назад. На этом инцидент вроде был исчерпан.

После обеда Г.К.Жуков вместе с командующим флотом в открытой машине проехался по городу. В это очень жаркое лето в Севастополе была введена так называемая „форма № 1” (все обмундирование белого цвета). Г.К.Жуков заметил это и спросил:

– Что это военно-морская база или госпиталь?

Командующий флотом ему ответил, что это главная военно-морская база Черноморского флота.

– Так почему же все в „белых кальсонах” ходят? – спросил Г.К.Жуков.

Командующий объяснил ему, но ответ, по-видимому, не удовлетворил Жукова. И в тот же день „форма № 1” в Севастополе была заменена на „форму № 2” (черные брюки и белый верх) и после этого инцидента „форма № 1” так и не вводилась.

На следующий день мы провожали Г.К.Жукова со свитой на Графской пристани Севастополя. На адмиральском катере они переправились на стоявший на рейде крейсер и в сопровождении эсминца направились в Югославию.

Пока Г.К.Жуков находился в отъезде, Н.С.Хрущев отстранил его от должности министра обороны СССР. (По-видимому, искали удобный случай для отстранения, и этот случай представился.) В газетах о возвращении Г.К.Жукова в Москву была буквально одна строчка: „По окончании визита в Югославию в Москву возвратился Маршал Советского Союза Г.К.Жуков”.

4. Снова в Ленинграде

*Мы нынче солидные люди, папаши.
Ученые званья. Большие чины.
И все-таки души курсантские наши
В тельняшки по-прежнему облачены.
(Александр Соколовский)*

В Институте радиационной гигиены

Об этом уникальном научно-исследовательском учреждении, в котором я проработал почти 40 лет, следует рассказать особо.

Институт был образован в декабре 1956 года постановлением Правительства РСФСР на базе бывшего Ленинградского санитарно-гигиенического научно-исследовательского института. Этот институт имел коммунально-гигиенический профиль и находился в ведении Ленинградского городского отдела здравоохранения.

Из известных ученых-гигиенистов, работавших в то время в Ленинградском санитарно-гигиеническом научно-исследовательском институте, следует назвать члена-корреспондента АМН СССР, профессора Николая Федоровича Галанина – крупного специалиста по гигиене ультрафиолетового и инфракрасного излучений, автора ряда монографий. Еще в далекие тридцатые годы прошлого века он занимался вопросами промышленной радиационной гигиены и издал одну из первых отечественных монографий по гигиене труда при работе с радием.

Именно это обстоятельство, как мне думается, было учтено при выборе научного учреждения для перепрофилирования в Институт радиационной гигиены и при назначении его директора. В Москве к тому времени уже несколько лет функционировал Институт биофизики МЗ СССР. Однако он занимался значительно более широким кругом научно-медицинских проблем, связанных в первую очередь с развитием отечественной атомной и некоторых других отраслей промышленности.

Из известных ученых-гигиенистов в Ленинградском санитарно-гигиеническом научно-исследовательском институте и в первые годы после его перепрофилирования работал мой учитель еще по СНО при

кафедре общей гигиены ВММА профессор Авраам Исаакович Шафир. Профессор А.И.Шафир был крупным гигиенистом, автором или соавтором ряда капитальных работ в области общей и коммунальной гигиены. Именно ему я обязан первыми своими шагами в гигиене, в частности, в изучении гигиенических аспектов питания и населенных мест.

В институте в то время также работали: академик АН ЭССР, профессор Н.Ф.Томсон, специалист по гигиене освещения; профессор Кадыков, специалист по гигиене питания; кандидат медицинских наук Д.Тюков и другие известные гигиенисты. Следует назвать также известного ученого кандидата медицинских наук Наталью Андреевну Запольскую, которая руководила лабораторией токсикологии и в течение нескольких лет после перепрофилирования института оставалась заместителем директора института по научной работе.

Одной из основных причин осознания необходимости выделения радиационной гигиены в самостоятельную научную и практическую дисциплину явилось глобальное радиоактивное загрязнение окружающей среды и продуктов питания в связи с проводимыми СССР и США (до 1964 года) испытаниями мощного ядерного оружия в атмосфере. Это вызвало, естественно, озабоченность мировой общественности и органов здравоохранения.

Поэтому параллельно с образованием Научно-исследовательского института радиационной гигиены в Ленинграде (ЛНИИРГа) состоялось также решение об организации в составе краевых, областных и некоторых городских санитарно-эпидемиологических станций групп, а в дальнейшем отделений, лабораторий или отделов радиационной гигиены. На ЛНИИРГ было возложено научно-методическое руководство деятельностью санэпидслужбы республики в области радиационной гигиены и оказание ей непосредственной научно-консультативной и практической помощи.

Таким образом, становление и развитие отечественной радиационной гигиены как науки, так и практики проходили параллельно.

Ко времени организации института подготовленных специалистов в области радиационной гигиены в стране было очень мало. Поэтому были приняты энергичные меры к подготовке собственных научных и практических кадров в этой области посредством направления сотрудников на курсы специализации при кафедре радиационной гигиены Центрального института усовершенствования врачей, руководимой крупным отечественным гигиенистом, председателем правления Всесоюзного научного общества гигиенистов и санитарных врачей, Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, академиком АМН СССР Ф.Г.Кротковым. Имея большой авторитет в Академии медицинских наук, Минздравах Союза и России, Федор Григорьевич по праву может считаться одним из основоположников отечественной радиационной гигиены. При его непосредственном участии были также организованы службы радиационной гигиены во всех союзных республиках.

Не менее важен вклад в становление и развитие промышленной радиационной гигиены московского академика АМН СССР, лауреата Государственной премии СССР, директора академического Института гигиены труда и профзаболеваний Августа Андреевича Летавета. Он так же, как и Н.Ф.Галанин, опубликовал первые работы в области радиационной гигиены труда еще в середине 30-х годов. В течение нескольких лет, с момента организации в Москве Национальной комиссии по радиационной защите, А.А.Летавет был ее председателем. В руководимом им институте функционировал отдел радиационной гигиены.

Большую роль в становлении и развитии научных исследований в нашем институте сыграла ее директор кандидат медицинских наук, доцент Милитина Алексеевна Невструева, сменившая на этом посту Н.Ф.Галанина, оставшегося научным консультантом. На долю М.А.Невструевой выпали немалые испытания. Во время Великой Отечественной войны она была на фронте врачом медико-санитарного батальона и закончила войну, насколько мне помнится, в Австрии. После

войны она защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом кафедры гигиены 1-го Ленинградского медицинского института им. И.П.Павлова, секретарем партийного комитета института. Позже ее выбрали вторым секретарем Петроградского райкома партии, а затем – первым секретарем Сестрорецкого райкома партии города Ленинграда.

Отличительные черты М.А.Невструевой – внимание к людям, их нуждам, умение выявлять и воспитывать перспективных ученых, руководить большим коллективом, направляя его силы на решение наиболее актуальных проблем радиационной гигиены. Она была в высшей степени порядочным человеком, пользовавшимся всеобщим уважением не только у сотрудников института, но и в Минздраве России. М.А.Невструева очень много сделала для института. Она организовала большое строительство, увеличив вдвое площадь помещений института.

В 60-70-х годах немало молодых людей, занимавшихся ранее вопросами радиационной гигиены, особенно из числа уволенных из армии и флота военных врачей и инженеров, было приглашено на работу в ЛНИИРГ и в санэпидстанции. В числе таких специалистов, принятых на работу в институт, были мой сокурсник по академии Ю.Д.Зильбер, Д.К.Попов, П.В.Рамзаев, С.И.Тарасов, А.Н.Коржавин, С.К.Саперов, В.Н.Малаховский.

Однако и нам, уже имевшим определенный опыт и знания в области радиационной гигиены, пришлось многому учиться. Одна из главных особенностей нашей научной деятельности в Институте состояла в том, что она затрагивала вопросы обеспечения радиационной безопасности не только отдельных групп людей и трудовых коллективов, а всего населения России в целом. Это накладывало особую ответственность на разрабатываемые нами документы по радиационной гигиене (санитарные правила и нормы радиационной безопасности, методические рекомендации, указания и пр.).

Подготовка таких основополагающих нормативов и нормативно-методических документов требовала всестороннего изучения закономерностей влияния малых доз ионизирующего излучения на различные категории населения, включая женщин и детей, а также персонал предприятий и учреждений, использующих источники

ионизирующего излучения, а также критической оценки и переосмысления международных рекомендаций (ВОЗ, МАГАТЭ, МКРЗ). Иными словами, для того, чтобы Институт радиационной гигиены стал настоящим научно-методическим и практическим центром, было совершенно необходимо самим научным подразделениям и сотрудникам института проделать огромную работу по овладению всем достаточно широким спектром научных проблем и адекватно адаптировать их к потребностям и возможностям практики.

Взять хотя бы одну из основных международных рекомендаций по предельно допустимым дозам (уровням) облучения человека. Эти рекомендации и, соответственно, отечественные нормативные документы по мере расширения и углубления существовавших научных концепций многократно уточнялись и изменялись в сторону значительного снижения этих нормативов. В начале (до 60-х годов) господствовало утверждение о безопасности облучения человека (персонала), отдельных лиц из населения и всего населения в пределах установленных в то время значений допустимых доз. В последние же 20-25 лет официально доминировала так называемая линейная или беспороговая концепция. Из нее следовало, что все дозы ионизирующего излучения должны быть столь низкими, насколько это возможно с учетом социальных и экономических факторов. К тому же сами значения предела дозы в СССР, как и во всем мире, неоднократно значительно снижались по мере установления вредных эффектов малых доз. Так, для лиц профессиональной категории это снижение составило 15 раз – от 300 мЗв/год в 1950 г., до 20 мЗв/год в 1996-99 гг. Это потребовало существенного пересмотра многих принципов и подходов к обеспечению радиационной безопасности населения и лиц профессиональной категории.

Лично я многим обязан М.А.Невструевой. Она не только взяла на работу отягощенного „пятым пунктом”, но и смело меня выдвинула, буквально через несколько месяцев работы в институте на руководство новым отделом – промышленной радиационной гигиены. С организацией этого отдела профиль института значительно расширился: помимо населения, институт стал активно заниматься проблемами гигиены труда и

обеспечения радиационной безопасности различных континентов лиц, работающих с источниками ионизирующего излучения.

М.А.Невструева и в дальнейшем оказывала мне, как, впрочем, и очень многим молодым завлабам и научным сотрудникам, большую помощь и поддержку не только советом, но и делом. Именно она создала все необходимые условия для широкой подготовки докторов и кандидатов наук. Благодаря в немалой степени ей и очень энергичному ученому секретарю института кандидату медицинских наук, старшему научному сотруднику Розе Соломоновне Мостовой уже в 60-е годы были защищены по профилю института докторские диссертации заместителем директора по научной работе (по физико-химическому направлению) В.П.Шамовым (1965 г.); заведующим отделом института П.В.Рамзаевым (1967 г.); заместителем директора по научной работе (по медико-биологическому направлению) Л.А.Ильиным (1968 г.) и мною (1969 г.). Кроме того, за этот период было защищено более 30 кандидатских диссертаций – как сотрудниками института, так и специалистами практических организаций преимущественно из санитарно-эпидемиологических станций. Эти „остепененные” сотрудники института возглавили, в основном, научные подразделения института или стали ближайшими помощниками заведующих.

В последующие десятилетия подготовка докторов и кандидатов наук в институте шла неослабевающими темпами. Директор института (с 1970 по 2002 год) профессор Павел Васильевич Рамзаев и ученый секретарь кандидат химических наук, старший научный сотрудник Александра Ивановна Тихонова при активном участии общественных организаций разработали и внедрили балльную оценку учета научных и научно-практических достижений лабораторий института.

Эта оценка представляла собой предварительно многократно обсужденную, апробированную и принятую общим собранием сотрудников шкалу количественной оценки. Учитывались, например, каждая защищенная кандидатская и докторская диссертации (последняя оценивалась примерно вдвое большим числом баллов, чем кандидатская), каждая научная публикация (дифференцированно – монографии, статьи в

международных, отечественных журналах или сборниках), научные доклады (на международных, всесоюзных, всероссийских или иных научных конгрессах, конференциях, симпозиумах и семинарах). Большое внимание в балльной оценке уделялось расширению изобретательской работы, которую многие годы непосредственно курировала ученый секретарь института, она же дипломированный патентовед А.И.Тихонова. Учитывались также все виды деятельности подразделений и сотрудников института по оказанию научно-методической и практической помощи органам здравоохранения – подготовленные и внедренные нормативные и методические документы, выезды для оказания непосредственной помощи на местах, проведенные семинары для практических работников и др. И, наконец, принималась во внимание общественная работа (доклады на методологическом семинаре, исполнение обязанностей членов выборных органов). В качестве отрицательных показателей, снижающих „заработанное” научным подразделением число баллов, за которые баллы вычитались из общей суммы баллов, отмечались несвоевременное представление научных отчетов, дисциплинарные нарушения сотрудников и т.п.

Эта система учета результатов „социалистического соревнования” подразделений института была положена в качестве основного (и единственного!) критерия для оценки места лаборатории в институте. Оно определялось путем деления суммы „заработанных” баллов на израсходованный годовой фонд заработной платы сотрудников соответствующего подразделения (в тысячах рублей). В дальнейшем весь премиальный фонд института (за исключением небольшой его части, поступавшей в распоряжение дирекции и местного комитета) производственной комиссией месткома распределялся строго пропорционально указанному выше значению. Внутри лаборатории по отношению суммы „заработанных баллов” к индивидуальной годовой заработной плате определялись в основном размеры премии каждого научного сотрудника. 20% премиального фонда научного подразделения распределялось среди обслуживающего персонала.

Следует подчеркнуть, что апробированная и в дальнейшем многократно совершенствовавшаяся институтская система количественной оценки результатов соревнования получила поддержку районного и городского комитетов профсоюзов и была принята в качестве основы при учете итогов соревнования между ленинградскими научно-исследовательскими учреждениями медицинского профиля. Наш институт почти два десятилетия занимал первое (реже второе) место в Петроградском районе (где, кроме нашего института, находилось еще шесть научно-медицинских и учебных учреждений (Институт экспериментальной медицины, Институт гриппа, 1-й медицинский институт и другие) и в городе. А по изобретательской работе институт неизменно оказывался на первом месте в городе.

В целом шестидесятые-восемидесятые годы прошлого века были годами очень интересной, напряженной и целеустремленной работы, когда, за редкими исключениями, каждый сотрудник института старался на своем месте внести максимальный личный вклад в науку и практику радиационной гигиены.

Мне посчастливилось работать в коллективе многих специалистов, широко известных в стране и за рубежом.

Это, во-первых, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки П.В.Рамзаев, именем которого ныне назван Санкт-Петербургский НИИ радиационной гигиены. Мы с ним, по нашему личному желанию, одновременно в 1960 году были уволены из Вооруженных Сил: он – из Белорусского военного округа, а я – с Черноморского флота, где оба служили врачами-гигиенистами. Поступили мы с ним на работу в институт и были оформлены одним и тем же приказом 26 сентября 1960 года на должности и.о. старших научных сотрудников в отдел гигиены населенных мест, руководимый профессором А.И.Шафиром. В дальнейшем, спустя восемь месяцев я был назначен руководителем нового отдела промышленной радиационной гигиены, а П.В.Рамзаев позднее сменил профессора А.И.Шафира на должности руководителя отдела гигиены населенных мест. (А.И.Шафир остался научным консультантом института). Затем, в 1967 году, П.В.Рамзаев становится заместителем директора института по научной работе, сменив

на этом посту Л.А.Иванова, а в конце 1970 года сменяет М.А.Невструеву на посту директора института. (М.А.Невструева после ухода с поста директора несколько лет работала заведующей лабораторией иммунологии.)

П.В.Рамзаев был необычайно способным и очень трудолюбивым человеком, умел ценить и поощрять эти качества у других сотрудников. В течение почти 25-ти лет он являлся членом Международной комиссии по радиационной защите (МКРЗ), рекомендации которой служили основой для принятия национальных нормативов облучения и требований обеспечения радиационной безопасности в нашей стране. В рамках Минздрава России он возглавлял Проблемную комиссию по радиационной гигиене. П.В.Рамзаев являлся автором известной теории здоровья. Ему и его сотрудникам принадлежат обширные исследования радиационно-гигиенической ситуации на Крайнем Севере.

Успеху этой весьма сложной работы в суровых условиях Заполярья во многом способствовал тогдашний заведующий отделом радиационной гигиены Ненецкого национального округа Борис Яковлевич Литвер – широкоэрудированный врач, впоследствии старший научный сотрудник нашего института. С Борисом и его женой Лидой мы продолжаем общаться и в Германии.

Немалый научный вклад в „заполярные” исследования внесли руководители лаборатории доктора медицинских наук М.Н.Троицкая, Г.И.Мирецкий, кандидаты медицинских наук А.И. Нижников, В.В. Шакалова, А.А.Дударев и другие.

П.В.Рамзаев очень много сделал для того, чтобы научные исследования и разработки нашего института находились на мировом уровне. Целый ряд предложений нашего института после обсуждения на МКРЗ были приняты в качестве международных рекомендаций в области радиационной защиты.

П.В.Рамзаев всячески поощрял диссертантов и строго следил за выполнением планов подготовки кадров высшей квалификации. Сам

Павел Васильевич неустанно и плодотворно работал, был в курсе новейших достижений мировой науки и практики.

Профессор Евгений Васильевич Иванов, начинавший работу в 1961 году младшим научным сотрудником в руководимом мною отделе, в дальнейшем защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал завлабом и заместителем директора института по научной работе, проработав на этой должности более двадцати лет. С момента организации в 1987 году Российской научной комиссии по радиационной защите (РНКРЗ) он становится заместителем ее руководителя, академика РАМН А.Ф.Цыба.

Е.В.Иванов уделял много внимания расширению научных и деловых контактов института, заключению договоров и контрактов на выполнение НИР. Эти выдающиеся способности Евгения Васильевича особенно ярко проявились в перестроечные годы, когда в результате резкого сокращения бюджетного финансирования наш институт, как, впрочем, и все научные учреждения страны, переживал очень трудные времена. Именно в этот период институт при активном участии Е.В.Иванова на основе договоров успешно подготовил основные документы, регламентирующие радиационную безопасность в стране – нормы, а затем и основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности.

Е.В.Иванов внес большой личный вклад в изучение метаболизма радионуклидов в организме человека, разработал и внедрил в практику ряд эффективных радиопротекторов, защищенных патентами. Он всегда отличался демократичностью, уважением к коллегам и скромностью.

Среди видных ученых института следует также назвать профессора, лауреата Государственной премии СССР, заслуженного деятеля науки Виктора Пантелеевича Шамова, заместителя директора по научной работе, проработавшего в институте с конца пятидесятых годов более двадцати лет. Он организовал и руководил отделом радиационной дозиметрии, в который входило несколько лабораторий физического и химического профиля. Являясь в свое время членом МКРЗ, он сумел поднять научные разработки в области дозиметрии на современный уровень. Под его руководством был создан один из первых в Союзе счетчиков для

измерения радиоактивности человека (СИЧ). Лично я обязан ему тем, что стал более глубоко и критично вникать в физико-дозиметрические аспекты проводимых в нашем отделе радиационно-гигиенических исследований.

Леонид Андреевич Ильин – один из наиболее ярких и крупных ученых института. Мы служили с ним еще в 50-х годах прошлого века в санитарно-эпидемиологическом учреждении Черноморского флота.

В наш институт Л.А.Ильин пришел в 1961 году и работал до 1967 года заместителем директора по научной работе и руководителем лаборатории. Он занимался проблемой защиты организма человека от радиоактивных веществ, разработкой и внедрением радиопротекторов. Ныне Л.А.Ильин – академик РАМН, директор Института биофизики Минздрава России, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, заслуженный деятель науки, ученый с мировым именем, автор целого ряда монографий по актуальным проблемам радиационной защиты. В течение многих лет он руководил работой Национальной комиссии по радиационной защите, работал в Научном комитете ООН по действию атомной радиации (НКДАР).

Яркий след в научных исследованиях института в области дозиметрии оставил заведующий лабораторией, профессор, лауреат Государственной премии СССР И.А.Лихтарев. Он является автором ряда монографий и разработок, имеющих большое научное и практическое значение. С конца 80-х годов (после Чернобыля) Илья Аронович живет и работает в Киеве. Он является членом МКРЗ.

Из работающих и поныне известных ученых следует назвать заведующего лабораторией профессора Виктора Моисеевича Шубика. Он – автор многих капитальных работ в области радиоиммунологии и радиационной гигиены. Его перу принадлежат более 10 монографий. Так получилось, что после моего ухода из института (в связи с переездом на жительство в Германию) именно в его лабораторию вошли бывшие мои сотрудники. В.М.Шубик обладает большой научной эрудицией, помогает многим ученым, является научным руководителем или консультантом многих диссертаций.

Не могу также не отметить профессора Михаила Исааковича Балонова, руководителя лаборатории, члена РНКРЗ. Он внес большой вклад в разработку ряда проблем дозиметрии внутреннего облучения человека. Особенно ярко проявились незаурядные способности М.И.Балонова при организации и проведении комплексных научных исследований по преодолению последствий Чернобыльской аварии. В настоящее время М.И.Балонов работает в Вене, в аппарате Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Один из моих бывших сотрудников, с которым мы вместе начинали в 1961 году работать в отделе промышленной радиационной гигиены, – Эдуард Мечиславович Крисюк. Впоследствии он возглавил лабораторию, защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора, лауреата Премии Совета Министров СССР и стал ведущим в стране ученым в области гигиенической оценки естественного радиоактивного фона. Э.М.Крисюк – автор монографий, многих научных работ, нормативных и методических документов. Он отличался нестандартным мышлением, глубоким пониманием ядерной физики и радиационной безопасности.

Моя сотрудница, с которой мы проработали более 35 лет, – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Ирина Эльевна Бронштейн успешно продолжает работать в институте. Отличаясь фундаментальными знаниями, чрезвычайной добросовестностью, она успешно сочетает опыт физика-дозиметриста с непосредственным участием в математическом планировании, моделировании и анализе радиационно-гигиенических исследований. Она внесла большой вклад в развитие промышленной радиационной гигиены.

Большое значение имеют исследования по оценке состояния репродуктивной функции при воздействии малых доз ионизирующего излучения как на экспериментальных животных, так и на человека, проводимые в течение многих лет другой моей помощницей – кандидатом биологических наук, ведущим научным сотрудником Натальей Кирилловной Стрельниковой.

Весомый вклад в организацию и проведение радиационно-гигиенических исследований в различных регионах внес старший научный сотрудник лаборатории Владимир Наполеонович Нуралов.

Большой личный вклад в исследование актуальных проблем промышленной радиационной гигиены и разработку нормативных и методических документов внесли также сотрудники моей лаборатории кандидаты наук, старшие научные сотрудники П.Р.Вайнштейн, М.В.Сафронова, М.С.Саковская, В.И.Петров, В.В.Оробей, научные сотрудники кандидаты наук Е.Н.Бондарева, Г.М.Колчанова, В.Л.Васкан, а также, научные сотрудники Е.В.Храмцов, М.А.Базюкина, С.А.Сафронова и другие, которые вывели лабораторию на передовые позиции в институте.

Продолжают успешно работать в институте доктора наук Г.В.Архангельская, И.А.Зыкова, И.А.Звонова, В.Б.Карпов, В.С.Репин, член.-корреспондент РАЕН профессор О.Н.Прокофьев; кандидаты наук Ю.О.Константинов, Ю.О.Якубовский-Липский, В.А.Колобянин, Э.Б.Ершов, Г.Н.Кайдановский, И.Г.Травникова, Г.Я.Брук, В.Н.Шутов, а в техническом обеспечении НИР трудятся И.А.Хазина, Т.Голубева, Л.Байковская, Т.Кулеш и многие другие. Ю.О.Константинов активно участвовал в международном научном сотрудничестве, выезжал в длительные научные командировки в Японию и другие страны. Со всеми сослуживцами у меня сохранились хорошие и добрые отношения. Эдика Ершова, хотя он никогда не был сотрудником нашей лаборатории, все мы уже давно считаем своим близким товарищем.

В Институте радиационной гигиены в разные годы успешно работали доктора наук, профессора С.И.Тарасов, А.Н.Коржавин, И.Б.Токин; доктора наук Ю.К.Кудрицкий, Н.И.Машнева, М.Н.Троицкая, А.И.Степанов, Г.И.Мирецкий, Н.С.Швыдко, В.В.Никитин, В.Н.Кашин; кандидаты наук Д.К.Попов, К.К.Поплавский, В.И.Поникаров, Н. Порозов, Э.Лисаченко, О.Ю.Кудрицкая, В.В.Шакалова, Б.Н.Ильин, В.И.Карпов, Н.П.Иванова В.К.Сельцер, Л.А.Теплых, О.В.Лебедев, Е.И.Долгирев, В.Г.Еркин, а также

А.Г.Каган, В.Г.Катаев и многие другие высококвалифицированные специалисты.

Руководя лабораторией оптимизации госсаннадзора, К.К.Поплавский и его сотрудники – Г.М.Кацнельсон, М.И.Тарасова, Г.И.Смородинцева, оказывали большую научно-методическую и практическую помощь радиационно-гигиеническим подразделениям СЭС Российской Федерации, организовывали конференции, семинары, выезды на места, готовили методические документы. С Григорием Кацнельсоном у меня были дружеские отношения; он помогал мне во многих служебных и не служебных делах. Сейчас он с сыном Сашей и дочерью Софой живет в Нью-Йорке.

За почти 40 лет существования нашей лаборатории сотрудники опубликовали 12 монографий, более 600 научных работ, получили восемь авторских свидетельств на изобретения. Мы участвовали в разработке более пятидесяти нормативных и методических документов по радиационной безопасности. Успешно работают наши питомцы – доктор наук О.Н.Перевозников (Киев), кандидаты наук Д.Зарединов (Ташкент), Т.А.Фарбтух (Рига), И.Г.Рандаренко (Витебск) и многие другие.

В последние годы, с созданием при институте Федерального радиологического центра, значительный вклад в расширение и углубление работ в области радиационной дозиметрии и радиохимии внесли директор ФРЦ А.Н.Барковский и его сотрудники.

Институт представлял собой очень сильный в научном отношении коллектив. Наши ученые смело брались за многие сложные проблемы и успешно решали их. Сотрудники института неоднократно отмечались правительственными наградами, в числе которых много орденов и медалей, знаки „Отличнику здравоохранения”, почетные грамоты Министерства здравоохранения, медали ВДНХ.

Институт активно и успешно сотрудничал с зарубежными научными учреждениями – бывшей ГДР и затем объединенной Германии, Болгарии,

Венгрии, Польши, Чехословакии, Англии, США, Франции, Дании, Японии, Китая, Монголии и многих других стран. Помимо участия в качестве членов в работе МКРЗ, сотрудники института работали в МАГАТЭ, ВОЗ и других международных организациях. Институт был постоянным участником международных конгрессов, съездов и конференций. Большой личный вклад в развитие международного сотрудничества и подготовку проектов международных рекомендаций внес заведующий отделом, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Е.И.Комаров (мой однокурсник по ВММА).

Это было время больших творческих достижений института и всеобщего энтузиазма. Счастливые и неповторимые годы!..

Как я готовил докторскую диссертацию

Вскоре после моего возвращения из командировки в К., где с бригадой сотрудников Института радиационной гигиены в феврале 1961 года мы занимались обследованием и ликвидацией последствий радиационной аварии на крупном промышленном предприятии, пришел приказ Министра здравоохранения РСФСР об объявлении мне и двум моим помощникам – физикам-дозиметристам Леве Злобину и Лене Рабкину благодарностей и награждении нас денежными премиями в размере месячных окладов „за отличное выполнение специального задания министерства”.

Через три месяца после этого меня, в то время и.о. старшего научного сотрудника, вызвала директор Института М.А.Невструева и предложила написать заявление на заведование вновь создающимся в институте отделом промышленной радиационной гигиены. При этом она добавила:

– Ведь Вы так отличились при ликвидации аварии на промышленном предприятии.

Вначале по штату отдел промышленной радиационной гигиены состоял всего из пяти человек, включая самого заведующего. Постепенно он увеличивался и к концу 60-х годов в его составе было уже пять полноценных научных лабораторий. Я получал деньги как заведующий лаборатории гигиены труда, а обязанности завотделом выполнял „на общественных началах”.

Необходима была связующая отдел актуальная научная проблема. Идея возникла у меня еще во время службы на Черноморском флоте. Когда по заданию Главного военно-медицинского управления я обследовал радиолокационные станции (РЛС), то совершенно неожиданно для себя обнаружил наличие (и притом „в большом количестве”) неизученных ранее радиоэлектронных источников неиспользуемого (или так называемого „паразитного”) мягкого (длинноволнового) рентгеновского излучения.

В результате этой работы были обследованы все основные типы наземных, корабельных и самолетных РЛС, измерены уровни СВЧ- и рентгеновского излучения, дана оценка нерадиационных факторов (в том числе и в ходе автономного похода корабля), изучено влияние условий труда на здоровье и работоспособность персонала, обслуживающего РЛС, и разработаны меры по нормализации ситуации. За эту большую работу я и мой коллега Василий Петрович Новиков, служивший специалистом-окулистом в Военно-врачебной комиссии флота, по представлению ГВМУ получили от командования флота благодарность в приказе и именные часы.

Итак, идея изучить в производственных условиях и в эксперименте на животных действие на организм мягкого рентгеновского излучения, о котором было известно немного, и обосновать профилактические и защитные мероприятия родилась у меня еще во время службы на флоте. Поэтому когда мне предложили включить в план НИР подготовку

докторской диссертации, я без особых колебаний назвал эту тему. В этих комплексных исследованиях приняли участие, кроме сотрудников моей лаборатории, сотрудники и других лабораторий отдела, а также специалисты по безопасности труда на радиоэлектронных предприятиях. По итогам этих работ в 1973 году была издана в Атомиздате монография; до этого мною защищена докторская диссертация. По этой проблеме при моем научном руководстве были выполнены шесть кандидатских диссертаций.

Необходимо отметить значительный вклад в научные исследования, в том числе и в проблему изучения биологического действия мягкого рентгеновского излучения доктора медицинских наук Юрия Константиновича Кудрицкого, а также доктора технических наук, профессора Эдуарда Мечиславовича Крисюка.

По итогам этих исследований было подготовлено и внедрено в практику около двадцати общесоюзных нормативных и методических документов, позволивших значительно повысить степень радиационной безопасности персонала.

Первый вариант моей докторской диссертации был подготовлен и прошел предварительную апробацию в институте еще в 1967 году, т.е. через семь лет после моего поступления на работу в институт. Однако у каждого человека, быстро продвигающегося по тернистой тропе науки, имеются, как известно, и свои „доброжелатели”, которые не могут смириться с мыслью о своем отставании. Такой „доброжелатель” (я его хорошо знал) нашелся и у меня. За моей спиной он ругал мою диссертацию, уверял, что „она слабая”, и даже было поколебал моего научного консультанта профессора Н.И.Боброва. Тем не менее на защите на кафедре военно-морской и радиационной гигиены Военно-медицинской академии (ВМА), которой руководил Н.И.Бобров, работа была признана вполне отвечающей всем требованиям, предъявленным к

докторским диссертациям. 21 января 1969 года (в 45-ю годовщину смерти В.И.Ленина) я ее успешно защитил.

Перед этим, однако, пришлось немало поволноваться. Один из моих трех официальных оппонентов, уже давший положительный письменный отзыв на диссертацию, бывший директор нашего института, член-корреспондент АМН СССР, профессор Н.Ф.Галанин был по „скорой” госпитализирован с желудочным кровотечением и через неделю умер от присоединившегося инфаркта. Я сразу после защиты зашел его проведать и оказался последним, кто видел его живым...

Пришлось срочно, буквально за неделю до защиты, приглашать нового оппонента. Им стал мой бывший научный руководитель по кандидатской диссертации профессор В.М.Васюточкин. Другой мой оппонент – профессор Л.А.Тиунов (в дальнейшем академик АМН СССР, заслуженный деятель науки) за пять дней до защиты уехал в командировку, из которой вернулся только утром в день защиты.

Вдобавок ко всем этим волнениям – эпидемия гриппа. Такой крупной эпидемии в Ленинграде не было много лет. Были сомнения, соберется ли кворум, т.к. половина членов Специализированного совета оказались больными. К тому же один из членов совета профессор С.А.Кейзер в этот же день выступал оппонентом на защите диссертации в другом месте. Пришлось его подстраховать: на своем „горбате Запорожце” его доставил мой приятель-однокурсник Кирилл Мартиросов.

Необходимый кворум на защите моей диссертации все же с трудом набрался; защита прошла успешно. К началу следующего года я получил диплом доктора медицинских наук.

В 1970 году я был представлен к званию „профессор” и в 1971 получил его. И сейчас помню, как узнал об этом событии. Я был делегирован для участия в работе Комитета СЭВ по радиационной безопасности. Вечером в свой номер гостиницы СЭВ я пригласил нескольких коллег-специалистов

из ГДР, Болгарии и Польши. Когда наша встреча уже подходила к концу, я позвонил академику АМН СССР Л.А.Ильину, директору Института биофизики, члену Президиума ВАКа. Он попросил меня к нему сразу же приехать. Когда мы встретились, Л.А.Ильин налил в рюмки коньяк и произнес тост „за профессора Либермана”. Оказывается, именно в этот день было принято решение Президиума ВАКа о присуждении мне этого научного звания. Эта встреча мне запомнилась на всю жизнь.

Полагая, что одной из важнейших обязанностей докторов наук является подготовка научных кадров высшей квалификации, я много внимания уделял этой проблеме. Всего за время работы в институте под моим научным руководством было подготовлено 22 кандидатских и докторских диссертаций.

Из них шесть диссертаций были выполнены сотрудниками других (в основном практических) организаций или заочными аспирантами. Среди них я могу назвать: Ханана Ошеровича Льва, изучившего условия труда и состояние здоровья сотрудников радоновых лабораторий и лечебниц; Вениамина Ядринцева, давшего характеристику условий труда и состояния здоровья работающих на специальных установках; Олега Николаевича Перевозникова, исследовавшего дозиметрические характеристики и радиационную безопасность на радиоизотопных установках; Татьяну Александровну Фарбтух, изучившую условия труда и состояние здоровья женщин, работающих в медицинских рентгеновских кабинетах; Дамира Зарединова, исследовавшего комплекс радиационных и нерадиационных факторов на подземных полиметаллических рудниках и их влияние на работающих; Владимира Ивановича Коваленко, усовершенствовавшего методы индивидуального дозиметрического контроля при использовании источников ионизирующего излучения в промышленности. Одна из диссертаций – Игоря Геннадьевича Рандаренко была посвящена

исследованию влияния комплекса факторов Чернобыльской катастрофы на течение беременности, родов и состояние здоровья новорожденных.

Четыре бывшие сотрудники моего отдела – Эдуард Мечиславович Крисюк, Евгений Васильевич Иванов, Ирина Арменовна Зыкова и Вячеслав Владимирович Никитин, а также работавший в Центре радиационной защиты в Киеве Олег Николаевич Перевозников – впоследствии стали докторами наук.

В.В.Никитин представлял к защите, собственно, не докторскую, а кандидатскую диссертацию. Предзащита ее состоялась на заседании секции радиационной гигиены Ленинградского отделения Всероссийского научного общества гигиенистов, председателем которой являлся я. При обсуждении представленной работы я высказал мнение, что по своей научной новизне и практической значимости эта работа вполне соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Мое мнение поддержали члены секции. Прошедшая в Ленинградском санитарно-гигиеническом медицинском институте (называемом сейчас Медицинской академией им. И.И.Мечникова) защита подтвердила соответствие научного труда требованиям, предъявляемым к докторской диссертации.

Началось длинное хождение диссертации из ВАКа по разным научным учреждениям, однако единое научное мнение так и не было высказано. Тогда научные консультанты этой работы – профессор Е.В.Иванов и я – обратились к председателю Гигиенического совета ВАКа с просьбой дать возможность диссертанту кратко доложить свою работу на заседании Совета. Разрешение было получено.

Обсуждение диссертации продолжалось целый час, после чего Совет проходил еще минут 40 при закрытых дверях. Решение Совета, определенное на основе тайного голосования, было единогласным – ходатайствовать перед Пленумом ВАКа о присуждении Владимиру

Никитину степени доктора наук. Это был очень редкий в практике работы ВАКа случай, когда докторскую диссертацию присудили молодому человеку, не имеющему кандидатской степени.

Не являясь официально научным руководителем или консультантом, я оказал консультативную помощь при планировании, проведении и оформлении еще нескольких диссертационных работ.

Дела изобретательские

Как я уже рассказывал, изобретательской деятельности в институте уделялось серьезное внимание со стороны дирекции и общественных организаций. Не осталась в стороне от этого вида деятельности и наша лаборатория. Мне довелось участвовать в подготовке шести заявок, официально зарегистрированных как изобретения. Расскажу о трех из них, наиболее запомнившихся.

Работая над выполнением научной темы по гигиенической оценке влияния мягкого рентгеновского излучения на организм человека, мы ощутили острую необходимость проведения индивидуального дозиметрического контроля. Однако индивидуальных дозиметров для регистрации в производственных условиях рентгеновского излучения в мягком (да и средней жесткости) энергетическом диапазоне не существовало. Практики очень нуждались в таком приборе.

Мы разработали такой чувствительный индивидуальный дозиметр, который не имел „хода с жесткостью”, т.е. зависимости показаний от энергии излучения в широком диапазоне – от 10 до 100 КэВ. На этот прибор мы получили положительное заключение от Института метрологии им. Д.И.Менделеева и Института атомной энергии им. С.В.Курчатова.

И тогда, убедившись в отсутствии аналогичного устройства в патентной литературе, четыре сотрудника нашей лаборатории – Э.М.Крисюк, Г.А.Орлов, Л.З.Рабкин и я – подали заявку на изобретение. Долго (больше года) мы не могли получить решения. Поэтому решили сами подъехать в

Институт патентной экспертизы, что находится на Бережковской набережной в Москве.

Нас (Э.М. Крисяка и меня) принял заместитель директора. Он выслушал нас и ознакомился с нашей заявкой. Затем он вызвал заведующего отделом технической физики и высказал мнение, что не видит препятствий для выдачи нам свидетельства на изобретение. Заведующий отделом, наклонившись к шефу, негромко сказал:

– Видите ли, это те самые люди, которые написали жалобу в секретариат XXIII съезда КПСС.

(Потом мы выяснили, что, действительно, у одного из соавторов нашего изобретения от долгого ожидания сдали нервы, и он написал такую жалобу.)

После этого сообщения заместитель директора изменился в лице и сказал, что этот вопрос требует дополнительного изучения. Одним словом, в выдаче заявки нам быдо отказано.

Занимаясь экспериментальными исследованиями на белых лабораторных мышах, мы обратили внимание, что число родившихся мышат у облученных СВЧ-полем слабой интенсивности беременных самок заметно (на 20%) выше, чем у необлученных. Этот эффект повторился еще в двух сериях опытов. После этого мы (В.В.Оробей, М.С.Саковская, И.Э.Бронштейн и я) решили подать заявку на изобретение. Белые мыши и крысы являются, как известно, общепризнанной во всем мире биологической моделью для оценки влияния различных факторов на организм и более высоко организованных животных. Поэтому заявку на изобретение мы озаглавили: „Способ стимулирования плодовитости пушных зверей, например норок”. Обсудили предварительно эту заявку в Институте пушного звероводства и кролиководства, что расположен под Москвой. Там ее поддержали.

Потянулись долгие месяцы и годы переписки с Институтом патентной экспертизы. Вначале нас попросили прислать результаты исследований безвредности СВЧ-облучения в малых дозах для качества шерстного покрова. Затем потребовали заключение Главзверопрома РСФСР. Там

продержали заявку еще полгода. А этот главк находится в Москве на улице Герцена, как раз напротив дома, где тогда жила моя тетя Лена.

При очередной командировке в Москву я пришел в Главзверопром и попал на прием к его начальнику, доктору сельскохозяйственных наук. Выслушав меня, он сказал, что помнит нашу заявку. Затем спросил, интересно ли мне, где он был вчера. Я ответил, что это, по-видимому, не имеет прямого отношения к моему вопросу. Начальник главка не согласился с этим мнением и начал рассказывать. Из рассказа я узнал, что вчера состоялась коллегия Совета Министров РСФСР, на которой он докладывал о состоянии пушного звероводства и кролиководства в России. В частности, он указал, что для обеспечения корма большому количеству (более одного миллиона) норок, выращиваемых в зверосовхозах, требуется вдвое больше рыбы, чем выделяет в последние месяцы министр рыбного хозяйства Ицков. Далее он сказал, что если в ближайшие недели не будет решен вопрос об удовлетворении потребностей зверосовхозов в рыбе, то ему как начальнику главка не остается другого выхода, кроме издания приказа о массовом забое норок.

– И в этот момент Вы приходите с изобретением, направленным на увеличение плодовитости, т.е. поголовья норок. А мы не знаем, как прокормить существующее поголовье...

Я понял его, попрощался и понуро побрел к выходу. Вдруг за спиной слышу:

– Одну минуту. Давайте, профессор, заключим джентельменское соглашение. Мы дадим положительное заключение на Ваше изобретение, но Вы не будете требовать от нас его немедленного внедрения.

Через полчаса я получил заключение Главзверопрома РСФСР и, обрадованный, отнес его в Институт патентной экспертизы.

Прошло еще несколько месяцев. За это время эксперт, курировавший нашу заявку, сменился. Новый же эксперт счел заключение Главзверопрома России недостаточным и потребовал от нас заключение Минсельхоза СССР.

И вот я приехал в это министерство. Там я воочию ощутил на себе жалкое положение изобретателя, от которого все чиновники

отмахиваются, как от назойливой мухи. Побродив по разным коридорам пару часов, я уже стал терять надежду. Но вдруг заметил на одной двери табличку „Отдел ветеринарной радиологии”. Это уже было нечто близкое.

Там отнесли ко мне с интересом, взяли заявку со всеми результатами исследований и обещали в течение месяца дать заключение. В их положительном заключении на наше изобретение содержалось даже предложение: а почему бы не испытать предложенный способ на крупном рогатом скоте.

Я отправил это заключение в Институт патентной экспертизы. Снова потянулись многие месяцы. Наконец, я позвонил туда и меня пригласили на заседание Контрольного совета.

На этом заседании меня спросили, на каком виде животных мы проводили эксперименты. Я ответил, что на белых мышах и белых крысах.

– В таком случае мы Вам выдадим авторское свидетельство на способ повышения плодовитости мелких грызунов.

Я возмутился:

– Во всем мире лабораторные животные, в частности белые мыши и крысы, являются общепризнанной биологической моделью для оценки влияния разных факторов на других млекопитающих, в том числе и норок. Кроме того, имеются положительные заключения Главзверопрома России и Минсельхоза СССР. А что касается Вашего предложения озаглавить изобретение „Способ повышения плодовитости мелких грызунов”, то последних, как известно, надо не плодить, а, напротив, уничтожать.

– Вот что, – сказали мне в ответ. – Либо Вы соглашаетесь на предлагаемую нами формулировку, либо мы пишем отказ в выдаче авторского свидетельства.

Чертыхаясь про себя, я вынужден был согласиться на эту нелепую формулировку.

Оба этих случая с нашими изобретениями нельзя назвать иначе, как проявление бюрократизма в нашем патентном ведомстве. Изобретатель превращается в щепку, которую швыряет из стороны в сторону стихия чиновничьего формализма и неуважения к людям.

Расскажу еще об одном случае. Здесь, правда, речь не о чиновничьем бюрократизме, а о самих изобретателях.

Мои сотрудники – И.Э.Бронштейн, В.В.Оробей и я разработали способ защиты от сочетанного воздействия ионизирующей радиации и СВЧ – поля. В этой разработке участвовала и сотрудница Агрофизического института Е.З.Гак, которая спросила нас, не возражаем ли мы против включения в список авторов изобретения и заведующего ее лаборатории (он же и директор института). Мы не возражали.

Прошел примерно год. „Красной стрелой” я возвращался из командировки в Москву. Моим соседом по двухместному купе был мужчина на вид лет пятидесяти. Мы разговорились. Он рассказал, что едет с сессии ВАСХНИЛа (Академии сельскохозяйственных наук). Я начал вспоминать, кто из моих знакомых имеет отношение к сельскому хозяйству и называю Е.З.Гак. Мой сосед заулыбался. Я спросил его откуда он ее знает. Он ответил, что работает вместе с ней в институте. Я, в свою очередь, спросил, где там, собственно, он работает.

– Видите ли, – ответил он, – я – директор этого института.

– В таком случае я могу назвать Вашу фамилию, имя и отчество.

Пришла очередь удивляться ему.

– Откуда Вы знаете мою фамилию.

– Видите, ли, – скромно потупившись сказал я, – дело в том, что мы с Вами соавторы одного изобретения.

На его лице появилась тень недоумения, но он все-таки вспомнил об этой нашей заявке. Утром, когда поезд подошел к Ленинграду, мы обменялись визитными карточками и попрощались.

Это произошло за неделю до Нового года. Обзванивая с поздравлениями своих друзей и знакомых, я нашел эту визитную карточку и позвонил ему.

– Н.Г., поздравляю Вас с Новым годом. Говорит Аркадий Нисонович Либерман.

– Спасибо, Аркадий Нисонович. Я Вас тоже поздравляю с Новым годом и еще кое с чем.

– С чем же еще? – спросил я.

– На нашу заявку на изобретение пришел положительный ответ из Института патентной экспертизы, – торжественно объявил Н.Г. – Приходите ко мне в институт второго января к 12-ти часам, я Вам его продемонстрирую.

(Здесь я хочу пояснить, что по определенным соображениям головным учреждением по нашей заявке мы выбрали институт, директором которого был Н.Г.)

В назначенное время я прибыл к своему соавтору. Он показал мне положительное решение на нашу совместную заявку. Потом он вызвал секретаршу, предупредил ее, что его в институте нет, заказал кофе и вынул из шкафа бутылку коньяка. Мы посидели часок...

Впоследствии он стал ректором Ленинградского сельскохозяйственного института в городе Пушкине, что в пригороде Ленинграда, академиком ВАСХНИЛ.

Я подумал, что если бы не случайная встреча в поезде, я бы никогда не увидел своего соавтора по изобретению.

На Чукотке

Вспомнились мои командировки на Чукотку. Первая поездка состоялась в декабре 1973 года. Мы с моим коллегой по институту Юрием Олеговичем Константиновым были назначены членами Государственной комиссии по приемке в промышленную эксплуатацию заполярной (и к тому же самой северной в мире) Билибинской атомной теплоэлектростанции (БАТЭЦ), т.е. атомной станции, предназначенной не только для выработки электроэнергии (для золотодобывающих предприятий и населения), но и для централизованного теплоснабжения поселка городского типа Билибино и близлежащих населенных пунктов. Принимались в эксплуатацию первые два энергоблока.

Из Москвы мы летели вместе с другими членами комиссии, которую возглавлял заместитель начальника Минатомэнерго СССР Дмитрий Иванович Тоников. Полет проходил по арктической трассе, вдоль побережья Северного ледовитого океана. Самолет долетел до поселка Черский, расположенного на Колыме, и сел на лед реки. Дальше полет прервался в связи с непогодой (была снежная вьюга).

За нами из Билибино прислали автобус „ПАЗ”. И вот мы проехали 300 километров по зимнику, т.е. дороге, проделанной бульдозерами в снегу. Температура воздуха была где-то ниже 40°С. Автобус, хотя он и шел со скоростью всего 25 километров в час, очень трясло. Я был одет в овчинную шубу, как у сторожей, в которую меня облачила наш институтский завхоз Тамара Алексеевна Кулеш, и в валенках. Усидеть в таком облачении на маленьком сиденьи было очень трудно. Вдобавок ко всему автобус не отапливался и все окна были замерзшие. Впрочем и смотреть было особенно нечего: кругом однообразная тундра, к тому же полярная ночь.

Через 12 часов такой езды мы прибыли в Билибино – районный центр Чукотского автономного округа. Разместили нас в одноэтажном бараке, который гордо назывался гостиницей. Там, наконец, мы отогрелись...

Мороз между тем крепчал – до минус 56°С. Было очень холодно, особенно для нас, не привыкших к подобным морозам. Стоило минут 20-30 побыть вне помещения, как начинало мерзнуть лицо. Внутри носа образовывались ледяные пробки, которые мешали дыханию. Мой коллега, Ю.О.Константинов даже в гостинице на время сна надевал на голову шерстяную шапочку. Однажды, когда температура поднялась до минус 40°С, я решил одеть ботинки с меховой подкладкой. Но потом я горько сожалел об этом: обе ноги, особенно левая, стали как деревянные колоды – промерзли основательно. В течение получаса я „приводил их в чувство” под краном горячей воды. Однако в течение длительного времени после этого держались боли в левом голеностопном суставе...

К Новому году строители не успели закончить подготовку к приемке двух энергоблоков; из Москвы разрешили сдать их в эксплуатацию „по

старому стилю”, т.е. к 13 января 1974 года. Поэтому этот Новый год (да и 1976 год, когда принимался четвертый энергоблок) нам с членами госкомиссии пришлось встречать на Чукотке.

Мы с Ю.О.Константиновым заказали на 31 декабря места в единственном в городке ресторане „Билибино”. Певица в сопровождении небольшого оркестра исполняла песню (в темпе фокстрота), в которой припев заканчивался словами:

*Городок геологов, городок искателей,
Городок Билибино светится в ночи.*

У меня сохранился наш счет из ресторана. Там значились, помимо водки (шампанское в то время на Чукотке было большим дефицитом), шесть стаканов компота (по причине нерентабельности завоза отсутствовали также безалкогольные напитки и поэтому водку запивали компотом).

Как я получил „строгача” за плохую воспитательную работу

Государственная политика, вроде бы направленная против сионистов из Израиля, захвативших в ходе двух войн часть арабских земель, не могла вместе с тем не отразиться и на евреях, живущих в самом Советском Союзе, особенно в крупных городах. Советские евреи, жившие в 50 – 70-е годы, помнят, конечно, это время.

У меня в лаборатории работал младшим научным сотрудником, физиком-дозиметристом А.И.П-ый. В начале 70-х годов он защитил кандидатскую диссертацию. Научными руководителями этой работы были я и Ирина Эльевна Бронштейн, старший научный сотрудник моей лаборатории.

Вскоре после получения А.И.П-ым кандидатского диплома меня с ним вызвал директор института. Я сразу понял: что-то произошло, т.к. обычно завлаба вместе с его сотрудником директор не вызывал.

Директор спросил у П-го, где он был такого-то числа. П-ый ответил, что ему трудно вспомнить, где он был в этот день, поскольку прошло уже две недели. Директор пояснил, что это было не совсем рядовое событие и вряд ли П-ый может его забыть. П-ый вытащил календарь, долго размышлял и, наконец, заявил, что вспомнил: в этот день вечером он, возвращаясь с работы, зашел в синагогу. Директор спросил П-го, что он делал в синагоге. П-ый ответил, что все пели (ведь был еврейский праздник Симхат-Тора) и он пел, все плясали и он плясал, а когда начали расходиться, и он ушел.

– Вот видите, А.И., Вы и сейчас говорите неправду, – говорит директор.

(Как выяснилось потом, в синагогу в разгар праздника пришли двое мужчин в белых халатах, якобы из соседней больницы, и стали требовать, чтобы народ расходился, т.к. „больным надо спать”. П-ый начал протестовать, чем обратил на себя внимание пожилого еврея – как оказалось, сексота, который находился в синагоге.)

Директор поинтересовался, зачем А.И. пришел в синагогу, разве он верующий? П-ый ответил, что он не верующий, но пошел в синагогу, потому что в нем „проснулось национальное самосознание”. Директор спросил, в чем, собственно, дело, разве его по национальному признаку притесняли в нашем институте. П-ый ответил, что в институте к нему относились нормально, дали возможность сделать диссертацию. Однако до прихода в институт ему по „пятому пункту” отказывали в устройстве на работу в нескольких учреждениях.

Тогда директор сказал, что после этого поступка он вряд ли может продолжать держать П-го в институте, и предложил ему уволиться „по

собственному желанию”. П-ый начал возмущаться, говорил, что это „нарушение прав человека”. На это директор возразил и сказал, что в таком случае его уволят, сократив его должность в штатном расписании.

Сразу после этого разговора П-ый зашел ко мне в кабинет: что делать? Я объяснил ему, что в сложившейся ситуации оба его научные руководители-евреи вряд ли реально смогут ему помочь, т.к. увольнение „по сокращению штатов” не может быть опротестовано, особенно в той ситуации, которая в те времена существовала в стране. Тогда П-ый сказал, что все равно он будет жаловаться вплоть до Верховного Совета.

Масла в огонь подлила встреча П-го с начальником первого отдела, который предложил расписаться в приказе о лишении П-го секретного допуска. В происшедшей словесной перепалке он назвал П-го „настоящим сионистом”.

На следующий день П-ый принес и показал директору жалобу на него в Верховный Совет СССР и попросил его расписаться в том, что он ознакомлен с ее содержанием. Тут директор окончательно вышел из себя и распорядился созвать по делу П-го так называемый „партпрофактив”.

На партпрофактив самого П-го даже не пригласили. Но выступления с „заклеймением сионистской деятельности” П-го тем не менее прозвучали. Оба зама директора по научной работе потребовали даже написать письмо в ВАК с предложением лишить П-го диплома кандидата наук. Надо вместе с тем отметить, что ни один сотрудник нашей лаборатории и отдела не выступил с осуждением. Напротив, два сотрудника (не евреи), выступили в защиту П-го, указывая, что он способный и перспективный ученый и в данном случае следует ограничиться замечанием. Тем не менее, решение партпрофактива – ходатайствовать об увольнении П-го – было принято. В том же приказе директора, которым П-ый был уволен из института, я получил строгий выговор „за плохую воспитательную работу”.

После увольнения из института П-ый проработал на заводе настройщиком-испытателем радиоэлектронной аппаратуры. Прошло 2,5 года, и он с семьей эмигрировал в США, где живет и в настоящее время.

Однако и много позже историю с П-ым руководство института не ставило мне в укор.

Поездки за рубеж

Из моих поездок за рубеж мне вспоминаются две командировки в ГДР. Первая из них состоялась в 1972 году, вторая – в 1973 году.

В первый раз я выехал в Потсдам на II-ой Международный семинар по индивидуальной дозиметрии. Мы тогда заседали в известном здании дворца в Цициеленгофе, в котором в 1945 году состоялась встреча глав государств-победителей во Второй мировой войне, включая и И.В.Сталина. Зал, в котором было подписано историческое Потсдамское соглашение, а также расположенные по его окружности комнаты делегаций, сохранились в том виде, какой они имели в момент подписания Потсдамского соглашения. Мы жили в небольшом отеле на втором этаже этого же здания.

Семинар продолжался с понедельника по пятницу включительно. А мы, два члена советской делегации (я и Б.В. из Москвы) прибыли в Берлин поздним вечером в воскресенье. Обратный билет на поезд был взят на вечер пятницы.

Доклад мой, посвященный путям совершенствования индивидуальной дозиметрии, прошел успешно. Уже наступил последний, пятый день работы семинара. У нас не оставалось даже времени, чтобы побродить по городу и купить подарки для родных и друзей. Покинуть вдвоем семинар было невозможно, поскольку на большом круглом столе в зале заседаний возле наших мест стоял государственный флажок СССР. Тогда мы с Б.В. решили разделить последний день работы семинара на две половины: с утра он ходил по магазинам, а после обеда я, снабженный уже схемами их расположения, начертанными моим напарником, посещал их. Было очень приятно на мои скромные командировочные привезти всем подарки.

Другая моя командировка проходила в Берлине, в институте, относившемся к Управлению по атомной безопасности и защите от

излучений ГДР. В то время я сотрудничал с этим институтом по проблеме действия ионизирующего излучения на кожу с целью нормирования такого излучения. Я не знал немецкого языка, а мой партнер с немецкой стороны, доктор Ленц, – русского. Первый день мы общались с помощью их переводчицы фрау М. Однако вскоре мы убедились в неточности ее перевода. И со второго дня разговорились на ломаном французском языке, который оба изучали в школах. И, в общем, понимали, хотя и не без труда, друг друга. На третий день пребывания в институте мой немецкий коллега говорит:

– Профессор Либерман. Вас хочет видеть руководитель нашего отдела профессор Ш. Кстати, он тоже говорит по-французски.

Мы пришли в кабинет к профессору Ш. Это был коренастый плотный мужчина лет шестидесяти пяти. Сели за столик. За чашкой кофе с коньяком Ш. стал в очень быстром темпе говорить по-французски. Я, как ни старался, почти ничего не понимал. Я попросил его говорить помедленнее. Он послушался меня, но вскоре опять перешел на беглую речь. Когда мы с доктором Ленцем вышли из кабинета, я его спросил, как удалось профессору Ш. так блестяще овладеть французским.

– Видите ли, профессор Либерман, – ответил Ленц, – дело в том, что профессор Ш. некоторое время жил во Франции, в Париже.

– И долго он там жил? – спросил я.

– Не очень долго – четыре года, с 1940 по 1944 год. (Это, как известно, был период немецкой оккупации Франции.)

Вопросов у меня больше не было...

После этой поездки состоялись еще четыре мои научные командировки в ГДР. Последняя из них, если не ошибаюсь, была в 1982 году. Мы со специалистами ГДР работали над проектом закона о радиационной безопасности населения. В ГДР такой закон действовал уже года два.

Моим партнером от ГДР был профессор Бурхардт. Будучи в гостях у него дома, я узнал небезинтересную историю его жизни.

Перед войной с Россией его, студента второго курса физического факультета Берлинского университета, мобилизовали в действующую армию. Он служил телеграфистом полка, был ранен в ногу летом 1942 года

и попал в советский плен. За время пребывания в России он хорошо изучил русский язык. В 1946 году его освободили. За полтора-два года он сдал экстерном экзамены за полный курс физического факультета и получил диплом.

Устроиться на работу в те тяжелые послевоенные годы в Германии было очень трудно. Бурхардт обратился за содействием к своему другу детства, который занимал какой-то пост в Министерстве образования ГДР. Тот сказал Бурхардту, что есть возможность поехать в СССР на несколько лет на стажировку по ядерной физике. Однако направляют только женатых.

– А я, – рассказывал мне профессор Бурхардт, – был еще холостым. Что делать? Я пошел к одной своей знакомой девушке и предложил ей в качестве моей жены поехать со мной в Россию. Она ответила отказом – в Россию она не поедет. Другая знакомая девушка тоже мне отказала. Я пошел посоветоваться, – продолжал он, – с моим приятелем, бывшим одноклассником. Там я встретил его сестру, которая на два года старше меня. И тут я сделал ей неожиданное предложение. Она его приняла. И вот результат: мы счастливо живем 34 года!

В СССР Бурхардт стажировался в крупных научных центрах и через три-четыре года защитил кандидатскую диссертацию. Затем он возвратился в ГДР и спустя какое-то время его пригласили в Москву в докторантуру. Через несколько лет он успешно защитил докторскую диссертацию, получил научное звание „профессор”. Он был постоянным представителем ГДР в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ) по радиационной безопасности.

Затем он вернулся на родину, где продолжал работать в качестве научного консультанта в уже упомянутом институте. Бурхардт был в то время единственным в ГДР крупным специалистом по радиационной безопасности, доктором наук, профессором.

Я осведомился, есть ли дети в их семье.

– У нас, – ответил профессор Бурхардт, – три сына. Первому – 32 года, второму – 28 лет, третьему – 24 года.

– Вы так запланировали, что имеете трех сыновей, родившихся с промежутками ровно в четыре года? – поинтересовался я.

– То, что сыновья рождались с промежутками ровно в четыре года, это было нами с супругой запланировано. А то, что родились именно только сыновья, – это распорядился Всевышний.

Профессор Бурхардт скончался в Берлине вскоре после нашей встречи. Это был незаурядный яркий человек, большой друг России.

В конце 80-х годов состоялись две мои командировки уже в ФРГ, в Мюнхен, где находятся Институт радиационной гигиены и Институт радиобиологии. С этими институтами в течение нескольких лет у нас было обоюдное сотрудничество по изучению медицинских последствий Чернобыльской аварии. Там же, уже в 90-е годы, прошли полугодовую переподготовку по биологической дозиметрии два сотрудника моего отдела – И.А.Зыкова и В.Б.Карпов.

Вспоминается и другая ситуация, где меня выручило знание (хоть и не очень хорошее) французского языка.

В начале 90-х годов я был приглашен в Стокгольм, в Шведский институт радиационной защиты. Это была уже вторая моя научная командировка в Швецию. В программу моего пребывания входило посещение атомной электростанции, расположенной неподалеку от Стокгольма, обсуждение вопросов разработки и практики применения радиационного законодательства в СССР и Швеции, а также мой доклад на советско-шведском семинаре по оценке социально-психологических последствий Чернобыльской аварии и путей их смягчения.

Моим партнером по сотрудничеству с шведской стороны был доктор Ларс Перссон – энергичный, широко образованный человек, живо интересующийся искусством, особенно балетом и классической музыкой. И, конечно же, он являлся высококлассным специалистом в области радиационной защиты.

Итак, снова возникла проблема: на каком языке общаться и делать доклад на семинаре? И снова выручил французский язык, который, надо

признаться, я знал хуже д-ра Перссона. Весь вечер и большую часть ночи я писал свой доклад на этом языке, а утром сделал его перед сотрудниками шведского института.

В сохранившемся у меня объявлении о семинаре большим жирным шрифтом было написано: докладчик – проф. А.Н.Либерман (СССР), переводчик с французского на шведский – д-р Л.Перссон. Доклад вызвал интерес присутствующих и я с помощью своего партнера ответил на несколько вопросов.

Когда Л.Перссон с ответным визитом посетил Петербург, то его гидом по Эрмитажу и переводчиком на французский язык была моя первая жена Инга.

С того времени прошло более десяти лет, но я до сих пор получаю переданные с оказией приветствия от моего шведского коллеги...

Пивная история

За время работы в институте мне и моим сотрудникам пришлось проводить расследование и участвовать в ликвидации последствий нескольких радиационных аварий. Эти аварии, конечно, не идут ни в какое сравнение с Чернобыльской катастрофой, но тем не менее они сопровождались радиоактивным заражением и, во многих случаях, лучевыми поражениями у людей.

Однажды, где-то в конце 60-х годов меня вызывает директор института М.А.Невструева и сообщает, что произошла какая-то радиационная авария на хорошо известном в стране пивоваренном комбинате. Что именно там случилось, она не знала. Минздрав РСФСР распорядился срочно отправить туда для расследования ситуации и принятия необходимых мер врача-гигиениста и инженера-физика.

Я собрал сотрудников лаборатории и спросил, кто больше всех любит пиво. Сразу поднялись руки двух приятелей – Валерия Петрова и Леонида Р. Я рассказал им о задании, и на следующий день они улетели.

Прошло недели две. В.Петров возвращается из командировки один. Я интересуюсь, а где же Леонид Р. Он что-то мнетя, но ничего толком не говорит. Проходит еще несколько дней. Я предупреждаю, что если он сейчас же не ответит на вопрос о его приятеле, я буду вынужден подать заявление в милицию на его розыск. Только после этой угрозы мне не без труда удается выяснить, в чем дело. Вот рассказ Валерия Петрова.

Когда приятели прибыли на место, их принял главный инженер комбината.

– Вам, наверно, интересна история этого старейшего в России пивоваренного производства.

Друзья кивнули, и главный инженер продолжал:

– В древней Руси пива не было. Уже значительно позже напиток, похожий на пиво, появился. Вкус у него был примерно такой.

Он позвонил секретарше и в кабинет принесли три поллитровые кружки. Все выпили.

Главный инженер продолжал:

– Уже значительно позже, в таком-то веке местный купец побывал в Баварии и ему очень понравилось тамошнее пиво. По возвращении домой он послал двух своих работников в Германию учиться на пивоваров. Он организовал у себя небольшую пивоварню. Это пиво стало явно напоминать баварское. Вот примерно такое.

Он позвонил и снова принесли три кружки пива. Выпили.

Рассказ между тем продолжался:

– Затем технология изготовления пива совершенствовалась и пиво стало более близким современному русскому пиву.

Снова принесли три кружки пива.

Леонид Р. стал проявлять беспокойство: не пора ли идти на место происшествия. Главный инженер успокоил его, что они сейчас туда пойдут, но все же попросил разрешения закончить свой рассказ.

– А сейчас, – сказал он, – я продемонстрирую Вам наше фирменное пиво.

Он что-то шепнул секретарше и опять принесли три кружки. Выпили...

И вот, когда приятели вместе с главным инженером спускались с крыльца, Леонид Р. не заметил ступенек и рухнул вниз. Совсем как в фильме „Бриллиантовая рука”: упал, проснулся – гипс. Перелом ноги.

Задание Минздрава Валерию Петрову пришлось выполнять в одному.

Выяснилось, что аварию обнаружили после того, как заметили, что стал здорово ошибаться радиоизотопный счетчик готовой продукции (бутылок с пивом). Он начал показывать то явно завышенное, то явно заниженное количество бутылок. Источником излучения в этом радиоизотопном приборе был радиоактивный стронций-90, очень небольшой активности. Когда открыли свинцовый блок контейнера, оказалось, что источника там нет (попросту говоря, источник кто-то похитил). Однако при этом произошло загрязнение наружных стенок блока и излучение шло уже из нескольких точек. Поэтому счетчик так сильно ошибался. Была проверена на радиоактивность вся готовая продукция, а также оборудование и помещения комбината. Радиоактивного загрязнения, к счастью, не было выявлено. Бочка с пивом, присланным на исследование в институт, тоже оказалась чистой, а пиво – отменным.

Эта трагикомическая история вошла в анналы института.

Автомобильные байки

У меня рано проявился интерес не только к паровозам и поездам. Я уже в раннем детстве любил рисовать (почему-то только вид сбоку) автомобили. Я завидовал тем, кто водил или ездил на „Линкольнах” и „Фордах”. Особенно нравились мне кабриолеты с открытым верхом, клаксонами, с массой никелированных деталей. Надо сказать, что в начале 30-х годов автомобилей в Ленинграде было мало. Основным видом транспорта был трамвай и извозчики.

Помню, что у нас во дворе на Социалистической (бывшей Ивановской) улице был гараж. Каждое утро я наблюдал, как пожилой шофер что-то делал у машины, заливал в радиатор воду и заводил двигатель с помощью рукоятки. Я познакомился с водителем, и он разрешал мне приносить ведро воды для радиатора, а потом приглашал меня сесть рядом с ним. Это был настоящий восторг – сидеть в открытом автомобиле, взирать на прохожих сверху вниз, а главное – ехать! Водитель высаживал меня из машины возле своего учреждения, находившегося на улице Рубинштейна (бывшей Троицкой) в двух кварталах от моего дома.

Эту страсть к „моторам” я пронес через всю жизнь. Помню, когда много позже служил в Приморье, то стал просить моего сослуживца И.К. поучиться ездить на его мотоцикле „ИЖ-350”. По тем временам (50-е годы) это была сильная машина, пользовавшаяся популярностью. Он разрешил мне поехать на первой передаче вокруг него на аэродроме. Затем получилось так, что мы с И.К. на его мотоцикле поехали в военноморской госпиталь. Пока я ходил по делам, И.К. успел довольно прилично „отметиться”: и с трудом стоял на ногах. И я, воспользовавшись ситуацией, получил таки его разрешение сесть за руль мотоцикла. Он сел сзади на место пассажира.

Вначале поехали тихо – на первых двух передачах. Потом, когда выехали на шоссе, И.К. разрешил мне перейти на третью, а потом и на четвертую передачу, добавив при этом, что он за меня спокоен. Это воодушевило меня. Мы проехали тридцать километров и на вершине небольшой возвышенности мне следовало повернуть налево, в сторону нашего военного городка. Я достиг развилки дорог и тут (поскольку И.К. предупредил меня: „Только сильно не тормози!”) не вписался в поворот, и мы уже на малой скорости съехали в кювет. Причем получилось так, что вначале упал И.К., на него упал я, а на меня упал мотоцикл. И.К. отделался испугом, у меня от удара на бедре образовалась большая гематома, а мотоцикл остался цел-целехонький...

Мысль иметь собственный автомобиль не покидала меня все годы. И вот, в 1973 году такая возможность, наконец, представилась.

Читатели, возможно, помнят, что в 1970 году на Волжском автозаводе в Тольятти начался серийный выпуск „Жигулей”. В первые годы выпуска этого автомобиля на заводе стояло все итальянское оборудование. Очередь на эти машины установилась огромная: записывались, получали номер и еженедельно отмечались в продолжение многих месяцев, а нередко и лет.

Я случайно узнал, что для „заслуженных людей”, к коим в те времена работники горисполкома относили и профессоров, существует „своя”, значительно более короткая очередь. Я записался и через полгода купил „копейку” (так называлась первая модель „Жигулей”) цвета белой ночи. Деньгами мне помогли мама и родственники.

За полгода до покупки машины я окончил шоферские курсы при фабрике „С”. Учили ездить нас на грузовике „ГАЗ-51”. Считалось, что обучение шоферскому делу пригодится на случай войны; поэтому школа была под эгидой ДОСААФа.

Теоретический экзамен я сдал. Экзамен по практическому вождению проходил на той же машине, на которой мы учились. Перед началом экзамена, пока экзаменатор из ГАИ принимал душ, староста группы С.Г. стал собирать у нас для него по пятнадцать рублей. Потом он подошел ко мне и шепнул:

– В первую ездку не садись!

В нашей группе было четырнадцать человек. Половина из них (та, что села во вторую ездку) экзамен сдала, а другая половина (те, которые отказались дать деньги) экзамен провалили...

Понимая, что навыки вождения у меня еще довольно слабые, я первое время ездил на своей „копейке” с инструктором – нашим другом Володей Плинером, мужем Норы, сослуживицы моей жены по Больнице скорой помощи им. Коняшина. У нас с этой семьей на многие годы установились добрые, отношения. Уже двадцать лет Норы нет в живых. Это была очень интересная и красивая женщина, подруга моей жены Майи. Володя после выхода на пенсию (он работал на оборонном предприятии) работает реставратором мебели в Академическом Большом драматическом театре им. Товстоногова. У него взрослая дочь Маша и чудесная внучка Асенька.

Итак, Володя стал прививать мне практические навыки езды на автомобиле. Мы ездили с ним (я был за рулем!) на их дачу в Горьковскую, что по дороге на Выборг.

После этого он решил потренировать меня уже в городе. В один из выходных (как сейчас помню, 1 сентября 1973 года) мы выехали из его гаража и поехали к нашему дому. Мне очень хотелось, чтобы Майя увидела меня за рулем в городе. И тут возникла неожиданная трудность: нужно было припарковаться между двумя, довольно близко (на мой взгляд) стоявшими друг от друга автомобилями. Я пытался втиснуться между ними спереди – не получилось. Тогда Володя предложил мне стать влево от передней машины и заехать задним ходом. И вот, когда я поставил машину в исходную для маневра позицию, загородив тем самым узкий проезд, то заметил в зеркале заднего вида грузовик, ставший за моей машиной. Я вопросительно посмотрел на Володю: что делать? Он велел мне стоять и не двигаться. Я было пытался убедить его, что нам надо уехать с тем, чтобы освободить проезд. Короче, грузовик, гуднув пару раз и не дожидаясь пока наша машина освободит проезд, выехал левыми колесами на газон и потихоньку двинулся вперед, почти вплотную к моей машине. И тут раздался негромкий удар и что-то упало на асфальт. Я дал длинный гудок. Грузовик остановился. Стойка левого зеркала была сломана, а само зеркало валялось на асфальте.

Началось выяснение отношений. Из многих окон двух домов высунулись жильцы, с интересом наблюдая за происшествием. Я начал уговаривать Володю, чтобы мы уехали и не срамились из-за каких-то двух червонцев. Но Володя, считая, по-видимому не без оснований, что нанесенный ущерб должен компенсировать виновный, т.е. водитель грузовика, не согласился.

В окне второго этажа показался мой сосед С.Ф., подполковник милиции, работавший в это время в ГорГАИ по техническому осмотру автотранспорта. Я попросил его спуститься. Он, как был в домашней пижаме, подошел к водителю грузовика и начал убеждать его в виновности в этом происшествии. Как только спустился С.Ф., из квартиры на четвертом этаже, подошел к нам У. и стал собирать у столпившихся

вокруг людей какие-то подписи. Дело кончилось тем, что мы с Володей уехали, и вскоре уехал грузовик.

Буквально через несколько дней после этого происшествия С.Ф. попросил меня зайти к нему, дал лист бумаги, ручку и стал диктовать заявление в ГорГАИ, приложив уже подготовленную им схему дорожно-транспортного происшествия. Я спросил его, зачем это надо – ведь мы в конце концов разъехались.

С.Ф. объяснил мне ситуацию:

– Ты, что, Аркадий, думаешь? У. – мой бывший сослуживец и „доброжелатель” еще по работе в „органах”. Он накатал на меня целую „телегу”. Он обвиняет меня, что я незаконно получил звание подполковника, незаконно получил эту квартиру, что моя жена незаконно получила инвалидность 1-й группы (она вскоре умерла), что я использую служебную машину в личных целях. А подписи (всего их было 36) якобы как свидетелей ДТП У. приложил к своему письму. Получилось, что эти люди, которые самого письма вовсе и не видели, стали его подписантами. Так что речь идет уже не о тебе, а обо мне. В отношении меня возбуждено служебное расследование.

Через пару дней я получил повестку с предложением явиться в ГорГАИ к следователю. Показываю эту повестку С.Ф. Он советует мне не волноваться, а сходить по вызову и узнать, в чем дело. Когда я пришел к следователю ГАИ, он первым делом забрал у меня водительское удостоверение. На мой недоуменный вопрос, в чем дело, ведь не я виновник инцидента, он ответил, что разберутся.

Вечером я пришел к С.Ф. и рассказал ему о посещении следователя. Он возмутился:

– Что они там с ума посходили?

На следующий день мы с С.Ф. пошли к начальнику следственного отдела ГорГАИ. Он выслушал меня. С.Ф. подтвердил сказанное. Начальник отдела сказал:

– Ваше водительское удостоверение, профессор, мы сейчас Вам возвратим. А с тобой, С.Ф., мы еще поговорим.

Удостоверение мне вернули. В результате служебного расследования, все обвинения в адрес С.Ф., кроме использования им служебного автомобиля в личных целях, не подтвердились. Тем не менее его из милиции уволили. Он вскоре устроился работать на газозаправочную станцию, а спустя несколько лет умер. После своего увольнения из ГАИ, С.Ф. при встречах со мной с горькой усмешкой говорил:

– Вот видишь, Аркадий, что случилось из-за твоего зеркала...

Я сохранил добрую память об этом простом, отзывчивом и эмоциональном человеке.

Из этой довольно странной истории я убедился, что с ГАИ лучше не иметь дело. Но в жизни все оказалось иначе...

Спустя два года в хороший летний день мы с женой Майей ехали на машине. Я завозил ее на работу на Московский проспект, а сам ехал к себе в институт на Петроградскую сторону. Мы опаздывали. И тут, я заметил, что из крайнего левого ряда, отделенного от моей полосы сплошной разметкой, пытается втиснуться „ГАЗ-69”. И тут я сделал большую ошибку. Вместо того, чтобы уступить ему дорогу (хотя он явно нарушал правила дорожного движения), я гуднул пару раз и погрозил ему пальцем: „дескать куда ты лезешь?”

Мое буквально двухсекундное отвлечение не прошло без последствий. Волга „М-20”, которая ехала впереди меня, в этот момент затормозила, а я затормозить не успел. Результат: разбитый задний фонарь и помятое заднее крыло у этой машины, а у меня – разбитая фара и сильно помятое крыло. Я предложил потерпевшему денежную компенсацию (это составляло примерно 150-200 рублей по тогдашним ценам). Он отказался. Я предложил тогда поехать с ним на станцию техобслуживания и оплатить весь ремонт по счету. Он снова отказался и вызвал ГАИ.

Приехал старшина, посмотрел на наши машины, улыбнулся и произнес:

– Я даю Вам десять минут, чтобы Вы договорились. В противном случае отбираю у Вас обоих водительские удостоверения. Вам, – он повернулся ко мне, – грозит до года лишения прав, а Вам, – обратился он к потерпевшему, – придется немало времени подождать, пока расследование закончится, и Ваша машина пройдет экспертизу.

Милиционер отошел в сторону и закурил.

Я предложил Ц. (потом я узнал его фамилию) прислать моего мастера, чтобы тот выправил ему крыло. Он потребовал у меня в залог паспорт. И я отдал ему свой гражданский паспорт.

Я не буду утомлять читателя всеми подробностями этой не приятной для меня истории. Скажу лишь, что работу моего мастера Ц. забраковал; названного им же самим мастера он так и не подпустил к своей машине. Поврежденные запчасти, в том числе и новое крыло, я ему в присутствии свидетеля отдал и предложил деньги за его покраску и монтаж. От денег он отказался. Однако свой паспорт мне удалось получить только спустя полмесяца через милицию.

С момента этого происшествия прошло около десяти месяцев. Я сидел на совещании у директора института. Секретарша сообщает директору, что звонят из Смольного (там, как читатель, видимо, знает, находились обком и горком КПСС). После окончания совещания директор попросил меня задержаться и спросил, что такое я натворил, т.к. из-за меня его вызывают в горком. Я пожал плечами. (Об автомобильном инциденте директору, тоже автолюбителю, в свое время я рассказал, и он советовал не поддаваться шантажу.)

После возвращения из горкома директор сообщил мне, что Ц. „накатал” жалобу на имя секретаря горкома КПСС с требованием привлечь меня к строгой партийной ответственности. Я заметил, что этот инцидент никакого отношения к партийным органам не имеет и что директор мог бы сказать об этом. Он сказал, что говорил это, но инструктор горкома сказала, что он просто защищает своего провинившегося сотрудника. Мне было предложено на следующий день к 12 часам прибыть в горком.

Молодому читателю, возможно, будет все это непонятно. Но в те времена (1975 год) партийные органы вмешивались буквально во все стороны жизни, считали вправе давать указания и накладывать строгие партийные взыскания. Процветало так называемое „телефонное право”: одного звонка из горкома (или райкома) было достаточно, чтобы уволить человека с работы, исковеркать всю его жизнь. Понимали это абсолютно все. Мое положение тогда было не очень устойчивым: помимо „пятого

пункта”, еще была свежа в памяти история с моим бывшим сотрудником П-ым, изгнанным из института за посещение синагоги, а мой „строгач” оставался еще не снятым.

В кабинете у инструктора горкома, которая активно подыгрывала находившемуся тут же Ц., он предъявил акт технической экспертизы его автомобиля, с датой аж спустя десять месяцев после самого происшествия. Сумма была проставлена приличная – около 600 рублей, что во много раз превышало фактическую стоимость ремонта с учетом того, что все запчасти я уже вернул.

Я чувствовал себя как щепка в бушующем океане. Ощущение полной беспомощности перед властью имущими... Видя мое состояние, Майя сказала:

– Аркаша, я просто боюсь, что у тебя от всего этого может быть инфаркт. Одолжим деньги и отдадим твоему „приятелю”.

Как выяснилось, Ц. был директором фабрики ортопедической обуви. У него на фабрике, помимо ортопедической обуви, по-видимому, изготовлялась и хорошая обычная обувь по „спецзаказу”. Во всяком случае в горкоме он был своим человеком...

И вот в „штабе революции Смольном” на столе инструктора горкома состоялась передача денег в обмен на расписку Ц., что он больше претензий ко мне не имеет.

Вспоминается и другой эпизод. Втроем (я, Майя и ее покойный ныне папа Элиазар Моисеевич) мы ехали в курортное местечко Усть-Луга, находившееся на эстонской территории на берегу Финского залива. Оставалось уже километров пятнадцать. Чтобы не опоздать в магазины до обеденного перерыва, я прибавил скорость до 110 километров в час. Дело было в солнечный день в начале апреля, но снег на полях еще не растаял. Свернув на плавном повороте дороги, я заметил где-то впереди метрах в ста пятидесяти трактор с прицепом, который начал делать левый поворот (дорога была однополосная в каждом направлении) и загородил мне дорогу. Тормозить было уже поздно, и я направил машину в поле. Мне посчастливилось уклониться от встречи с телеграфным столбом, на котором была дощечка с указанием маршрутного автобуса, а вот от

столкновения со скамейкой (два столбика и доска) мне уже уклониться не удалось. В итоге у машины оказались смятыми рычаг само колеса и крыло, а левое колесо вывернуто наружу градусов на двадцать.

В итоге я же оказался и виноват. Гаишник, конечно, защитил своего, эстонского тракториста, который до его приезда успел сдать назад. Вроде и дороги он мне и не загораживал.

Одно из ДТП произошло у меня где-то в начале 80-х годов. Моя мама как ветеран Великой Отечественной войны отдыхала в военном санатории на берегу Ладожского озера. В один из выходных дней я решил ее проведать. Погода была мерзкая, шел мокрый снег, была гололедица. А протекторы на шинах моего автомобиля были уже порядком изношены.

И вот в районе деревни Бугры (название это соответствовало месту) на повороте дороги при небольшой, около 50 километров в час, скорости я плавно повернул руль по направлению изгиба дороги влево, а непослушная машина продолжала двигаться в прямом направлении. И по довольно крутому откосу я съехал вниз в поле. При этом неожиданном для меня съезде был момент, когда левые колеса оторвались от земли и машина покачнулась вправо. У меня мелькнула мысль: только бы не перевернуться. Ведь что подумает мама, которая ждет моего приезда.

Шедший за мной большой автокран остановился. Из него вышли трое молодых парней:

– Ну, что, папаша! Ты родился в рубашке. Сыграть с такого откоса и не перевернуться.

Мы быстро договорились и за поллитра водки они меня вытянули стрелой крана и поставили на дорогу. Когда они уехали, я просидел в оцепенении еще минут двадцать – слишком велико было пережитое волнение.

Наконец, я включил зажигание. Раздался сильный шум, напоминающий рокот пролетающего на малой высоте самолета. Я осмотрел сверху двигатель – никаких повреждений вроде не было. Что делать? Несмотря на сильный шум, я проехал километров десять. Там у дороги оказалось гаражное хозяйство. Машину подняли на подъемнике. И оказалось, что

металлический щит, осуществляющий защиту картера, погнулся и при вибрации двигателя издавал этот сильный шум. Ребята из гаража сняли защиту картера, и я уже без всяких приключений продолжил свой путь...

Я очень полюбил автомобиль – он практически безотказно служил мне. Да мог ли я пройти мимо гаража во дворе моего дома, чтобы не открыть его и не выгнать мою милую „кобылу“? Ездил я почти ежедневно и при любой погоде. Зимой гараж заносило снегом. Приходилось иногда до получаса расчищать выезд. Потом ждать пока двигатель прогреется и чистить обледеневшие стекла. В итоге, я тратил на дорогу на работу в один конец более часа, хотя на метро мог доехать за сорок минут. Как говорится, охота пуще неволи.

Мы с Майей много путешествовали на автомобиле, побывали в Севастополе, Воронеже, Москве, Новгороде, в Приладожье и, конечно, в Прибалтике. Так, например, молочные продукты, обувь, одежду мы покупали в Нарве, а за грибами иногда ездили аж за четыреста километров – в эстонскую Эльву. Там, на опушке леса мы оставили автомобиль, а потом более трех часов не могли его найти...

После летнего отдыха в пансионате под Воронежом мы решили совершить путешествие по „Золотому кольцу“ – по старинным русским городам в средней полосе России. Посетили Рязань. Далее дорога проходила через городок Тум по территории Владимирской области. На карте, по которой мы ехали, этот путь был отмечен двойной жирной чертой, что означало дорогу союзного значения. Однако шоссейная дорога вдруг прервалась и началась земляная дорога через лес. Одним словом, дорога оказалась нанесенной на карту, но на границе двух областей недостроенной (как у нас в Союзе нередко бывало).

Перед этим, как назло, прошли сильные дожди. Машина застряла в большой глубокой луже. Когда я открыл дверцу, вода хлынула в салон и заполнила его почти до сидений. Выхлопная труба оказалась тоже под водой. На дороге – ни души. Но вот часа через два, когда уже стемнело, появляется, наконец, грузовик, идущий в нашем направлении. Машина останавливается возле нас, и водитель представляется: „Боря, с Пилтавы“. Он вытянул нас тросом из воды и провез на буксире еще километра два,

пока мы не остановились на берегу большого водоема. На другом берегу мы заметили автомобиль и разбитую возле него палатку. (Это, очевидно, были люди, ехавшие по такой же карте, но в обратном направлении).

Боря сказал, что надо дождаться рассвета. У него оказалась горилка и сало, у меня водка и тоже закуска. Пока мы в кабине грузовика вели дружескую беседу, Майя маленькой железной кружкой вычерпывала из салона нашей машины воду...

Когда, наконец, мы выехали на шоссейную дорогу Москва – Волгоград, то обнаружили, что между дном и выхлопной трубой моей машины застряла большая ветка (целое дерево). Мы вытащили ее и поехали дальше. Возле Гусь-Хрустального мы расстались с Борей. После этого он дважды приезжал в Ленинград, привез нам мешок отборной картошки.

В Гусь-Хрустальном мы жили у моего сослуживца Соломона Наймагона (того самого, который провожал меня в Дальнем, когда меня перевели служить в Приморье). Он, главный врач городского родильного дома, устроил экскурсию на знаменитый стекольный завод, где нам продали так называемую „некондицию”.

Обратный путь через Москву в Ленинград прошел без происшествий.

Как я встретился с Аркадием Райкиным

Среди артистов советской эстрады второй половины прошлого века особенно выделялся народный артист СССР Аркадий Райкин. Это было редкостное явление: в условиях тоталитарного режима высмеивать самые мерзкие проявления этого режима. За свои попытки отстаивать творческую свободу А.И.Райкин расплачивался инфарктами и сердечными приступами.

Аркадий Райкин со своей небольшой труппой в течение многих лет выступал в Ленинградском театре эстрады. Мне во время отпусков (я

служил тогда вдали от Ленинграда) неоднократно посчастливилось бывать на его блестящих выступлениях. Я внимательно следил за его творческими успехами вплоть до смерти этого выдающегося артиста.

Моя неожиданная встреча с А.И.Райкиным произошла четверть века тому назад. Мы с женой отдыхали в санатории в Юрмале и встретили там моего коллегу, академика АМН СССР Ф.Г.Кроткова с женой. Они пригласили нас повторить вечернюю прогулку.

На следующий день мы встретились у входа в правительственную дачу бывшего IV Главного управления Минздрава СССР, где Ф.Г.Кротков с женой отдыхали. Они вышли вместе с Аркадием Райкиным и его женой, Рома, артисткой его театра, которые, тоже отдыхали на этой даче. Мы их, конечно, сразу узнали.

Так получилось, что во время прогулки мы с А.Райкиным оказались позади остальных. А.Райкин, как мне показалось, был грустным.

И тут я задал ему вопрос, который давно интересовал меня:

– Аркадий Исаакович! Вот Вы очень остро и смело, как никто другой из наших артистов эстрады, высмеиваете людские пороки, негативные стороны нашей жизни. Как Вы полагаете, насколько эффективны Ваши сатирические выступления, помогают ли они преодолевать эти недостатки?

Аркадий Райкин немного помолчал, а потом сказал:

– Вы знаете, этот вопрос меня тоже очень интересует. Приведу Вам пример. Вы, очевидно, смотрели мой скетч „Белый рояль”?

(Я прекрасно помнил этот скетч – там шла речь о ретивом хозяйственнике с овощебазы, который в конце года, дабы не пропали выделенные средства, купил для своей базы большой белый концертный рояль.)

– Идея этого номера, – продолжал А.Райкин, – возникла у меня после нашего концерта на большом военном корабле. Командир корабля

пригласил нас пообедать с офицерами в кают-компании. Я заметил в углу кают-компании большой рулон панбархата и спросил командира, зачем на военном корабле этот материал. Командир мне ответил:

– Как же, Аркадий Исаакович, разве Вы не знаете, что если мы израсходуем выделенные на год деньги не полностью, то бюджет на следующий год будет на эту сумму сокращен. Вот мы и были вынуждены истратить остаток денег.

– Этот эпизод, – продолжал А.Райкин, – произвел на меня сильное впечатление, и мы подготовили скетч „Белый рояль”. Перед его включением в программу концерта я решил все же удостовериться, так ли это обстоит на самом деле. Я позвонил министру финансов СССР А.Звереву и попросил разрешения показать ему этот скетч. Когда мы с партнером пришли, министр спросил меня, не возражаю ли я, если он пригласит посмотреть наше выступление своих заместителей. В просторном кабинете набралось человек тридцать. Все живо реагировали на скетч, смеялись, дружно аплодировали.

Потом мы остались с министром вдвоем. Я спросил его:

– Судя по реакции на показ „Белого рояля”, такое явление не является единичным случаем.

– Да, – согласился министр, – к большому сожалению, это довольно типичное явление.

– Так почему же Вы, товарищ министр финансов, не издадите приказ с тем, чтобы запретить разбазаривание государственных денег?

– К сожалению, это я сам не могу сделать, – ответил А.Зверев. – Для этого нужно указание свыше, – и он многозначительно показал на потолок.

– Я решил пойти „выше”, – продолжал А.Райкин, – и позвонил ... Впрочем, поверьте мне, я позвонил очень высокопоставленному руководителю страны. Он меня внимательно выслушал и произнес :

– Спасибо, Вам, товарищ Райкин, за это сообщение. Мы, безусловно, примем самые решительные меры, чтобы покончить с этим безобразием.

– А теперь, – обращаясь уже ко мне, спросил А.Райкин, – как Вы думаете, сколько времени прошло с этого разговора? Больше пятнадцати лет! А что-нибудь изменилось с тех пор?

После моего отрицательного ответа Аркадий Райкин спросил меня:

– Как вы полагаете, я ответил на Ваш вопрос?

С этой встречи произошло много событий в стране и мире. Но я и сейчас хорошо помню каждое слово Великого Артиста и его грустные глаза.

Чернобыльская катастрофа

Научная тематика моей лаборатории была довольно широка. Проводились дозиметрические, радиационно-гигиенические и экспериментальные исследования, целью которых была оценка влияния малых доз ионизирующего излучения на организм человека и разработка мер защиты (включая нормирование облучения). Помимо радиационно-гигиенической оценки мягкого рентгеновского излучения, мы проводили изучение проблем гигиены труда и радиационной безопасности в разных отраслях промышленности при гамма-дефектоскопии, на мощных (активностью до нескольких миллионов кюри) радиоизотопных установках, при использовании радиоизотопных приборов, а в середине 70-х годов, и вопросов гигиены труда персонала атомных электростанций. В одной из лабораторий нашего института, руководимой Юрием

Олеговичем Константиновым, проводилась разработка проблемы „АЭС, окружающая среда и защита населения”.

Должен сразу оговориться, что мы не занимались ядерной безопасностью на АЭС – эту проблему изучали в Курчатовском и других специальных институтах. По проблеме гигиены труда и радиационной безопасности АЭС и других ядерных установок с момента их проектирования и при эксплуатации широкомасштабные исследования проводил в основном Институт биофизики Минздрава СССР (впоследствии – России), с которым у нас давно установились полезные научные контакты.

И вот в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года грянула катастрофа на Чернобыльской АЭС. Грянула неожиданно, как снег на голову. Разбор причин этой катастрофы выходит далеко за рамки моих воспоминаний. Об этом уже много написано.

Хочу отметить лишь один любопытный момент. В начале февраля, за два с половиной месяца до катастрофы, в „Известиях” была опубликована короткая заметка. В ней сообщалось, что, „включившись в социалистическое соревнование, строители и эксплуатационники 4-го энергоблока ЧАЭС приняли повышенное социальное обязательство: пустить в промышленную эксплуатацию этот энергоблок досрочно, сэкономив, таким образом, стране столько-то миллиардов киловатт-часов электроэнергии”. Пустили...

О катастрофе на ЧАЭС в нашем институте узнали из короткой заметки в центральных газетах. Никто не мог себе даже представить ее масштабы и последствия. В последних числах апреля из Минздрава России пришло распоряжение: срочно направить для участия в работе государственной комиссии по расследованию ситуации на станции двух наших ведущих специалистов в области радиационной дозиметрии. Мы уже знали, что во всех районных центрах на загрязненных территориях проводятся ежедневные измерения гамма-фона.

Наступает 12 мая. Я прихожу к директору института и прошу направить меня с физиком-дозиметристом и радиохимиком в западные районы Брянской области. Директор интересуется, почему именно в Брянскую. Я

отвечаю, что от западных районов этой области до Чернобыля всего 70 километров. Директор достает карту, берет циркуль и подтверждает эту цифру. Затем он меня спрашивает, что я там планирую делать, и с усмешкой говорит:

– Ну, вот что. Идите и составьте программу работ. Посмотрим, что Вы там сотворите.

Не прошло, однако, и двадцати минут после этого разговора, как мне звонит секретарь и сообщает, что меня ждет директор. Я прихожу к нему. Вид у него немного растерянный. Он говорит мне:

– А Вы, Аркадий Нисонович, как в воду смотрели. Только что позвонил Константин Иванович Акулов (заместитель министра здравоохранения РСФСР) и приказал срочно отправить в Брянскую область квалифицированных специалистов – гигиениста, физика-дозиметриста и радиохимика. (Одновременно поступило указание направить специалистов института в Калужскую, Тульскую, Орловскую и Рязанскую области.) Так, что немедленно отправляйтесь. Сориентируетесь на месте.

И вот наша бригада – я, старшие научные сотрудники, кандидаты наук физик-дозиметрист Геннадий Яковлевич Брук и радиохимик Лариса Анатольевна Теплых прибыли в Брянскую областную СЭС. В отделе радиационной гигиены я распределил задания: Г.Я.Брука попросил разобраться с методиками и результатами дозиметрических исследований, проведенных в западных районах области; Л.А.Теплых поручил проверить методики радиохимических исследований и помочь в проведении наиболее сложных анализов. Сам же попросил принести мне журнал телефонограмм, в который раз в три часа по каждому из тридцати районных центров Брянской области заносились данные по уровню гамма-фона. Взяв миллиметровую бумагу, я начал строить графики изменения гамма-фона, начиная с конца двадцатых чисел апреля 1986 года, по шести наиболее радиоактивно загрязненным районам. Одного взгляда на эти кривые было достаточно, чтобы понять, что радиационная обстановка в этих местах чрезвычайная. После небольшого спада уровней гамма-фона, совпавшего с периодом сбрасывания в разрушенный реактор различных радиозащитных материалов, наблюдался второй подскок гамма-фона в

первые два дня мая и только затем обнаруживалась очень медленная тенденция к снижению этого показателя. Стало ясно, что сообщения о якобы осуществленной локализации аварии не соответствуют действительности. Разрушенный реактор продолжал „пыхтеть” и выбрасывать большое количество радионуклидов.

Прошло примерно три часа с момента нашего прибытия в Брянск. И вот меня срочно вызывают к телефону в кабинет Главного государственного санитарного врача области Владимира Самойленко. На проводе – заместитель министра здравоохранения К.И.Акулов. Разговор с ним был по-военному коротким:

– Нахожусь, – сказал К.И.Акулов, – в Красной Горе. (Это один из наиболее загрязненных в результате аварии населенных пунктов.) Завтра утром на санитарном самолете прилечу в Брянск. К 10 утра подготовить доклад с анализом и прогнозом радиационной обстановки.

И вот остаток вечера и всю ночь мы с Г.Я.Бруком сидели, анализировали имеющийся материал, готовили графики и таблицы. Надо сказать, что к этому времени отсутствовали данные по радионуклидному загрязнению внешней среды и пищевых продуктов во многих населенных пунктах. Не было также данных о дозах внешнего и внутреннего облучения населения. Поэтому, естественно, прогноз пришлось нам составлять ориентировочный. Однако даже по далеко неполным данным получалось, что на загрязненные территории Брянской области могло выпасть порядка не менее одного миллиона кюри радионуклидов (в последующие месяцы, по данным уточненного прогноза, эта величина составила от двух до трех миллионов кюри). В работе по оценке ситуации, сложившейся после Чернобыльской катастрофы, мне в определенной мере помог опыт расследования и ликвидации последствий других радиационных аварий, конечно, неизмеримо малых по сравнению с аварией на ЧАЭС.

Рано утром пришла машинистка и напечатала наш доклад. В 10 часов утра началось совещание с участием К.И.Акулова, В.Самойленко, заведующей отделом радиационной гигиены Брянской областной СЭС Е.Н.Шапошниковой и членов нашей бригады. Я дал оценку сложившейся ситуации, проиллюстрировал ее таблицами и графиками. К.И.Акулов нервно ходил по кабинету, курил. Затем он меня прервал:

– Вы, профессор, эти научные штучки-дрючки бросьте. Докладывайте по-существу.

– Константин Иванович, это никакие не штучки-дрючки, а, как говорится, суровая *s'est la vie*. Обстановка очень сложная и противоречивая. Поэтому надо тщательно проанализировать и осмыслить хотя бы те, пока, к сожалению, весьма немногочисленные данные, которые имеются в нашем распоряжении. Без этого невозможно составить даже ориентировочный прогноз и выработать меры по смягчению ситуации. Я прошу еще двадцать минут для завершения доклада.

После этого я закончил анализ ситуации, сообщил наш предварительный прогноз и сформулировал около десяти предложений по первоочередным мерам, направленным на смягчение обстановки и снижение доз облучения населения на радиоактивно загрязненных территориях.

Воцарилось молчание. Вдруг К.И.Акулов подходит к Г.Я.Бруку и спрашивает его:

– Кто Вы?

– Я Брук, старший научный сотрудник, специалист по радиационной дозиметрии.

– Специалист, говорите? Тогда посмотрите этот прибор. Я с ним проводил измерения в Красной Горе.

Г.Я.Брук пару минут занимался прибором.

– Константин Иванович, прибор не работает, батарейки сели...

К.И.Акулов, задав мне пару вопросов, говорит:

– Вот что. Решать вопрос о необходимых защитных и профилактических мероприятиях не Вам и не мне. Это завтра будет

обсуждаться на специальном заседании Совмина РСФСР. Указания получите в письменном виде.

После этого он попросил свернуть ему таблицы и графики, взял текст доклада и улетел в Москву. Через несколько дней пришло постановление Совмина России, в котором оценка ситуации и предложения (уже в виде предписаний) соответствовали в основном нашему докладу.

На следующий день мы с Г.Я.Бруком отправились в пострадавшие районы. Проводили дозиметрические измерения, отбирали пробы, исследовали содержание радионуклидов йода в организме людей. Надо сказать, что буквально за неделю до нашего отъезда в командировку в институт поступил одноканальный гамма-спектрометр производства ГДР. Этот прибор Г.Я.Брук успел проэталонировать по радиойоду (йоду-131). Он оказался единственным на всю Брянскую область переносным гамма-спектрометром, который позволил уже в нашу первую командировку в мае-июне 1986 года получить корректные данные о содержании йода-131 в организме более 600 детей разного возраста, беременных женщин и остального населения. На основании этих данных впервые в России были получены уровни поглощенных доз от йода-131, обусловленные радиоактивными выпадениями, и составлен дифференцированный, по полу и возрасту, прогноз их изменения.

Приходилось решать и далеко не простые вопросы о возможности употребления слабо загрязненных продуктов, а также о необходимости постоянного или временного отселения жителей с загрязненных территорий. Так, по нашему предложению, основанному на расчетном определении возможных доз облучения человеческого эмбриона и плода, а также организма детей, областными органами управления был решен вопрос о временном (на три месяца), т.е. до значительного снижения уровней облучения радиойодом и, в меньшей степени цезием-134 и 137, отселении 755 беременных женщин и 12 тысяч детей в возрасте до 12 лет. Временное отселение беременных женщин и детей осуществлялось в восточные и центральные (практически радиационно чистые) территории Брянской области, где заранее для них были освобождены санатории,

пансионаты, дома отдыха, пионерлагеря и школы. Это позволило почти вдвое уменьшить годовые дозы облучения организма и плода.

Вначале некоторые мои начальники скептически отнеслись к уже проведенному временному отселению беременных женщин и детей. Однако затем в итоге многолетних исследований было доказано, что эта мера привела к заметному уменьшению числа осложнений беременности и родов, а также частоты рака щитовидной железы у детей. Так, это заболевание у детей из западных районов Брянской области выявлялось в три раза реже, чем на таких же по плотности радиоактивного загрязнения территориях Гомельской области Белоруссии, и в два раза реже, чем в загрязненных областях Украины. После этого скептики вынуждены были согласиться с тем, что временное отселение с загрязненных территорий беременных женщин и детей оказалось эффективной защитной мерой и было, таким образом, вполне оправдано.

В то время как Л.А.Теплых вместе с местными коллегами проводила в Брянске и с выездом на места большое количество радиохимических исследований проб различных объектов и продуктов питания, доставленных из загрязненных территорий, мы с Г.Я.Бруком занимались непосредственным дозиметрическим обследованием этих территорий. В процессе этой работы, продолжавшейся почти два месяца, были обследованы десятки населенных пунктов и их жители.

Вспоминается эпизод, происшедший в поселке Мирный. Приехав туда, мы с Г.Я.Бруком попросили пригласить для обследования на содержание йода-131 в щитовидной железе около 30 беременных женщин и детей до 12 лет (временное отселение их было осуществлено несколькими днями позднее). Не прошло, однако, и часа, как в очередь на обследование выстроилась значительная часть жителей поселка. Несмотря на наши разъяснения, что проводится только выборочное обследование беременных женщин и детей, люди не расходились. Мы поняли, что придется проводить измерения у всех. Работали до глубокой ночи пока не измерили всех, стоявших в очереди.

Кроме проведения измерений гамма-фона и исследований содержания в организме радиойода и радиоцезия, мы проводили и другие исследования,

необходимые для оценки ситуации и принятия важных решений по радиационной защите населения.

Мы понимали всю меру ответственности за своевременное принятие мер по смягчению возможных последствий облучения у населения. Несмотря на напряженность сложившейся ситуации и большой объем выполняемой ежедневно работы мы не чувствовали усталости. Было ощущение, что мы как специалисты по радиационной защите приносим реальную помощь пострадавшим людям.

Однако, начиная с конца мая и, особенно, в июне, наша работа нередко вынужденно прерывалась. Это зачастую были бесконечные комиссии: по линии Минздрава СССР, Минсельхоза, МЧС, Совминов СССР и РСФСР и другие. Все приезжали буквально на один-два дня, и нам надо было для них готовить „к трапу самолета” справки о радиационной обстановке, ее прогнозе, проводимых и предлагаемых к проведению мероприятиях. Мне приходилось выступать докладчиком на этих совещаниях. Там, в частности, в числе мероприятий я предложил организовать филиал нашего института в Новозыбкове – районном центре одной из загрязненных территорий. Спустя несколько месяцев филиал Института радиационной гигиены в Новозыбкове был организован. Он просуществовал более десяти лет и провел большую работу по контролю за ситуацией и оказанию помощи местным властям и органам здравоохранения по ее нормализации.

Большое число самостоятельно выезжающих с территорий радиоактивного загрязнения (тысячи людей) направилось в Ленинград. Сотрудники института И.Э.Бронштейн, Э.Б.Ершов, В.В.Оробей и другие приняли самое активное участие в их дозиметрической обследовании и контроле за эффективностью дезактивации, проводимых на базе специально организованного в одной из бань санитарно-дозиметрического пункта. Эти исследования позволили получить важную дополнительную информацию об уровнях радиоактивного загрязнения, дозах внутреннего гамма-облучения тела и облучения щитовидной железы. Эти материалы широко использовались при подготовке докладов и справок для Минздравов РСФСР и СССР.

За непосредственное участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС 10 сотрудников нашего института были награждены орденами и медалями СССР. Я получил орден „Знак почета”. Мой помощник Г.Я.Брук, который больше всех наших сотрудников проработал на загрязненных территориях, получил (правда, значительно позже) „Орден мужества”. Однако радость от получения правительственных наград была омрачена мыслями о том большом ущербе, который несмотря на принятые меры нанесла Чернобыльская катастрофа людям. Как поется: „Это радость со слезами на глазах...”

В дальнейшем мне много раз приходилось возвращаться в те места, где мы „воевали” с радиацией в первые два месяца после катастрофы. Один из сотрудников филиала нашего института, выпускник Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института Михаил Васильевич Кислов под научным руководством моим и заместителя директора института по научной работе Е.В.Иванова успешно защитил кандидатскую диссертацию. В этой работе М.В.Кислов убедительно доказал, что принудительное переселение людей с загрязненных территорий, которое проводилось по постановлению правительства России в поздние сроки (спустя 3-5 лет) после катастрофы, когда около 80% суммарной дозы облучения населением уже получено, приносит для здоровья и самочувствия людей (не говоря уже о колоссальных затратах на переселение) больше вреда, чем пользы.

В экспериментальных исследованиях на беременных белых мышах мой тогдашний аспирант Виктор Лазаревич Васкан, приехавший в институт из Молдавии, установил, что в области малых доз при сочетанном воздействии радиации и стресса наблюдаемый у потомства животных неблагоприятный эффект целиком определяется стрессорным влиянием, а не облучением. И только в диапазоне более высоких доз облучения, не наблюдающихся как правило у населения загрязненных территорий, последствия сочетанного воздействия определяются уже облучением, а не стрессом.

Это принципиально важное положение было в последующие годы подтверждено нами и другими авторами в социально-психологических

исследованиях на людях. Так, в начале 90-х годов я и сотрудники моей лаборатории проводили также социально-психологическое обследование населения, пострадавшего в результате Чернобыльской катастрофы и Южно-Уральских аварий, происшедших в пятидесятые-шестидесятые годы. Было показано наличие у многих людей так называемого „отсроченного стресса”, распространенность и глубина которого не зависит от степени радиоактивного загрязнения этих мест, а определяется в основном воздействием социальных факторов.

Мне приходилось много выступать с докладами по радиационно-гигиенической и социально-психологической характеристике Чернобыльской и Уральских катастроф на международной конференции „Чернобыль: 10 лет спустя” в Вене, на семинарах в Стокгольме, Мюнхене, Софии и на конференциях и симпозиумах в России, в Белоруссии и на Украине.

Анализу последствий Чернобыльской катастрофы и путям их смягчения посвящены мои две последние монографии, („Радиация и стресс”, „Радиация и репродуктивное здоровье”), написанные уже в Германии и изданные в 20022003- годах в Санкт-Петербурге.

Вместо эпилога

Годы бегут!.. Детские годы, курсантская юность, врачебная служба на Тихоокеанском и Черноморском флотах, возвращение на долгие сорок лет в родной Ленинград, Институт радиационной гигиены, научные исследования, степени и звания и, наконец, отъезд на жительство в Германию, – все это было, как временами кажется мне, – только вчера. Такова, по-видимому, особенность человеческой памяти: хорошо хранить наиболее яркие, позитивные эпизоды давно прошедших лет, выкидывая все второстепенное, неприятное.

Хорошо об этом написал в своих воспоминаниях Евгений Мравинский: „Есть какие-то переходные моменты, когда ушедшее еще не стало полностью прошлым. Есть кадры бытия, хоть исчезновшие, но еще зримые, осязаемые и существующие в какой-то своей реальности”.

Писать о самом себе, о своей жизни, делах и поступках – это дело, казалось бы, простое, а на самом деле очень и очень трудное. Поэтому я старался составить не жизнеописание, а изложить только те наиболее интересные, на мой взгляд, реальные события, эпизоды, встречи, которые происходили на моем, достаточно тернистом пути. Пусть простит меня Читатель за порой слишком подробное описание. Это представлялось мне необходимым для более полного представления о том сложном и противоречивом времени. Ведь я прожил три четверти прошлого века!..

Мне в жизни в основном везло на добрых и честных людей. Я всегда ощущал внимание и заботу не только родных, но и многих своих друзей и старших товарищей. Всем, чего я достиг в науке и в жизни, я обязан именно им.

Время неумолимо – многих, очень многих из тех моих родных, друзей и

коллег по работе, о которых я написал в этой книге, уже нет в живых. Сменяются поколения. Но память о них должна оставаться!